

М. В. Крюков

ЭТОТ ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ
ЭРОМАНГА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. В. Крюков

ЭТОТ ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ ЭРОМАНГА

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК26.89.
К85

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), **Л. Б. АЛАЕВ,**
Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор и автор предисловия

Д. Д. ТУМАРКИН

Рецензент

Л. А. ИВАНОВА

Крюков М. В.

К 85 Этот таинственный остров Эроманга. Предисл.
Д. Д. Тумаркина. М.: Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1989. 128 с. с
ил. («Рассказы о странах Востока»).

ISBN 5-02-016580-9

В своих путевых заметках этнограф **М. В. Крюков**, посетивший
летом 1971 года остров Эроманга в южной части Тихого океана, рас-
сказывает о своих встречах с жителями этого острова, где до той
поры не довелось побывать ни одному нашему соотечественнику.

К 1805030000-018 64-89
013(02)-89

ББК 26.89

Михаил Васильевич Крюков

ЭТОТ ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ ЭРОМАНГА

Утверждено к печати Редакцией серии

«Рассказы о странах Востока»

Редактор **И. В. Королева.** Младший редактор **Н. Л. Скачко.** Худож-
ник **Л. С. Эрман.** Художественный редактор **Э. Л. Эрман.** Технический
редактор **В. П. Стуковнина.** Корректор **М. В. Малькова**

ИБ № 16272

Сдано в набор 23.05.88. Подписано к печати 13.10.88. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 6,72+0,42 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 7,77.
Уч.-изд. л. 7,52. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6547. Зак. № 448. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ISBN 5-02-016580-9

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОСТРОВНОЙ МИР

Писатель Даниил Гранин в 1966 году сравнил советских этнографов-океанистов с астрономами, которые всю жизнь исследуют далекие миры, не будучи в состоянии там побывать¹. Это образное сравнение, к сожалению, было достаточно точным: после Н. Н. Миклухо-Маклая этнографы нашей страны, изучающие островитян Океании, на протяжении многих десятилетий не имели возможности посещать этот регион.

В 1971 году в СССР широко отмечались две памятные даты: 125 лет со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и столетие с начала его экспедиционных работ на Новой Гвинее. Этой двойной годовщине была посвящена научная конференция, а также выставка в Ленинградском Музее антропологии и этнографии. Но, как справедливо отметила юбилейная комиссия, созданная Президиумом Академии наук СССР, лучшим памятником замечательному русскому ученому-гуманисту явилось бы продолжение начатых им исследований. В связи с этим было решено посвятить Н. Н. Миклухо-Маклаю очередной, шестой рейс научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» и направить его в южную часть Тихого океана.

В экспедиции, возглавлявшейся известным океанологом А. А. Аксеновым, участвовали ученые многих специальностей. Впервые в состав такой экспедиции был включен этнографический отряд, которым довелось руководить автору этих строк. Одним из наиболее активных членов отряда был М. В. Крюков — крупный специалист по этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии и общей этнографии. После этого рейса в круг его научных интересов вошла и этнография Океании.

За четыре месяца «Дмитрий Менделеев» прошел около 24 тысяч миль, что превышает длину экватора, и посетил острова и архипелаги, расположенные во всех

---

¹ Гранин Д. Месяц вверх ногами. Л., 1966, с. 17.

основных историко-культурных областях Океании: Новую Гвинею, Новые Гебриды, Новую Каледонию и Фиджи в Меланезии, Западное Самоа и группу Эллис (ныне Тувалу) в Полинезии, Науру и архипелаг Гилберта в Микронезии, а также островок Лорд-Хау, находящийся недалеко от восточного побережья Австралии. Кроме того, «Дмитрий Менделеев» заходил в Сингапур, Сидней и Токио².

Участие в рейсе позволило этнографам собрать большей и ценный материал о культуре и быте народов Южных морей, завязать полезные контакты с научными организациями и отдельными исследователями Австрало-Океанийского региона. Это было незабываемое путешествие в далекий островной мир, который нам прежде приходилось изучать сквозь книжный «телескоп». Каждый заход, каждая высадка были по-своему важны и интересны. Но кульминацией работы отряда, да и экспедиции в целом, стало посещение новогвинейской деревни Бонгу, увековеченной в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая.

Оказалось, что жители Бонгу и других деревень Берега Маклая сохранили добрую память о русском ученом; он превратился в легендарную фигуру в местных преданиях. Островитяне хорошо помнят, что именно *тамо русс* Маклай привез им первые железные топоры и ножи, многие новые для них культурные растения, подарил бычка и телку, показывают место, где стояла его хижина. Эти исторические факты запечатлелись не только в их коллективной памяти, но и в бонгуанском языке, в который вошло несколько фонетически видоизмененных русских слов.

Бонгуанцы тепло и сердечно встретили гостей из «страны Маклая». Не надо было добиваться их доверия — они поверили нам сразу, а для этнографов это половина дела. Не надо было ломать психологический барьер — его сто лет назад сломал для нас Миклухо-Маклай. Вот почему за короткое время удалось так много узнать о различных сторонах жизни бонгуанцев, выявить изменения, которые произошли здесь за столетие³.

² Аксенов А. А., Белоусов И. М. Загадки Океании. Экспедиция на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». М., 1975; Тумаркин Д. Д. По островам Океании (Этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева»). — Советская этнография. 1972, № 2.

³ На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М., 1975.

Во время заходов и высадок этнографы обычно работали как единый коллектив. Каждый член отряда собирал материал по строго определенной проблематике и в то же время попутно интересовался более широким кругом вопросов, как бы страхуя своих товарищей. Но в одном случае М. В. Крюков оказался «монополистом»: вместе с четырьмя участниками экспедиции (ботаником, зоологом, геоморфологом и корреспондентом «Известий») он провел неделю на острове Эроманга, тогда как остальные члены этнографического отряда после совместной работы на острове Эфате находились в открытом море на борту «Дмитрия Менделеева». О пребывании на Эроманге М. В. Крюков и рассказывает в книге, предлагаемой вниманию читателей.

Автор адресовал свое произведение всем тем, кого увлекает романтика дальних странствий, кто интересуется образом жизни, нравами и обычаями народов нашей многоликой планеты. Но это не просто увлекательный рассказ о приключениях на далеком и таинственном острове, о его экзотических, по европейским меркам, обитателях. Эроманга — один из наименее изученных островов архипелага Новые Гебриды. Сведения о культуре и быте местного населения, сообщаемые М. В. Крюковым, заполняют пробел в изучении народов Океании, вносят несомненный вклад в «копилку» этнографических знаний.

Однако этим не исчерпывается значение книги. Специалист широкого профиля, М. В. Крюков перемежает повествование своего рода «лирическими отступлениями». Таковы, например, рассуждения о социальных и этнических функциях пищи, вдохновенный гимн кокосовой пальме, очерк о системах родства. Автор часто обращается в сравнительных целях к культурам других островитян Океании, древних китайцев, народов античности и т. д. Это еще более увеличивает познавательную ценность книги.

В основу повествования положен дневник, который автор вел в 1971 году, участвуя в экспедиции на «Дмитрии Менделееве». По своему жанру книга во многом напоминает репортаж, написанный по горячим следам. Вот почему в ней порой говорится в настоящем времени о событиях и явлениях, которые уже ушли в прошлое, сметены ветрами перемен.

В 1980 году на развалинах англо-французского кондоминиума (совместного колониального владения) Но-

вые Гебриды возникла независимая Республика Вануату. Правительство молодого государства взяло курс на ликвидацию экономической отсталости, на возвращение в собственность коренного населения земель, отторгнутых колонизаторами. Правящая в стране партия Вануааку объявила о своем намерении следовать по «меланезийскому пути», что подразумевает опору на общинные, коллективистские традиции, стремление в максимально возможной степени сохранить культурную самобытность⁴.

Коренное население Вануату ко времени обретения независимости насчитывало примерно 115 тысяч человек и делилось на более чем сто племен, говорящих на различных языках и диалектах. В некоторых частях страны наблюдались межплеменные трения, активизировались сепаратистские движения, получавшие поддержку извне. Поэтому одной из важнейших задач правительства молодого государства стало укрепление уз дружбы между народами Вануату, воспитание надплеменного, общевануатского самосознания, чувства принадлежности к новой этнополитической общности. Не случайно еще накануне провозглашения независимости в столице страны городе Виле был проведен первый фестиваль искусств народов Вануату, в ходе которого тысячи людей, прибывших со всех концов архипелага, тесно общались друг с другом, убеждались в большом сходстве их искусств и ремесел, перенимали отдельные иноплеменные традиции⁵.

Маленькая Республика Вануату завоевала значительный авторитет на международной арене своей смелой и целеустремленной внешней политикой. Правительство Вануату добивается ликвидации последних очагов колониализма в Океании, вступило в движение неприсоединения, объявило свою страну безъядерной зоной и активно способствовало провозглашению такой зоной всей южной части Тихого океана. «Вануату, являющаяся неприсоединившейся и безъядерной страной, никогда не станет союзником никаких военных блоков и не позволит использовать свою территорию в

---

⁴ Lini W. Beyond Pandemonium. From the New Hebrides to Vanuatu. Wellington, 1980. О «меланезийском пути» см.: Независимые государства Океании. М., 1984, с. 135—138.

⁵ Мишутушкин Н. Н. Фестиваль искусств народов Вануату.— Советская этнография. 1980, № 6.

военных целях»⁶, — заявил в 1987 году премьер-министр республики Уолтер Лини.

Вануату выступает за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество стран бассейна Тихого океана. В 1986 году она установила дипломатические отношения с СССР и подписала с нашей страной соглашение о рыболовстве.

Семнадцать лет прошло со времени первого путешествия советских этнографов в океанийский островной мир⁷. За эти годы записи М. В. Крюкова о его пребывании на Эроманге превратились в исторический источник, который позволяет не только познакомиться с самобытной культурой населения далекого острова, но и глубже понять те проблемы и трудности, с которыми столкнулась новорожденная Республика Вануату, когда она, по выражению Уолтера Лини, словно легкокрылое каное бесстрашно вышла в открытое море навстречу новой жизни.

Д. Д. Тумаркин

---

⁶ За рубежом. 1987, № 15, с. 8.

⁷ В 1977 г. советские этнографы снова посетили острова Океании, участвуя в восемнадцатом рейсе «Дмитрия Менделеева». См.: *Тумаркин Д. Д.* Новая встреча с Океанией.— Советская этнография. 1977, № 6; *Плахова М. Л., Алексеев Б. В.* Океания далекая и близкая. М., 1981.

День первый

ПОЧТИ У ЦЕЛИ

Солнце, бури, климат знойный,
Жизни трепет беспокойный,
Неумолчный гам...
Так чего ж? Махнув рукою,
Поезжай — господь с тобою —
К чуждым берегам!

В. Курочкин. Напутствие

Из дневника капитана Кука

«Среда, 27 июля 1774 г.

После полудня переменные малые ветры, почти штиль. Подхвачены были течениями, которые несли нас назад, или, точнее говоря, мы вынуждены были возвратиться назад по проходу, чтобы нас не выбросило на мели.

На восходе по пеленгу зюйд показалась новая земля в виде трех пиков, и, очевидно, здесь было много островов. Чтобы выяснить это, надо было повернуть овершлаг и направиться к ним.

Четверг, 28 июля.

Слабые ветры и приятная погода. Южная земля простиралась от 31° до 61° зюйд-вест, а на восходе — от 35° до 71° зюйд-вест, и оказалось, что в ней нет разрывов (и все три пика принадлежат одному острову).

Вторник, 2 августа.

Обойдя северную оконечность, мы прошли вдоль западного берега на расстоянии мили от него. В нескольких местах появились туземцы и, как нам показалось, знаками приглашали нас на берег. В конце концов мы приблизились к бухте, образованной небольшим изгибом берега и лежащей в нескольких милях от северо-западной оконечности острова. В южной части этой бухты на расстоянии одной мили от берега глубина была 22—30 саженей.

Я хотел было встать здесь на якорь, но ветер почти сразу же перешел с норд-оста на норд-вест и дул почти на берег, поэтому пришлось отказаться от этого наме-

рения. Кроме того, мне не хотелось терять так долго ожидавшуюся возможность, которая теперь наконец появилась, пройти к земле, открытой нами дальше на зюйд. Поэтому я продолжал следовать вдоль берега примерно на одном и том же расстоянии от него, но вскоре при промерах мы не стали доставать дна.

В нескольких милях от этой последней бухты, которая имела протяженность около 2 миль, мы увидели еще одну, более обширную. Солнце село раньше, чем мы дошли до бухты, а ветер начал стихать.

Среда, 3 августа.

Видя, что корабль относит не только на норд, но и к берегу, и находясь все еще к югу от бухты, мимо которой мы прошли вчера, я решил встать на якорь, пока в наших силах было выбрать для этого место. С этой целью я приказал спустить две шлюпки и одну из них послал вперед для буксировки корабля. В другой штурман отправился на промер якорного места, и вскоре ему на помощь была послана другая шлюпка.

В южной части бухты, которая была наиболее удобной, чтобы стать здесь на якорь, дно не удалось нашупать, пока не подошли вплотную к самому берегу. Мы не сумели обследовать другие части бухты, так как корабль пронесло мимо нее. Поэтому необходимо было позвать шлюпку, чтобы отбуксовать судно от северного мыса, но наше намерение выполнил ветер, который в этот момент, к счастью, подул от зюйд-веста. Поэтому мы подняли шлюпки и пошли фордевинд к северной оконечности острова, чтобы еще раз попытаться обойти ее.

М-р Гилберт сообщил мне, что в южной части бухты дна не достали, пока не подошли вплотную к берегу, крутому и каменистому, где он высадился, чтобы попробовать воду в ручейке. Вода оказалась соленой, и возможно, что ручей шел из водоема, который лежал за берегом и соединялся с морем. Там он увидел безоружных людей, но держались они на расстоянии.

На восходе мы обнаружили, что находимся на траверзе очень высокого мыса на северо-восточном берегу острова и в трех милях от него. Испытывая нужду в топливе, я послал лейтенанта Кларка с двумя шлюпками на островок, лежащий у самого мыса, на поиски дров. Людей здесь не было видно, и никто не мог нам помешать. К полудню наши люди возвратились ни с чем; им не удалось высадиться из-за сильного прибоя. Людей на островке не было; во всяком случае, они не

видели никого и ничего примечательного, но заметили большую летучую мышь и поймали водяную змею.

Пятница, 5 августа.

В 2 часа дня мы вышли из бухты, обогнули мыс, спустившись на фордевинд, и легли на зюйд-зюйд-ост к южной оконечности острова при крепком ветре от норд-веста.

На юго-западной стороне мыса есть глубокий залив, который, возможно, соединяется с бухтой на ее северо-западной стороне. Берега его низки, прилегающие земли кажутся очень плодородными. Он открыт ветрам, и поэтому, если какому-нибудь кораблю явится необходимость зайти на этот остров, пока неизвестна более хорошая бухта, лучше пользоваться заливом, который защищен от господствующих ветров...

Высокий мыс или полуостров, разделяющий две бухты, я назвал мысом Предателей из-за вероломного поведения здешних обитателей. А сам остров они называют Эроманга...»

Неожиданное затруднение

— Боюсь, что мне придется разочаровать вас, — сказал нам вечером доктор Ли. — Подходящих людей так и не удалось найти, а разрешить вам идти через весь остров без проводников я не могу. Здесь тропический лес, джентльмены. С этим не шутят.

И он рассказал нам, что несколько дней тому назад профессор Грин, увлекшись сбором гербария, неосмотрительно углубился в джунгли, сбился с пути и лишь чудом остался жив.

Мы сидели под навесом и пили кофе с галетами. Дело начинало принимать скверный оборот. Стоило покинуть наш добрый старый «Дмитрий Менделеев», плыть за тридевять земель в страшную штормовую ночь на крохотном суденышке, которое, казалось, твердо решило перевернуться и раздумывало лишь о том, через какой борт это удобнее сделать, — для чего, повторяю, нужно было это все, если, оказавшись наконец почти у цели, мы так и не сможем добраться до какой-нибудь деревни на острове! Это было тем более досадно, что, по всей видимости, мы оказались первыми русскими, когда-либо побывавшими на Эроманге...

Откройте карту Океании, и среди английских, французских, полинезийских названий вы найдете немало

русских — острова Бородино и Лисянского, атоллы Суворова и Кутузова... Совершенно особая судьба, конечно, у Берега Маклая. Не случайно множество людей в нашей стране, и среди них те, кто не слишком силен в географии и не сразу найдет на карте Могадишо или Рио-де-Жанейро, знает о существовании Берега Маклая. По соседству с ним на географической карте — целая россыпь названий, напоминающих об исследованиях наших соотечественников в тропической зоне Тихого океана, — пролив Изумруд, бухта Константина, архипелаг Довольных Людей. Но ни на Эроманге, ни поблизости от него русских названий нет — так уж получилось, что наши мореплаватели прокладывали курс вдалеке от этого острова. «Итак, мы — в известном смысле слова первопроходцы!» — сформулировал эту мысль Михаил Александрович Ростарчук.

С «Дмитрия Менделеева» мы захватили с собой несколько буханок белого хлеба — предмет гордости нашего корабельного пекаря. Это пришлось как нельзя более кстати, потому что в лагере экспедиции британского Королевского общества хлеб кончился еще недели две назад. Чтобы сделать приятное нашим коллегам, мы отдали им не успевшие еще зачерстветь буханки, а сами для разнообразия принялись за австралийские галеты.

— Настоятельно рекомендую всем присутствующим ежедневно требовать к столу только русский хлеб! — громогласно провозглашает Джон Эдгар. Ему явно хочется хоть немного развеселить нас. Мы старались не подавать виду, но сообщение доктора Ли было обескураживающим.

А может быть, просто-напросто кончилась полоса того чудесного, исключительного везения, которое, собственно, и привело меня на этот остров, затерявшийся среди океанской пустыни за много тысяч километров от дома?

В жизни каждого человека бывают мгновения, когда привычный будничные ритм вдруг неожиданно убыстрится, заставляя сердце биться учащенно в ожидании чего-то необычного. В такие моменты люди влюбляются с первого взгляда, забывают решающие голы в ворота противника, открывают новые физические законы. Именно в такой момент много лет тому назад меня, студента-второкурсника, вызвал к себе в кабинет декан факультета и сказал, улыбаясь:

— Считайте, что вам повезло. Только что из министерства пришла заявка на переводчика для поездки с делегацией в Китай. Вы, кажется, достаточно хорошо знаете язык, и поэтому я выбрал вас. Надеюсь, Вы не подведете меня!

Тогда я был молод и наивен. Я считал, что если это говорит декан, то самое главное теперь — не опоздать на самолет. Но ответственный товарищ в министерстве, у которого после заседания вдруг началась мигрень, принялся отчитывать меня:

— Кто дал вам право, молодой человек, морочить мне голову? Нам нужны переводчики, а не дилетанты. Потрудитесь не перебивать меня. Идите и сдавайте свои зачеты. Откуда только такая самоуверенность у нынешней молодежи?!

В тот день я дал себе слово стать скептиком и научиться верить в то, что вот так просто среди бела дня можно взять да и вытянуть счастливый лотерейный билет. Но вопрос, заданный много лет спустя как-то мимоходом в коридоре Института этнографии, заставил мое сердце учащенно забиться, как тогда, в кабинете декана:

— Не хотите ли поехать в экспедицию на острова Тихого океана?

Если бы вы, читатель, были этнографом, то для вас этот вопрос прозвучал бы примерно так же, как приглашение слетать завтра утром на Луну: чисто технически это, может быть, и осуществимо, но ведь в жизни так не бывает. Во всяком случае, такого не бывало вот уже почти сто лет, с тех пор как Н. Н. Миклухо-Маклай, изнуренный тропической лихорадкой, но по-прежнему увлеченный идеей переустройства жизни папуасов, вернулся из своей последней экспедиции на Новую Гвинею.

Узнав с готовящейся поездке в Океанию, один мой знакомый сказал: «Это настолько фантастично, что наверняка осуществится. Ну, а что касается лично тебя, то тут вопрос ясный: человеку, не только работающему в институте имени Миклухо-Маклая, но и живущему на улице того же названия, место в этой экспедиции гарантировано!»

В то, что все это не сон, я поверил только в первую ночь на Новой Гвинее. Сна в ту ночь не было. Тропическое небо, усеянное яркими брызгами звезд, висело непривычно низко, почти над самой головой. Пальмы

отбрасывали четкие чернильные тени на песчаный пляж, а воздух был наполнен шелестом океанских волн и криками ночных птиц. Это очень странное чувство — вдруг ощутить, что ты находишься на Берегу Маклая.

Несколько дней, проведенных в деревне Бонгу, мы работали в каком-то исступлении, считая часы и минуты. Вот как описывает Н. Н. Миклухо-Маклай свою первую встречу с папуасом Туем, вскоре ставшим его верным другом и помощником: «...я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека... Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица моего знакомого показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню...».

Могли ли мы предполагать, что познакомимся в деревне Бонгу с другим Туем, правнуком знаменитого папуаса, и что именно он расскажет нам о древних обычаях своих предков и сплет песню, исполняемую во время религиозных обрядов?

Когда шлюпка в последний раз оторвалась от берега, чтобы доставить нас обратно на «Дмитрий Менделеев», я был уверен, что самая интересная часть нашего путешествия уже позади. Нас ждали еще несколько архипелагов, но было неясно, удастся ли собрать там сколько-нибудь ценные этнографические данные. В непосредственной перспективе был геофизический полигон, во время которого нам предстояло разбирать коллекцию предметов материальной культуры папуасов, собранную на Берегу Маклая, или переписывать набело свои полевые записи.

Я стоял на верхней палубе, когда ко мне подошел Армен Леонóвич Тахтаджян.

— Будьте любезны, — сказал он, — расскажите мне все, что вы знаете об острове Эроманга.

Кондоминиум

По старинному морскому обычаю, судно, входящее в иностранный порт, приветствует жителей, поднимая их национальный флаг. В то утро на флагштоке «Дмитрия Менделеева» взвились сразу два полотнища — француз-

ское и английское. Мы подходили к пирсу порта Вила, административного центра архипелага. Собственного флага Новые Гебриды тогда еще не имели. Это один из немногочисленных уголков современного мира, где можно было воочию представить себе, что такое колония. К тому же не просто колония, а кондоминиум, что означает «совместное владение».

Англо-французский кондоминиум возник здесь отнюдь не в результате стремления колониальных держав к сотрудничеству. Как раз наоборот: ни Англия, ни Франция не хотели уступать друг другу, и в итоге этого ожесточенного соперничества за господство на Новых Гебридах появилось соглашение 1906 г. о создании совместного владения. Кондоминиум чем-то напоминает сиамских близнецов, каждый из которых имеет свой характер, свои наклонности и желания, но вынужден мириться с тем, что навсегда связан с себе подобным. Хирургическое вмешательство приводит к летальному исходу.

Но совладельцы, как видно, и не стремились к изменению статус-кво на архипелаге. «Почему именно мы, а не французы должны первыми уйти отсюда?» — примерно так рассуждали англичане, хотя и понимали, что кондоминиум не представляет для Великобритании экономического интереса. «Ну уж нет, это дело принципа. Пусть уж будет кондоминиум!» — такова, по-видимому, была позиция французов. Нужно ли удивляться тому, что в политических кулуарах Запада кондоминиум на Новых Гебридах давно уже был переименован в пандемониум.

В англо-русском словаре приводятся два основных значения этого слова: 1) обиталище демонов, ад; 2) ад крошечный, столпотворение. Подлинный смысл этого определения раскрыл известный английский журналист Дэвид Эттенборо, совершивший в свое время путешествие на Новые Гебриды.

Незадолго перед отъездом из Лондона, пишет Эттенборо в своих путевых очерках, ему пришлось разговаривать с человеком, только что вернувшимся из порта Вила. Тот не мог без негодования говорить о тамошней британской резиденции:

— Это позор для страны. Нашему чиновнику приходится жить в ветхом, полуразвалившемся здании на крохотном островке посредине залива, тогда как французский резидент блаженствует в роскошном белом

дворце на вершине холма, высящегося над городом. Следует что-то предпринять. Мы теряем престиж на Тихом океане.

Кое-что было сделано. Когда Эттенборо прибыл в порт Вила, он увидел, что на месте старого дома стоит красивое современное здание из дерева и ярко раскрашенного бетона. Французы сочили себя оскорбленными. На фоне новой английской постройки французская резиденция, по их мнению, стала выглядеть невзрачной и аляповатой. Это был позор для страны. Теперь уже им следовало что-то предпринять, ведь французам грозила опасность потерять престиж на Тихом океане. Пришлось, в частности, тщательно измерить флагштоки в каждой резиденции, чтобы они были совершенно одинаковой высоты. Ведь если бы Триколор стал развеваться выше или ниже, чем Юнион Джэк, это, несомненно, повлекло бы за собой страшные последствия. Принцип кондоминиума, говорит Эттенборо, скрупулезно проводится даже в мелочах. Если появляется что-то английское, в противовес ему тотчас же вводится его французский дубликат, и наоборот. Поэтому на Новых Гебридах существуют две денежные единицы, две системы мер и весов, две полицейские и две медицинские службы...

Но, может быть, это всего лишь художественный прием журналиста, понимающего толк в юмористической литературе?

Увы, побывав на Новых Гебридах, я могу подтвердить, что все это не преувеличение. Нам рассказывали, что здесь существуют даже два судопроизводства: за одно и то же преступление правонарушителя могут наказать либо по английским, либо по французским законам, это уж как кому повезет. Четкий и недвусмысленный принцип кондоминиума нарушен, кажется, только в одном случае — в правилах уличного движения. Да и то потому лишь, что оно никак не может быть одновременно и правосторонним, как в Париже, и левосторонним, как в Лондоне. На Новых Гебридах правостороннее уличное движение — убедительнейшее свидетельство того, что Великобритания «теряет свой престиж на Тихом океане».

Когда «Дмитрий Менделеев» подходил к Новым Гебридам, было еще неясно, разрешат ли нам высадиться для работы на архипелаге. Начальник нашей экспедиции профессор А. А. Аксенов приготовился к худшему.

Ему приходилось бывать здесь, и он достаточно хорошо знал местные порядки:

— Если кому-нибудь из здешних чиновников захочется помешать нам, он, разумеется, не скажет «нет». Он выскажется в том духе, что французские власти готовы пойти нам навстречу, но вот англичане — так те решительно против этого. Англичане же будут утверждать обратное, и вы уже никогда не выберетесь из этого лабиринта.

Чтобы не нарушать священный принцип кондоминиума, с «Дмитрия Менделеева» сошли в то утро две делегации. Одна отправилась на аудиенцию к французскому резиденту, другая — к английскому.

Пока шли переговоры «в верхах», мы решили съездить на крошечный остров Фи́ла, расположенный у входа в бухту, чтобы искупаться и позагорать. До сих пор мы высаживались на берег только для того, чтобы работать, — сейчас вдруг выяснилось, что на островах Океании можно просто так лежать на мягком песке, рассматривать крабов-отшельников, высывающихся из своих домиков, и ждать, когда теплая волна накроет тебя с головой.

Неожиданно тишину безлюдного пляжа прорезали крики. Из прибрежных зарослей выскочила отчаянно визжащая свинья, которая бросилась наутек по песчаной кромке. Вслед за ней из кустов появилось несколько запыхавшихся парней, тщетно пытавшихся догнать беглянку. После ряда неудачных маневров, сопровождавшихся падением в воду и барахтаньем, человек — в который уж раз в мировой истории! — одержал верх. Постепенно мы поняли, что, сами того не ожидая, попали на островок Фи́ла в разгар подготовки к празднику: завтра в деревне будут играть свадьбу. Йохан Кальсакау, юноша-меланезиец, руководивший поимкой сбежавшей из кухни свиньи, пригласил нас принять участие в торжестве. Он рассказал нам, что его отец Джон Кальсакау — врач, получивший высшее образование на Фиджи, член консультативного совета при администрации кондоминиума.

Младшая сестра Йохана, Наоми, предложила нам осмотреть достопримечательности деревни — церковь, деревенскую площадь, общинный дом. У входа в общинный дом стоял барабан, на который кто-то надел старую стальную каску (во время второй мировой войны здесь шли бои). Сигнальные барабаны, созывавшие жи-

телей для обсуждения важных проблем, — типичные предметы традиционной меланезийской культуры. Это большие стволы дерева, выдолбленные внутри. На Новой Гвинее такие барабаны кладут прямо на землю, на островах Меланезии — ставят вертикально.

Тем временем переговоры затягивались. Представитель английской администрации без энтузиазма встретил просьбу о проведении на Новых Гебридах этнографических исследований. По его словам, здесь почти не осталось ничего такого, что представляло бы интерес для этнографа. Так ли это?

Мне живо вспоминается мой старый друг Ричард Шатлер. Я познакомился с ним в Токио на международном конгрессе. Как-то вечером в гостях у общих знакомых Дик прочел нам импровизированную лекцию по археологии и этнографии Новых Гебрид, где он работал в течение многих лет. Увлекательный рассказ Дика о проблемах, связанных с прошлым Новых Гебрид, заронил тогда в мою душу искру увлечения океанийской этнографией.

— Иохан, а не знаешь ли ты Ричарда Шатлера?

— Нет. А кто это такой?

— Один канадский археолог. Он каждый год бывает на Новых Гебридах. Впрочем, если бы ты хоть раз увидел его, то сразу запомнил бы: таких рыжих шевелюр здесь, наверное, немного.

— Нет, Ричарда Шатлера я не знаю. У нас неделю тому назад останавливался один ученый. Он тоже очень рыжий, но зовут его Дик.

— Дик?!

Дик Шатлер был здесь неделю тому назад и даже останавливался в этом самом доме!

— А где он сейчас?

— Он сказал, что едет на острова южной части архипелага, кажется на Эромангу.

Побывать на Новых Гебридах, где, как считает доктор Ричард Шатлер-младший, находится ключ к разгадке тайны заселения Полинезии, и разминуться с Диком... Вот была бы встреча!

На грани двух миров

Временами начинало казаться, что океану не будет конца. Он как огромная безлюдная пустыня, где почти

не увидишь признаков жизни. Лишь изредка мелькнет за бортом тень акулы да выпорхнет из гребня волны стайка летучих рыб, чтобы тотчас же снова скрыться в бездне. В этом ослепительном сине-зеленом безмолвии переставешь верить в то, что есть на свете огромные города с многоэтажными домами, доверху набитыми озабоченными людьми, часы пик. оглушительные крики «шайбу, шайбу!» Здесь царят покой и величественная тишина. Здесь — Океан.

Но не бывает океанов без островов, как нет пустынь без оазисов. Каждый остров — большой или малый — это оазис жизни. От одного до другого порой многие сотни, а то и тысячи миль пути. Как же попали сюда люди? «Кто сможет ответить, каким образом они попали на острова и какие связи существовали между ними и им подобными?» — этот вопрос задавал себе один из первых исследователей Океании, Луи де Бугенвиль. До сих пор этот вопрос ждет своего окончательного решения.

Представьте себе гигантский треугольник, вершина которого — на Гавайях, нижний левый угол — на Новой Зеландии, а правый — на острове Пасхи. На многих сотнях островов, заключенных в этой геометрической фигуре, живут полинезийцы, отчего и сам треугольник носит название Полинезийского. Своей западной стороной он вплотную примыкает к группе архипелагов, населенных людьми иного расового типа, говорящими на других языках, — это Микронезия. А юго-западнее Микронезии расположена Меланезия, где живут люди, тоже отличающиеся по языку и внешнему облику от полинезийцев. Архипелаг Новые Гебриды, составляющий часть Меланезии, лежит на грани этих двух миров — меланезийского и полинезийского.

Ученые, начиная с исследователей Океании XVIII в., среди которых особого упоминания заслуживают Луи де Бугенвиль и Джеймс Кук, вплоть до сравнительно недавнего времени сходились на том, что прародина полинезийцев находится в Южной или Юго-Восточной Азии. Расхождения во мнениях касались лишь того, каким путем предки современного населения Полинезийского треугольника проникли сюда.

В 30—40-е годы нашего столетия широкое распространение среди специалистов получила теория, изложенная одним из наиболее авторитетных этнографов-океанистов — Те Ранги Хироа. По его мысли, протополине-

зийцы сформировались первоначально как определенная этническая общность на островах Индонезии. Там они занимались земледелием и разведением домашних животных, у них была развитая техника изготовления каменных орудий. Затем протополинезийцы мигрировали в северо-восточном направлении и заселили Микронезию. Здесь они столкнулись с принципиально иными природными условиями, что привело к серьезным изменениям в материальной культуре и хозяйстве переселенцев. Протополинезийцы утратили в Микронезии известные им ранее культурные растения, домашних животных, а также многие технические навыки. Продвигаясь на юг, они достигли Западной Полинезии, откуда распространились затем по всему треугольнику. Так считал Те Ранги Хироа, и многим его точка зрения казалась убедительной.

Суть другой теории заселения Полинезии заключается в том, что путь движения протополинезийцев лежал гораздо южнее, чем предполагал Те Ранги Хироа: он проходил через Меланезию, в частности через Новые Гебриды, Соломоновы острова и Фиджи. В пользу этой точки зрения свидетельствовал прежде всего тот факт, что в лингвистическом отношении полинезийцы обнаруживают наиболее тесные связи с населением некоторых архипелагов Меланезии. Привлекало внимание исследователей и то, что южноазиатский и полинезийский пищевой комплекс включает большинство видов домашних животных и культурных растений, распространенных в Меланезии, но отсутствующих в Микронезии.

За последние четверть века вопрос происхождения полинезийцев и путей заселения Океании перестал быть узконаучным, волнующим лишь специалистов-этнографов. Перестал благодаря норвежцу Туру Хейердалу, чья научная дерзость в сочетании с недюжинной энергией, решительностью и смелостью сделала его почти столь же популярным во всем мире, как Пеле.

Хейердал завоевал симпатии широкого читателя во всем мире тем, что проблему заселения Полинезии он стал решать не в тиши кабинета, а на бальсовом плоту, на котором он вместе с немногочисленными спутниками совершил знаменитое путешествие по Тихому океану.

Плавание на «Кон-Тики», предпринятое Хейердалом в 1947 году, должно было подтвердить по крайней мере одну составную часть его гипотезы, согласно кото-

рой полинезийцы являются потомками индейцев племени квакиютль, живших на северо-западном побережье Америки, и древних перуанцев. Первые мигрировали на Гавайские острова, вторые — заселили остров Пасхи. Стремясь найти непосредственные доказательства того, что люди, населявшие Перу, не только могли переплыть Тихий океан на плотах и достичь острова Пасхи, но и действительно достигли его, Хейердал предпринял археологические раскопки на этом острове.

Опубликованные в 1952—1958 годах книги Хейердала, в которых были изложены основные положения его теории и результаты исследований на острове Пасхи, вызвали в научных кругах подлинную бурю — настолько резкой была критика в его адрес. Американский археолог Р. Саггз, длительное время производивший раскопки на островах Восточной Полинезии, наиболее четко указал на основные противоречия в концепции норвежского ученого. Хейердаловские перуанцы, писал Саггз, видимо, обладали тем классическим приспособлением, которое известно из научно-фантастической литературы под названием «машина времени». Ведь они якобы появились на острове Пасхи в 380 году новой эры, ведомые инкским богом-героем, сведения о котором относятся к VIII веку; они принесли с собой материальную культуру типа тиахуанако, в том числе инкские стены XVI века. Все это звучит подобно гипотезе о том, что Америка была открыта в конце существования Римской империи английским королем Генрихом VIII, который научил индейцев пользоваться автомашинами марки «Форд Фалькон».

Среди специалистов-этнографов сторонников теории Хейердала — единицы, противники же выступают сомкнутыми рядами, словно древнегреческая фаланга. А вот среди широкой читающей публики трудно найти человека, не знакомого с именем Тура Хейердала, суть же концепции Те Ранги Хироа знают немногие. В наш век компьютеров и роботов люди высоко ценят ученых-смельчаков. Не потому ли сотни и тысячи исследователей-любителей во многих странах света проводят свои отпуска в дебрях лесов и на горных кручах, собирая новые и новые свидетельства о снежном человеке, сама возможность существования которого решительно отвергается специалистами-антропологами?

Ричард Шатлер взялся за систематическое археологическое изучение Новых Гибрид потому, что был уве-

рен: история заселения этого района может пролить свет на происхождение не только меланезийцев, но и полинезийских народов. Факты, полученные им и его коллегами, говорят о тесных связях Новых Гебрид и Новой Каледонии с островами Фиджи и Тонга. Поэтому особое значение приобрело исследование этнографии и археологии на расположенных в непосредственной близости от меланезийских Новых Гебрид маленьких островах, населенных полинезийцами (остров Фила — один из них).

Были ли они заселены в результате более поздней миграции полинезийцев с востока, или же перед нами следы протополинезийской волны, распространившейся из Меланезии на тогда еще необитаемые острова Полинезийского треугольника?

С Новыми Гебридами, лежащими на грани двух миров — меланезийского и полинезийского, — связан целый клубок увлекательных научных загадок, ждущих своего решения.

Остров таинственный и зловещий

— Вчера я спрашивал вас об Эроманге, — сказал Армен Леонович, когда после ужина мы вышли на верхнюю палубу полюбоваться ночным тропическим небом. — Мои друзья пригласили меня поработать там в составе экспедиции британского Королевского общества. Я беру с собой еще геолога и зоолога. Мне пришло в голову, что неплохо было бы пригласить также Ростарчука и вас. Согласны?

Я подумал, что если когда-нибудь буду писать путевые заметки о поездке в Океанию, то одна из глав будет называться «В погоне за Диком». Неплохая завязка для приключенческой повести: не встретившись с Шатлером на Эфате, я отправляюсь вслед за ним на Эромангу.

Итак, нас было пятеро. Армен Леонович Тахтаджян — один из крупнейших советских ботаников, член-корреспондент Академии наук СССР (сейчас он уже академик и директор Ботанического института им. В. Л. Комарова в Ленинграде). Олег Добродеев — специалист в области геоморфологии. Саша Агаджанян — зоолог. Корреспондент «Известий» Михаил Александрович Ростарчук и я — единственные из всех уча-

стников группы, собиравшиеся изучать не геологию, флору или фауну острова, а его население.

Должен признаться, что об этом населении мы почти ничего не знали. Об Эроманге написано немало, в том числе даже несколько книг.

Если оставить в стороне записки ранних миссионеров, проповедовавших слово божие на Эроманге в 30—70-е годы прошлого столетия, то первым значительным сочинением, содержащим чрезвычайно разнообразную информацию об острове и его жителях, следует считать книгу Г. Робертсона. Она увидела свет в 1903 году и явилась результатом пребывания автора на Эроманге в течение нескольких десятков лет. Но ее значительная часть посвящена не столько этнографическому описанию культуры местных жителей, сколько изложению истории жизни на острове предшественников Робертсона, в разное время убитых здесь. Недаром эта книга названа «Эроманга: остров Мучеников».

В 20-е годы нашего века в южной части архипелага Новые Гебриды работал английский этнограф К. Хэмфрис. На Эроманге он изучал традиционный быт местных жителей и проводил антропологические исследования. Его книга, вышедшая в 1926 году, представляет собой наиболее полную сводку этнографических сведений о населении острова.

Спустя лет пятнадцать после Хэмфриса на Эроманге побывала М. Вудбэрн. Ее записки содержат немало любопытных наблюдений и тонко подмеченных деталей, хотя она вовсе не ставила перед собой исследовательских целей, а просто фиксировала виденное и слышанное на этом затеряншемся среди океанских просторов острове.

Наконец, в 50-е годы сюда с целью изучения местного языка неоднократно приезжал один из крупнейших знатоков океанийской лингвистики австралийский ученый А. Кэпелл. И тем не менее все, что написано об Эроманге, касается главным образом его прошлого. О сегодняшней ситуации и нынешних жителях Эроманги мы не смогли получить сколько-нибудь достоверных сведений ни из литературы, ни у местных должностных лиц. Неизвестно было даже, какова численность населения острова. Нам называли разные цифры: 3000, 1000, 200 человек. Оставалось загадкой и то, сколько там в настоящее время деревень и где они расположены. Можно было подумать, что до таинственного ост-

рова Эроманга не несколько десятков морских миль пути, а по крайней мере тысяча.

— Нет, сам я никогда не бывал на Эроманге, — отвечал на наш вопрос один из новых знакомых, служащий кооператива. — Но попробуйте навести справки у Мишутушкина, он здесь объездил все вдоль и поперек.

И он пообещал познакомить нас с местным художником и знатоком океанийского искусства, у которого такая необычная для англичанина или француза фамилия.

Оказалось, что Николай Николаевич Мишутушкин — русский. Его родители после революции эмигрировали во Францию и обосновались в Бельфоре. Первые выставки во Франции не сделали Николая Николаевича знаменитым, и он решил, подобно Гогену, сменить мансарду на туземную хижину и отправился путешествовать. Для того чтобы охарактеризовать маршрут его странствий, легче перечислить страны, где Мишутушкин не побывал. Долгое время он жил в Индии, а затем оказался в Океании. Ее он действительно объездил вдоль и поперек — от Новой Гвинеи на западе до Таити на востоке. И в конце концов обосновался на Новых Гебридах.

В мастерской Мишутушкина — хижине, выстроенной в полинезийском стиле, — часто бывают посетители. Они приходят сюда не только для того, чтобы полюбоваться новыми работами мэтра Николя. Две главные достопримечательности этой мастерской — коллекция произведений океанийского искусства и Пилиоко.

Коллекция, собранная Николаем Николаевичем за полтора десятка лет пребывания на островах Океании, действительно уникальна. Она могла бы стать гордостью любого музея мира. Здесь и папуасская деревянная скульптура, и полинезийская тапа, и меланезийские маски, и другие этнографические предметы фактически со всех архипелагов. Это собрание, насчитывающее более пяти тысяч единиц хранения, экспонировалось в Европе и Австралии.

С Пилиоко Мишутушкин познакомился в 1959 году на Новой Каледонии, в Нумеа. В полинезийском юноше он угадал незаурядный художественный талант. Пилиоко родом с острова Увеа; до того как его впервые увидел Мишутушкин, он не учился рисовать. Но уже через несколько лет после этого его работы стали экспониро-

ваться, а в 1967 году они появились в Музее современного искусства в Париже. Впрочем, славу Пилиоко принесли не его картины, написанные маслом, а декоративные панно, вышитые шерстью, сюжетные корни которых уходят в традиции полинезийского прикладного искусства.

Наша беседа с Николаем Николаевичем затянулась допоздна. Он оказался весьма гостеприимным хозяином, да и русский язык его был почти безупречен. Мы получили огромное удовольствие от знакомства с его богатствами. Но когда речь зашла о первоначальном побудительном мотиве нашего визита, выяснилось, что остров Эроманга — одно из немногих белых пятен в истине энциклопедических познаниях Николая Николаевича в области океанической этнографии. В его коллекции нет ни одного предмета с Эроманги. Сам он тоже никогда не бывал на этом острове. Николаю Николаевичу было очень не по себе, и он обещал непременно разузнать что-нибудь об Эроманге в ближайшие недели. Увы, этой любезностью мы уже не могли воспользоваться. Судно, на котором мы рассчитывали добраться до Эроманги, должно было поднять якорь вечером того же дня.

Некогда «Элизе» был парусной шхуной, способной давать 6—7 узлов. Французы купили ее на Тонга, поставили машину, и теперь она курсирует на север до Эспириту-Санто, а на юг до Эроманги и Танны. Выщербленные палубы «Элизе», огромный шпангоут с подвешенной под ним сеткой, скрипучие мачты — во всем этом было что-то от выдавшего виды пиратского судна.

Меня, помню, поразила одна деталь: в расположенном на самой корме галюне к услугам клиента большая деревянная бадья на веревке, с помощью которой прямо из-за борта можно достать воды для поддержания должных санитарно-гигиенических условий. Не знаю, так ли были оборудованы суда во времена Дрейка и Рэли, но в этом, безусловно, было нечто романтическое.

Отплытие «Элизе» было назначено на вечер 2 августа. Но уже часа в три пополудни на палубу устремились пассажиры. Собственно, пассажиры в кондоминиуме бывают двух сортов. Местные жители имеют право путешествовать без билетов, но только на палубе. Захватить сухое местечко подалее от борта, чтобы поставить вещи и усесться поудобнее, могут лишь не-

многие. Поэтому, после того как со шхуны спущены сходни, на них сразу же начинается давка.

К услугам белых пассажиров на «Элизе» четыре небольшие каюты и кубрик, где кроме массивных дубовых стульев и потемневшего от времени стола мы заметили еще бар с французскими коньяками и висевший на стене портрет президента Помпиду.

Наступила минута прощания с «Дмитрием Менделеевым». Белоснежный красавец, к которому мы успели так привязаться, отсалютовал сигнальной сиреной и стал медленно разворачиваться. Он уходил на геофизический полигон. Через восемь дней «Дмитрий Менделеев» должен был зайти на Эромангу и взять нас на борт. На нашем судне мы чувствовали себя как дома; теперь мы сиротливо стояли на пирсе, а дом уплывал от нас в океан.

Стемнело, но на «Элизе» все еще не поднимали якорь. В городе один за другим зажигались огни. Замерцал свет и на островке Филя. Затем от него отделилась светящаяся точка, которая стала медленно двигаться по направлению к городу. Это, по-видимому, была лодка. Сидящие в ней передавали что-то азбукой Морзе, закрывая заслонку в фонаре. Минут через десять лодка подошла совсем близко к «Элизе». На борт шхуны вскарабкался... запыхавшийся Йохан Кальсакау.

— Я очень боялся опоздать, Майкл. Я привез тебе новогейбридские марки, о которых ты спрашивал сегодня утром...

Бьют склянки, на «Элизе» готовятся отдать швартовы.

— Счастливого пути! Мы ждем вас всех снова у себя на Филе! — кричит Йохан из темноты.

Ночью разыгрался шторм. Сначала волны захлестывали палубу с бортов и брызги долетали до коек через то и дело открывающуюся дверь каюты. Потом старушка «Элизе» стала зарываться носом: потоки воды обрушивались на нее сверху, грозя увлечь за собой цепляющихся за снасти палубных пассажиров. Лопнули канаты, которыми были связаны стоявшие на баке бочки с бензином, и они начали перекатываться с места на место, подминая под себя все, что попадалось на пути. Подозрительно потрескивали мачты, гнувшиеся под напором шквального ветра.

Шторм стих только под утро. Оно было пасмурным,

моросил дождь. Справа по борту показался гористый остров. Эроманга!

Немой угрюмой громадой вставал перед нами Остров мучеников.

Часам к десяти погода разгулялась, выглянуло солнце, и приближающийся к нам остров Эроманга уже не казался таким негостеприимным. Мы обогнули мыс Предателей и оказались в заливе, который назван именем Кука. Теперь уже можно было разглядеть в бинокль портовые постройки в поселке Ипота, где находится удобная якорная стоянка.

На берегу нас ждали два сотрудника, присланные доктором Ли. После первых приветствий я спрашиваю о Дике и узнаю, что он действительно был на Эроманге проездом на соседний остров Танна, где ведет сейчас археологические раскопки.

— Вы можете дать ему телеграмму, — говорит один из встречающих.

Спустя полчаса дежурный местной радиостанции уже отстукивал текст: «Я на Эроманге хорошо бы встретиться Майкл». А еще через несколько минут наш маленький юркий джип уже мчится по просеке, ведущей в глубь острова.

И вот наконец мы почти у цели — в самом центре Эроманги, в лагере интернациональной экспедиции британского Королевского общества. Мы сидим под навесом и пьем кофе с австралийскими галетами. Перед нами — стена тропического леса и перспектива вернуться на «Дмитрий Менделеев», так ничего и не узнав о жителях этого поистине таинственного острова.

День второй

ЛИВЕНЬ В ДЖУНГЛЯХ

Не страшно потерять
        уменье удивлять,
А страшно потерять
        уменье удивляться...

*Из песни ученого-геофизика
А. М. Городецкого, популярной
на «Дмитрии Менделееве»*

Проводники

Когда ситуация казалась уже совершенно безвыходной, нам снова — в который раз! — неожиданно повезло.

Утром в лагерь экспедиции пришли два меланезийца, решившие наняться здесь на работу. Оба они были из местных и рассказали, что ближайшая деревня находится на западном побережье острова, километрах в двадцати от лагеря. Доктор Ли был рад этому не меньше нас. Он тотчас же распорядился, чтобы меланезийцы стали нашими проводниками и помощниками.

Через час мы уже бодро шагали по едва различимой тропинке, проложенной в зарослях. Все опасения рассеялись, и мы энергично пробирались сквозь паутину лиан, не чувствуя тяжести рюкзаков, еще не подозревая о том, какие испытания ждут нас впереди, и совершенно забыв о предостережении Хэмфриса: «Пересечь остров на лошади или пешком в наши дни практически невозможно».

Эроманга — один из самых больших островов архипелага Новые Гебриды. Его береговая линия сравнительно мало изрезана и имеет протяженность около 160 километров. Три горных хребта — Нумпун-Норово, Раловес и Нумпун-Нераипан — пересекают остров. Первый протянулся с севера на юг в северной части, два других — в основном с запада на восток в центральной и южной. На восточном побережье расположен тот гористый выступ, который Кук назвал мысом Предателей. Издали он напоминает спину двугорбого верблюда, и его вершины возвышаются почти на тысячу метров над

уровнем моря. Район к северо-западу от мыса Предателей представляет собой плато высотой около 200 метров. Остальная, более низменная часть острова расчленена речными долинами.

На Эроманге несколько довольно больших рек, две из которых — Кука и Уильямса — достигают около 20 километров в длину. Река Кука течет с запада на восток и впадает в залив того же названия близ поселка Ипога. Река Уильямса, или Бунка, как ее называют местные жители, берет свое начало на северном нагорье и течет на юг, а затем на запад. Говорят, что по обеим этим рекам, по крайней мере на отдельных участках, можно проехать на лодке. Другие реки, в том числе Бункил на юге острова, мельче и порожистее, так что они не только совершенно непригодны для транспортных целей, но и представляют серьезные препятствия на пути пешехода. К. Хэмфрис писал, что его возможности изучения Эроманги ограничивались тем, что он шел на лодке, передвигаясь вдоль западного побережья. Лишь однажды на случайной шхуне ему удалось обогнуть южную оконечность острова и высадиться на его восточном берегу. В северной части Эроманги он так и не побывал.

Лагерь нашей экспедиции расположился в центральной части острова. Мы двигались на юго-запад, хотя конечный пункт путешествия лежал где-то на западе. Нам предстояло перевалить через горы, путь был один — тропинка, отыскать которую в зарослях могли только наши проводники.

Первым шел Чарли, худощавый меланезец среднего роста и чрезвычайно угрюмой внешности. В лице его было что-то демоническое. Время от времени он пускал в дело большой тесак, похожий на кубинское мачете, которым ловко прокладывал дорогу в чаще. Чарли немало умел говорить по-английски, но явно не хотел злоупотреблять своими познаниями в этой области и на все вопросы отвечал односложно: «Да, хозяин» или «Нет, хозяин».

В свое время миссионер Г. Робертсон писал о местных жителях: «В мое первое посещение Эроманги я был поражен вызывающе угрюмой внешностью местных жителей. Это, как мне кажется, следствие глубоко посаженных глаз и выступающего лба. Нос у них небольшой, но так как он, за небольшими исключениями, без переносицы, то кажется очень крупным. Рот иногда до-

вольно красивой формы. Голова хорошо развита. Плечи покатые (единственный человек на острове, имеющий квадратные плечи, — Ованг, но он не чисто местного происхождения). Как бы ни были некрасивы другие черты лица, глаза всегда прекрасны, очень темны и весьма выразительны. Шея и запястья небольшие. Грудная клетка и поясница хорошо развиты».

Физический тип обитателей Эроманги, несомненно, своеобразен. На это обратил внимание еще капитан Кук: «Эти островитяне принадлежат к иной расе людей по сравнению с жителями Малликоло (остров Малекула в северной части Новых Гебрид. — М. К.). Они среднего роста и имеют сносные черты лица. Цвет лица темно-шоколадный, а волосы курчавые».

Характеристика, данная обитателям Эроманги Робертсоном, вполне применима к Чарли. Можно даже подумать, что это — его словесный портрет. Зато Луи, наш второй проводник, производит иное впечатление. Улыбчивое лицо, более плотное сложение делают его совершенно непохожим на мрачного Чарли.

Впрочем, и Робертсон признавал, что на острове встречаются люди иного антропологического типа. «Хотя они явно составляют один народ, — писал он, — тем не менее на юге мы находим гораздо более высоких и красивых мужчин и женщин, чем на севере, где они низкорослы и слабы. Заметно также, что восточные племена во всех отношениях (рост, физическое сложение, сила) превосходят западные».

Не свидетельствуют ли довольно значительные различия во внешнем облике жителей Эроманги о сложности их этнической истории?

Местные предания говорят в пользу такого предположения. По словам стариков, с которыми разговаривал Хэмфрис, вначале Эромангу населяли люди, называвшиеся номпо. Они были светлокожими. Возможно, что это как раз те «желтые люди», о которых рассказывали и Робертсону. Вслед за номпо, гласит предание, на Эромангу пришли лосорву. Они были темнокожими и курчавоволосыми, похожими на современных обитателей острова. Между номпо и лосорву постоянно возникали кровопролитные столкновения, и после одного большого сражения номпо ушли через горы на восток острова. По другим свидетельствам, «желтые люди» обосновались в центральной части Эроманги, где еще в 30-х годах можно было якобы встретить их потомков.

В 1940 году М. Вудбэрн видела на Эроманге женщину из глубинной деревни с очень светлокочим ребенком, волосы которого были тем не менее типично меланезийскими; она решила, что этот младенец — один из последних представителей первозасельников острова.

Хотя лосорву враждовали с номпо, они постепенно смешались с ними, а затем с теми, кто пришел на Эромангу последними, — так сложилось современное население острова.

— Чарли, долго ли нам еще идти?

— Долго, хозяин.

— Послушай, — наконец не выдержал я, — пожалуйста, не называй меня хозяином. Ты — Чарли, я — Майкл. Зови меня просто по имени. Ты понял, Чарли?

— Я понял, хозяин, — был ответ.

Сандал и агатис

Все попытки установить психологический контакт с Чарли ни к чему не приводили. К счастью, Луи, замыкавший шествие, был гораздо более разговорчивым, хотя для общения с нами у него было меньше объективных возможностей: он почти не говорил по-английски.

— Это дерево называется ниемпен, — вдруг сказал Луи.

Я не успел как следует рассмотреть дерево, о котором шла речь. Из объяснений Луи я понял, что ниемпен — это и есть знаменитое сандаловое дерево; оно сейчас большая редкость на острове, и неизвестно, встретится ли нам еще раз.

Собственно говоря, все беды жителей острова начались именно с сандалового дерева. Эта ценная порода с незапамятных времен пользовалась большим спросом в Китае. Европейцы, оказавшиеся в Океании в XIX веке, обнаружили, что на некоторых островах это дерево произрастает в изобилии. Так началась «сандаловая лихорадка». Предприимчивые моряки, торговцы и просто авантюристы, услышавшие в шелесте сандаловой листвы звон золотых монет, устремились на поиски новых источников прибыли. Среди них был и капитан Диллон, с чьим именем связаны тригические страницы истории Эроманги. О своих похождениях на Новых Гебридах этот пират XIX века рассказывал в воспоминаниях, полных самолюбования.

В январе 1825 года Диллон оказался на острове Танна и случайно обнаружил там несколько кусков только что срубленного сандалового дерева. Но на Танне сандал не произрастал, и поэтому Диллон сделал вывод, что его следует искать где-то на соседних островах. Вскоре его расспросы увенчались успехом: местные жители сообщили, что дерево привезено с Эроманги.

«Как только позволил ветер,— пишет Диллон,— я направился к этому острову на „Калдере“ и попытался встать на якорь около мыса Предателей. Однако восточный берег был слишком открытым, и поэтому я вновь повернул на юг и, обойдя вокруг Эроманги, обнаружил на западном побережье большой удобный залив». Впоследствии он получил название залив Диллона.

Когда «Калдер» встал на якорь, выяснилось, что заросли сандалового дерева подходят в этой части острова почти к самой воде. На следующее же утро на берег был послан отряд, вооруженный топорами и мушкетерами. Он возвратился на борт с 400—500 фунтами древесины.

Когда Диллон занимался промерами глубин в бухте, он услышал стрельбу: по-видимому, люди, посланные на берег, наткнулись на островитян. «Я немедленно отправился на помощь отряду и увидел, как он появился в устье реки, — продолжает капитан. — Офицера преследовали туземцы, бросавшие камни в его лодку и стрелявшие из луков. В целях самозащиты он открыл по ним огонь из мушкетов, но не достиг желаемого, так как те посылали стрелы из-за деревьев». На следующий день, когда люди Диллона рубили сандал, снова возникла стычка с местными жителями, в которой европейцам удалось наконец продемонстрировать преимущество огнестрельного оружия перед луком и стрелами. Вот к какому выводу пришел Диллон после справки над туземцами: «Я могу утверждать, что жители Новых Гебрид по многим признакам более далеки от цивилизации, а их общий образ жизни обнаруживает большую приверженность к варварским чувствам и обычаям; чем в других частях Южных морей».

Этот рыцарь наживы умел применяться к обстановке. Когда заросли сандалового дерева вдоль берега были полностью истреблены, он стал «покупать» драгоценную древесину за виски. Так дыхание цивилизации впервые коснулось острова, и его население начало общаться к ее «культурным ценностям».

Прошло столетие. Запасы сандалового дерева на Эроманге давно были истощены. И тогда взоры европейцев привлек агатис. Это тоже название дерева. Оно принадлежит к числу весьма редких эндемичных видов, сохранившихся лишь в некоторых местах земного шара. Агатис, или каури, как его обычно называют, имеет чрезвычайно прочную древесину. Последнее обстоятельство и предопределило его участь — агатис был почти полностью истреблен. И вот тогда-то выяснилось, что в дебрях Эроманги это реликтовое хвойное дерево встречается в довольно большом количестве. Французские предприниматели решили, что игра стоит свеч, и начали на острове лесоразработки.

Иные времена — иные методы организации дела. В XX веке в Океании промышленляли уже тысячи диллонов и каждый из них норовил не только отхватить кусок поувесистей, но при случае и слопать кого-нибудь из зазевавшихся коллег. XX столетие — век концернов и акционерных обществ. Идя в ногу со временем, французы создали акционерную компанию «Агатис», которая должна была разрабатывать, транспортировать и продавать древесину.

Мы видели следы деятельности этой компании, когда ехали на джипе в лагерь экспедиции. Передвигаться по острову на машине можно только по просекам, прорезающим девственный лес. По ним спиленные и освобожденные от ветвей стволы громадных деревьев (некоторые из них не обхватить и вчетвером) перевозятся в Ипоту, где расположены лесопилка, склады и пристань.

Мощные тягачи, современные электрические пилы — дело здесь поставлено на широкую ногу. Но повсюду, где на красной латеритовой почве видны отпечатки гусениц, в глаза бросаются следы хищнических, поистине грабительских методов разработки природных богатств острова. Цель «Агатиса» — получить больше дешевой древесины. Порой для того, чтобы спилить несколько крупных деревьев, компания с легким сердцем уничтожает огромные площади окружающего леса. О посадках молодняка на прогалинах, которых в восточной части острова становится все больше, не может быть, разумеется, и речи. К чему могут привести подобные методы хозяйствования, мы имели случай убедиться, в частности, на Новой Каледонии.

...В Нумеа мы познакомились с молодой супруже-

ской четой из Франции. Клод ведет машину, а Соня, экспансивная шатенка, критикует его за то, что он до сих пор не научился плавно переключать скорости.

— Наши друзья больше никогда не сядут с тобой в одну машину. Вам нравится Нумеа?

Дома у них очень опрятно и чисто, хотя обстановка более чем скромная. Нас усаживают на диван, а Соня устраивается рядом на ковре, готовя коктейль. Клод приносит пачку книг — это учебники, по которым он преподает историю и географию в местной гимназии. Сегодня на уроке речь шла о второй мировой войне. Я раскрываю одну из книг: немецкий офицер, принимающий железный крест с дубовыми листьями из рук фюрера, гитлеровские солдаты у Эйфелевой башни...

— Откуда у вас это?

— О, я случайно достал этот альбом в Германии. Мы тогда все брали что-нибудь на память.

— Вы бывали в Германии?

— Да, в Маутхаузене.

В разговор вмешивается Соня:

— Клод больше года провел в концентрационном лагере. Он попал в него, когда ему было 16 лет. А потом вернулся в Германию уже как французский солдат. Там мы с ним и встретились.

Отец Сони — русский, мать — француженка. В семье говорили по-русски. Но отец умер, когда ей было пять лет, и сейчас она помнит лишь отдельные русские слова.

Клод и Соня поженились в 1954 году. Долго решали, куда поехать в свадебное путешествие. Поехали в Марокко, но вместо месяца прожили там пять лет. Из Марокко отправились в Южную Америку и обосновались в Перу еще на пять лет. Оттуда попали на Новую Каледонию.

— При первой возможности уедем отсюда. Может быть, в Кабул. Клод уже послал запрос в одну из тамошних средних школ.

— Новая Каледония вам уже надоела?

— Я — географ, и мне хочется побывать в разных местах. Не в качестве туриста, а пожить там, понять ситуацию.

— Ну, а чем же характеризуется ситуация на Новой Каледонии?

Клод смотрит на часы. На 8 часов 30 минут в «Ротонде» у нас заказан столик.

Разговор продолжается уже в ресторане, после того как Клод и Соня наконец закончили выбор меню. На ужин сегодня будут только традиционные французские блюда.

— Утверждают, что Новая Каледония — самая развитая часть Океании. Но что именно здесь развито? Добыча руды. Только руда — больше здесь ничего нет. Взгляните на наш стол — все это продукты импортные. Мясо ввозят из Австралии, рис — из Соединенных Штатов, помидоры и салат — из Новой Зеландии, муку — из Франции, даже соус — и тот из Туниса. *

— Но неужели на острове с таким благодатным климатом не разводят даже овощи?!

— Компании не заинтересованы в этом. Несколько лет тому назад некоторые местные жители попробовали выращивать овощи и фрукты. Но торговые фирмы снизили розничные цены на импортные продукты, и у местных их перестали покупать.

— Соня права. Но дело не только в этом. Возьмите трест «Лё никель», ведущий горные разработки на Новой Каледонии. Для закладки новых копей здесь вырублен практически весь лес, а после того как руда выбрана, никто не заботится о восстановительных лесопосадках. В результате этого эрозия почв на острове достигла катастрофических масштабов. После ливней вода в реках становится кроваво-красной. Смытые почвы выносятся в море. Но кораллы на прибрежном рифе не выносят мутной воды и гибнут — трудно даже представить себе, какой ущерб может принести одно срубленное дерево!

— Но ведь здесь, я знаю, сажают араукарии?

— О да. Но не так и не там, где это необходимо, а там, где это выгодно. Араукариями на Новую Каледонию привлекают туристов. Делать деньги — вот что движет людьми в Нумеа. Делать деньги, купить новый автомобиль, пойти в церковь в новом платье... А то, что мы разрушаем при этом все вокруг себя, — это никого не волнует.

...Конечно, Эроманга — это не Новая Каледония. Процесс, зашедший там уже так далеко, здесь только начинается. Но ущерб, причиняемый природным богатствам острова, неминуемо скажется в будущем.

Сандал и агатис — вот подлинные символы колониального прошлого на острове Эроманга.

Последний фанло

Тропический лес на Эроманге — незабываемое зрелище. Только сейчас нам с Михаилом Александровичем стало ясно, сколь наивны мы были, когда намеревались отправиться через весь остров без проводников. К сожалению, мы не сделали в чаще ни одного удачного снимка — там все время царит полумрак, на который не рассчитана светочувствительность наших фотопленок. К тому же начался дождь. Нам пришлось отказаться от мысли запечатлеть фантастическую красоту джунглей и срочно заняться упаковкой наших фотоаппаратов.

Обилие осадков вообще характерно для большей части острова. Исключение составляет северо-западное плато, отгороженное от восточных ветров горной грядой и часто страдающее от засухи. Как и в других районах Океании, на Эроманге, в сущности, нет четкой смены времен года. Здесь различают лишь два сезона — дождливый и сухой. Максимум осадков приходится на февраль, минимум — на август. Было 4 августа 1971 года (197 лет назад — 4 августа 1774 года — на Эроманге высадился капитан Кук). Сухой сезон был в разгаре, а дождь тем временем все усиливался.

Если Вам, читатель, когда-нибудь случалось идти по тропическому лесу под проливным дождем, вы поймете, почему такой поворот событий совсем не радовал нас. Первое время мы с Михаилом Александровичем бодрились и даже пытались определить, кто из нас спотыкается и падает реже, но вскоре сбились со счета. К счастью, Луи сообщил нам, что через час-другой мы сможем сделать привал в лесной хижине старого Уили. Ему уже сто пятьдесят лет, а может быть, и больше. Он живет в глубине джунглей вместе с двумя сыновьями, питаясь плодами со своего небольшого огорода. Оказывается, Уили имел прямое отношение к агатисовой эпопее. В те времена он был фанло.

Так на Эроманге называли вождей. Еще в начале нашего века вожди сосредоточивали в своих руках реальную власть на острове. Авторитет вождя был непрекращаем. Когда собирался совет старейшин, любой вопрос обсуждался обстоятельно и долго, потому что меланезийцы еще меньше, чем мы, умеют выражаться лаконично и по существу дела. Дискуссии поэтому, как правило, затягивались, но лишь до того момента, когда

Фанло, хранивший все время молчание, не начинал говорить. После этого вопрос считался решенным и заседание закрывалось.

Только вождь мог решать вопросы войны и мира, он же был главным действующим лицом во время религиозных церемоний. К их числу относился, в частности, обряд кормления змей. Когда на огородах созревал ямс, фанло должен был выбрать самый крупный клубень и, раскрутив его над головой, бросить по направлению к тому месту, где он был выкопан. Это угощение предназначалось для змей — покровителей урожая. Вообще к змеям жители Эроманги до сих пор относятся с большим уважением, и никто не возьмет на себя смелость причинить змее, попавшейся на глаза близ дома или в джунглях, хотя бы малейшую неприятность. В этом нам довелось убедиться, когда мы возвращались в лагерь экспедиции.

Михаилу Александровичу удалось поймать змею, которую он хотел подарить нашему зоологу Саше Агаджаняну. Присутствовавший при этом Луи крайне неодобительно следил за его действиями и наотрез отказался принимать какое-либо участие во всей этой неблагоприятной истории.

Деление эромангского общества на две социальные группы — вождей (фанло) и простолюдинов (тауи натимоно) — в прежние времена находило отражение во многих аспектах социальной жизни и отчасти даже в материальной культуре (фанло, в частности, носили фаллокрипты больших размеров, чем рядовые соплеменники). Существовало правило, согласно которому ни одна девушка из социальной группы вождей (насимналан) не могла стать женой простолюдина. Соответственно и вождь мог жениться только на насимналан, а простолюдинка могла стать его наложницей. В первом случае жених должен был платить выкуп за невесту, во втором этого не требовалось. Характерно, однако, что сын вождя от наложницы имел такие же права, как и его единокровные братья, и мог даже, оттеснив их, стать наследником вождя. Таким образом, человек становился вождем потому, что он сын вождя; однако его мать не получала от этого формальных привилегий, оставаясь простолюдинкой. Если у вождя не было сыновей, то наследовать ему мог его младший брат, но только в том случае, если мать последнего была насимналан.

Чрезвычайно пышно и торжественно обставлялся обряд наречения именем сына вождя. Устраивалось угощение для всех родственников по мужской линии. Один из них громко произносил имя младенца — так громко, чтобы его могли слышать все присутствующие. В жизни человека из социальной группы вождей это был первый и последний раз, когда его имя произносилось вслух. После этого в действие вступало строжайшее табу на упоминание личного имени фанло.

Когда вождь чувствовал приближение смерти, он посылал кого-нибудь на огород за таро и ямсом. Необходимо было принести все это в дом фанло еще до того, как он испустит дух. Когда это происходило, корни-плоды распределялись между всеми, кто был свидетелем смерти вождя. По старинному обычаю, все вещи, которыми пользовался фанло при жизни, складывались в его могилу. Поэтому ни один из сыновей не мог рассчитывать на получение в наследство от отца даже какой-нибудь безделицы. Циклосы составляли лишь деревья, посаженные вождем возле его дома. Они считались личной собственностью фанло и могли быть унаследованы его сыновьями.

Эромангцы не знали права частной собственности на землю. Мысль о том, что землю можно продавать и покупать, была им чужда: для них это было равносильно торговле водой или воздухом. Проблема собственности на землю впервые встала перед жителями острова лишь после того, как французы решили начать на Эроманге разработку древесины. Для того чтобы соблюсти приличия, представитель компании «Агатис» вступил в переговоры с Уили, который в то время был верховным фанло на острове, уговаривая его продать право на разработку и вывоз леса. Трудно сказать, что его думал по этому поводу сам Уили. Возможно, что его воображение поразила кругленькая сумма, щедро предложенная французом, — 15 австралийских долларов. Сделка состоялась, и вскоре выяснилось, что ни эромангцы, ни их вождь уже не являются хозяевами той земли, где они родились. Уили суждено было стать последним из всех фанло, имевших реальную власть на Эроманге.

В лесной хижине

Между тем час проходил за часом, а долгожданной хижины все не было. Осведомившись у Луи, скоро ли

мы дойдем до дома старого Уили, я вновь услышал в ответ: «Через час или два».

Увы, это выражение, оказывается, не следовало понимать в буквальном смысле. В лексиконе Луи оно фигурировало примерно в том же значении, в каком испанцы употребляют свое знаменитое «маньяна». Для немца или русского, знающего испанский язык, это слово означает «завтра», но для настоящего испанца — время, которое лингвисты называют будущим неопределенным. Поэтому, если вам сообщили, что билет на самолет будет «завтра», не спешите складывать чемоданы.

Вообще, по-видимому, глубоко ошибочно мнение, что в любой точке земного шара время движется с одной и той же скоростью. В действительности эта скорость определяется установившимся ритмом жизни. Странно видеть в Москве человека, не спеша прогуливающегося утром по улице Горького, когда все нормальные люди думают только о том, чтобы успеть втиснуться в троллейбус. Столь же неестественно выглядит в столице Новых Гебрид человек, спешащий куда-то по делам. К этому привыкаешь не сразу: необходима определенная акклиматизация. Но зато после нескольких месяцев путешествия по этому миру малых скоростей вы, попав в Сидней или, скажем, в Токио, начинаете чувствовать себя так, будто вас раскручивают на центрифуге.

Впрочем, трудно сказать, кто из нас был прав — Чарли и Луи, двигавшиеся вперед, как нам казалось, слишком неторопливо и не обнаруживавшие при этом ни малейших признаков усталости, или мы с Михаилом Александровичем, начавшие уже ловить себя на мысли, что очень неплохо было бы немного передохнуть. До долгожданной хижины мы добрались только после полудня.

На поверку Уили оказался крепким стариком, которому никак не могло быть сто пятьдесят лет, потому что его сыновья были еще совсем молодыми. Когда дождь ненадолго прекратился и мы попросили у старого Уили разрешения сфотографировать его, он сразу согласился, но заявил, что возьмет в руки топор и встанет в позу воина, готовящегося к схватке. В этот самый момент я почему-то вспомнил, что в языке эроманга есть слово «нелат», означающее «вареное человеческое мясо».

Успокаивая себя тем, что каннибалы в Океании по-

едали, как правило, только врагов, сраженных на поле брани, с тем чтобы их физические и нравственные силы перешли тем самым в победителя, мы вошли в хижину, стараясь избегать каких-либо действий, которые хозяин дома мог бы истолковать как враждебные. Ведь кто знает, какие обычаи существуют сейчас на этот счет на Эроманге, а перспектива столь бесповоротно прервать свои исследования на этом острове, едва начав их, нас явно не устраивала.

Может быть, поэтому, лишь только мы расположились на циновке посреди хижины Уили, я поспешил завязать разговор, чтобы хоть что-то записать в своем полевом дневнике.

Уили был, конечно, идеальным информатором. Он отвечал обстоятельно и подробно, но, к сожалению, было уже за полдень, а впереди, по-видимому, нас ожидало не менее трех четвертей пути. Поэтому пришлось ограничиться записью с его слов особенно интересовавших меня терминов родства.

В свое время Хэмфрис писал, что на Эроманге существует система терминов родства так называемого ирокезского типа, в котором перекрестные кузены (дети брата матери и сестры отца) отличаются как от параллельных кузенов (детей брата отца и сестры матери), так и от родных братьев и сестер. Однако старый Уили твердо стоял на том, что родственников всех трех категорий следует называть одним и тем же словом — «авунхай» или «авун», причем так же обычно зовут и просто друзей-сверстников.

Может быть, термины родства, сообщенные нам Уили, отличались от записанных Хэмфрисом как раз из-за того, что наши информаторы говорили на разных диалектах? Проверить это предположение мы пока не могли. Правда, Луи, переводивший старику наши вопросы, утверждал, что тот «разговаривает совсем так же», как и он сам.

Наш оживленный разговор явно заинтересовал угрюмого Чарли, который до этого молча стоял, прислонившись к стене хижины. Через некоторое время он даже подошел к нам и сел рядом на циновку.

— Послушай, Чарли, а в твоей деревне тоже можно назвать своего друга братом?

Чарли кивнул головой и вдруг улыбнулся. Как странно было видеть его таким! Улыбка, по-детски искренняя и обезоруживающая, совершенно изменила вы-

ражение его лица. Лед недоверия и неприязни тронулся. Мы перешли на «ты», или, точнее, на «авун».

Когда кругом еще не было воды

Сразу же после того как мы распрощались с Уили и двинулись в путь, авун Чарли срубил нам по зонтику — гигантскому листу банана (дикий банан то и дело попадался нам по дороге, его огромные красновато-фиолетовые цветы светились в чаще словно фонари). Это простейшее приспособление не укрывало от дождя, но по крайней мере предохраняло от прямых струй воды, неприятно бивших по затылку.

Теперь Чарли проявлял о нас трогательную заботу. Идя впереди, он то и дело оборачивался, предупреждая о корнях, загораживающих дорогу, и о попадавшихся время от времени ядовитых растениях, к листьям которых он рекомендовал не прикасаться.

В один прескверный момент, когда земля вдруг стала уходить у меня из-под ног, я все-таки ухватился за одно из этих растений и потом горько сожалел об этом. Через несколько дней, когда мы уже вернулись в лагерь экспедиции, доктор Чжоу, специалист по тропической флоре, с явным удовлетворением объяснил мне, что я таким образом имел возможность вплотную познакомиться с *Dendrocnide latifolia* (gaud) Chew — видом, открытым и изученным им как раз на Эроманге. Как человек, не сведущий в ботанике, я могу сказать об этом растении только то, что оно жжется гораздо сильнее любой крапивы и вызывает к тому же нарывы, которые становятся особенно болезненными, когда на них падает вода. Увы, недостатка в воде в тот день не было! Оставалось утешать себя тем, что нам по крайней мере не довелось повстречаться со зловецим пушкинским анчаром (*Antiaris toxicaria*), который также растет в этих местах. В Малайзии он известен под названием «ипо», на Калимантане — «упас». Встречается анчар и на родине доктора Чжоу — в Сингапуре. Собирая сведения об этом растении, он объехал всю Юго-Восточную Азию, а теперь принялся за изучение Океании. Докторскую степень он получил в Кембридже, тоже, кажется, за научный трактат о каком-то ядовитом растении.

Немало в этих местах и насекомых, отравляющих

жизнь человеку. Самые зловещие из них — москиты, разносчики многих тропических болезней.

Новая Гвинея, Новые Гебриды и прилегающие районы — один из центров распространения тропической лихорадки. Заболел ею и Н. Н. Миклухо-Маклай. Многие страницы его дневника написаны в часы, когда, обесилев от очередного приступа, ученый лежал в своей хижине на мысе Гарагаси. Николай Александрович Бутинов, крупнейший советский специалист по этнографии Новой Гвинеи, после посещения Берега Маклая также обнаружил симптомы этой изнурительной болезни. Но, к удивлению своих коллег, Николай Александрович был очень доволен этим обстоятельством.

— Я в деталях изучил все дневники Миклухо-Маклая, — говорил он, — и еще до поездки в Бонгу знал, как выглядит эта деревня, и, кажется, мог с закрытыми глазами проделать путь от хижины Маклая до того места, где он впервые встретился с папуасом Туем. Мне были понятны мысли и переживания ученого, шаг за шагом проникающего во внутренний мир папуасов. Единственное, чего я не мог себе представить, — это ощущения человека, больного лихорадкой, описанные Маклаем. Но теперь и это будет мне понятно!

Другой страшный бич этих мест — элифантиаз. Помните, у Лукреция:

Как различаются все четыре деления света
И по ветрам четверем, и по разным частям небосвода,
Так и наружность и цвет у людей различаются сильно,
И у различных племен и болезни их также различны.
Есть вблизи Нила болезнь, что название носит «слоновой»,
В среднем Египте она и нигде не встречается больше.

Поэт ошибался. Слоновая болезнь встречается и в других частях света, в частности в Океании. На Новой Гвинее, Новой Каледонии, Новых Гебридах нам нередко приходилось видеть несчастных, страдающих элифантиазом. Их распухшие ноги похожи на огромные тумбы. Позднее авун Чарли объяснил нам, что эта болезнь начинается у человека, который прошел босиком по *сэвэ* — «плохой воде». Вода, оказывается, может быть «хорошей» и «плохой», и поэтому важно уметь отличать одну от другой, хотя по внешнему виду сделать это невозможно; оставалось надеяться, что вода, которая не переставая лилась на нас сверху, была «хорошей».

Между прочим, должен заметить, что русское выра-

жение «дождь льет как из ведра» совершенно не годится для описания тропического ливня. Не ведра, а, кажется, целые цистерны воды обрушиваются на вас, так что становится трудно дышать. Ваш рюкзак давно уже уподобился губке, и сами вы, скользя, падая, поднимаясь, цепляясь за скользкие лианы и снова падая, начинаете прислушиваться к внутреннему голосу, который настойчиво советует вам опуститься на землю и хоть немного полежать не шевелясь. И тем не менее вам нужно идти вперед, потому что уже начинает смеркаться, а долгожданной деревни все еще нет как нет.

Впрочем, в нашем положении было одно преимущество. Случись нам совершить этот переход в хорошую погоду, мы остановились бы в растерянности, встретив на своем пути реку. Мы наверняка стали бы разуваться, нерешительно пробовать воду рукой, искать брод и прыгать с камня на камень, рискуя оступиться и получить сотрясение мозга. Теперь же все было гораздо проще. Без колебания войдя в воду, мы не ощутили никаких неудобств: ведь на нас не было ни кусочка сухой одежды.

Будь я не этнографом, а писателем, я не устоял бы перед соблазном подробно описать то, как мы переправлялись через эту реку с романтическим названием Нора (что на местном наречии означает просто «вода»), как долго не желала она выпускать нас из своих страстных объятий, как, вырвавшись наконец из них, мы никак не могли подняться по скользкому отвесному склону и как в конце концов нам пришлось карабкаться вверх по гигантской лиане... Но, будучи не писателем, а этнографом, я не смогу должным образом описать все это и поэтому расскажу вам легенду, которая вспомнилась мне вскоре после того, как начался ливень, а потом все время не выходила у меня из головы. Легенда эта повествует о том, как возник остров Эроманга.

Острова — это кусочки суши в океане. Но возникают они, оказывается, по-разному.

Одни легенды повествуют о том, что океан существовал всегда, как и небо над ним. Полинезийскому богу Тангалoa наскучила однообразная картина безбрежных водных далей, и он сотворил острова, на них — деревья, а затем из гниющей листвы на свет появились люди — жители Фиджи, Тонга, Самоа. Иными методами действовал меланезийский бог Инхугаранг. Как-то раз удил он рыбу со своего каноэ. Вдруг на крючок ему

попалось что-то тяжелое. Глядь, а это гора. Отложил ее бог в сторону и подумал: «Дай-ка я попробую поймать еще что-нибудь в том же роде!» Хороший был клев в тот день — смотрите, сколько островов выудил тогда Инхугаранг из океана!

Но, согласно легенде, бытующей на Новых Гебридах, все было наоборот. Земная твердь существовала всегда, и на ней всегда жили люди. Затем возник океан, а земля превратилась в острова.

Одна из версий этой легенды, записанная на Танне, такова. Однажды змей украл одну женщину и утащил ее в чашу. Там у нее родился сын, но она ненавидела чудовище и несколько раз пыталась погубить его. Наконец ей удалось отравить своего мужа, и тот, умирая, сказал: «Запомни то место, где я буду похоронен, потому что мои глаза превратятся в прекрасные деревья. Плоды с них прокормят тебя и сына». И правда, из могилы тут же появилось два зеленых ростка, которые вскоре превратились в высокие кокосовые пальмы, усыпанные плодами. Рядом с деревьями забил ключ с прозрачной пресной водой. Женщина построила вокруг пальм забор и запретила сыну говорить кому-либо о чудесных деревьях и прекрасной воде возле них. Мальчик быстро рос, питаясь кокосами и освежая свое тело водой из ключа. Друзья то и дело спрашивали его, почему это он такой крепкий, упитанный и чистый. «Все это благодаря пище, которую оставил мне отец, и воде, в которой я купаюсь», — был ответ. Ребята попросили его показать им, что это за пища и вода, и он, забыв о материнском предостережении, накормил их кокосами и вместе с ними искупался в источнике. Узнав об этом, женщина разгневалась и сломала забор вокруг деревьев: вода хлынула наружу. Так возник океан. Поток увлек за собой людей, и они оказались в открытом море. Они-то и заселили те места суши, которые не были затоплены водой из чудесного источника.

А вот другая версия легенды, записанная на Эроманге. У одной женщины, славившейся искусством готовить пищу, была дочь лет десяти. Как-то она пошла вслед за женщиной в лес и увидела, как та подняла большой камень, а из-под камня потекла чистая вода. Наполнив сосуд, женщина аккуратно положила камень на место и пошла домой. Девочке захотелось самой еще раз поднять камень, и она осталась в лесу. С трудом удалось ей сделать это, и, напившись воды из-под камня,

девочка поняла, почему пища, которую готовит мать, всегда такая вкусная. Попробовала она положить камень на место, но не тут-то было. Испугалась девочка, побежала в деревню и обо всем рассказала матери. А вода тем временем все текла и текла из-под камня. Скоро она уже стала затоплять окрестности деревни. В страхе все бросились в разные стороны: мать — в одну, отец — в другую, а дочь — в третью. Вода уже разлилась так широко, как только хватал взгляд, и на том месте, где была земля, возник океан. Лишь под ногами у девочки и ее родителей осталось по клочку земли. Это и был остров Эроманга, а рядом с ним — Танна и Анейтьюм...

Только под утро мы, абсолютно выбившись из сил и уже почти не рассчитывая на благополучный исход нашего предприятия, добрались наконец до деревни, название которой показалось нам символическим — Хэп-пилэнд («Счастливая земля»). Авун Чарли был родом из этой деревни. Он заверил нас, что наутро дождь прекратится.

— Не беспокойтесь, Чарли сделает это, — подхватил Луи.— Чарли это может!

Но мы были настолько обессилены, что не обратили внимания на его слова и не поняли их глубокого смысла.

День третий

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

Дай счастья мне —
А значит — дай покоя...

Из песни Аллы Пугачевой

Деревня, где пищу готовят вечером

Только пробудившись от недолгого, но сладкого сна, мы смогли рассмотреть как следует эту «Счастливую землю». Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь кроны кокосовых пальм, освещали большую, гладко утрамбованную площадку, вокруг которой разбросаны хижины. Внешне Хэппилэнд очень похожа на те папуасские деревни, которые нам приходилось видеть на Новой Гвинее. Даже подойдя совсем близко к ней, вы не обнаружите никаких признаков жилья: ни дыма от очагов, ни лая собак. Деревня открывается вашему взору внезапно, словно вынырнув из зарослей.

В Бонгу центральную площадку деревни называют *гогуму арэ*, буквально «сердце деревни». Действительно, это открытое пространство играет приблизительно ту же роль, что Markt Platz в средневековом немецком городе: здесь центр общественной жизни, сюда сходятся нити, связывающие жителей в единое целое. Но в Бонгу хижины вокруг гогуму арэ расположены не как попало, они объединены в группы, которые Миклухо-Маклай не очень удачно назвал кварталами. Каждая такая группа состоит из нескольких домов, где живут члены одного клана. Оказывается, нечто подобное существовало раньше и в Хэппилэнде.

Между прочим, свое современное название деревня получила в 1941 году. До этого она называлась Умбоннванг пуарап, что в переводе на русский язык означает примерно «место, где стряпают по вечерам». Местные жители так объяснили нам происхождение этого странного названия. Раньше островитяне постоянно воевали друг с другом и в битвах проходило все светлое время суток. Поэтому вернуться домой и подкрепить свои си-

лы трапезой воины могли лишь после захода солнца.

Когда-то деревня делилась на две части, называвшиеся *нимоовро*; в каждой из них было по несколько семейных хижин *силъву*. Впрочем, семейной такую хижину можно назвать лишь условно. В ней жила жена с детьми, а муж наведывался туда лишь изредка: его постоянным местом жительства был мужской дом *симанло*, где жили также и другие совершеннолетние мужчины из его нимоовро.

Ныне двух прежних подразделений деревни — Вэльёорвонг и Умпонуйо — больше нет, от них остались лишь смутные воспоминания. Хижины разбросаны теперь вокруг деревенской площадки в живописном беспорядке. Но жители по-прежнему считают своим долгом содержать в чистоте это «сердце деревни».

Чистота — вот самое сильное впечатление от первого знакомства с Хэпилэндом, как, впрочем, и с другими деревнями на Эроманге, в которых нам довелось побывать на обратном пути. Считаю, что два фактора благоприятствуют поддержанию в эромангских селениях почти идеальной чистоты. Первый — разведение свиней: эти животные отлично выполняют обязанности ассенизатора. Второй фактор — широкое распространение веры во вредоносную магию. Боясь, как бы какая-нибудь случайно оброненная вещь не попала в руки колдуна и не причинила бы своему владельцу непоправимого вреда, жители Эроманги ничего не бросают где попало. Как много проигрывают наши города от того, что у нас уже давно никто не верит в черную магию!

Так или иначе, опрятный вид деревни в то утро приятно удивил нас. Красно-бурый цвет земли резко контрастировал с окружающей зеленью и яркими пятнами цветущих кустов вокруг некоторых домов. Свежесть воздуха и удивительная игра красок создавали ощущение праздничности и уюта. Может быть, мы действительно попали в заброшенный на краю земли уголок того первозданного рая, о котором так часто пишут журналисты, побывавшие в Океании?

Но стоило заглянуть внутрь любой из хижин — сразу становилось ясно, сколь обманчиво это первое впечатление. Жилища здесь поражают своей убогостью. Вдоль одной стены — деревянные нары, в центре — очаг, вокруг него несколько циновок — вот и вся обстановка. На земляном полу ползают дети. Внутренняя поверхность крыши так основательно покрыта копотью, что ка-

жется лакированной; не случайно верхние продольные балки, поддерживающие кровлю, на языке эроманга называются *мовор синэ*, что буквально означает «закопченные».

Многое изменилось в культуре эромангцев после появления на острове европейцев. Сегодня они ходят в церковь и одеваются совсем не так, как их предки. Только жилище их осталось в принципе таким же, каким было сто и двести лет назад. Кое-что в конструкции дома изменилось, но отнюдь не под европейским влиянием.

По словам капитана Кука, обитатели Эроманги «живут в домах, крытых листьями». Несколько более подробно он описал жилище на острове Танна: «Здесь было небольшое разбросанное селение, состоящее из нескольких домов, которые не нуждаются в особом описании, ибо дом — это попросту камышовая крыша, снятая со стен и поставленная на землю. Она продолговатая и открыта с обеих сторон; правда, у некоторых домов есть стены — изгороди из камыша высотой около 3 футов...»

Когда на Эромангу попал Робертсон, этот тип дома почти уже исчез. «Раньше, — говорится в его книге, — хижины строили без столбов и стен, и по своему внешнему виду они несколько походили на большую лодку, перевернутую вверх килем. Сначала на земле устраивалось возвышение высотой 12—18 дюймов, затем в землю втыкались на глубину 12 дюймов и на расстоянии около 3 футов друг от друга тонкие шести. Их изгибали и накрепко привязывали к коньку крыши. Поперек его клали более тонкие шести, а поверх этого остова — покрытие, красиво сплетенное из стеблей камыша. На нем помещалась крыша из листьев сахарного тростника или камыша вместе со своими травянистыми верхушками. Такая крыша очень прочна и в то же время создает в доме прохладу. В семейной хижине крыша покрывала также и оба фасада, за исключением небольшого прохода. Дверью служила циновка, сплетенная из пальмового листа, укрепленная на петлях из лианы. Семейные хижины были размером 8 на 12 футов».

Симанло были гораздо более значительных размеров. «Большие симанло, — продолжает Робертсон, — теперь почти всегда строят на старый лад, то есть без стен. Они отличаются очень привлекательным и красоч-

ным видом и имеют обычно от 40 до 50 футов в длину и от 15 до 20 футов в ширину. Когда я впервые прибыл на Эромангу, симанло принадлежали высокопоставленным вождям. Никто из простолюдинов не осмеливался подражать фанло и строить такие дома. Они были больших размеров и возведены с отменным вкусом и тщательностью. В южной части острова я видел симанло, которые имели более 100 футов в длину, 20 футов в ширину и около 25 футов в высоту».

Трудно сказать, чем было вызвано изменение во второй половине XIX века конструктивных особенностей жилища на Эроманге. Нечто подобное произошло на Берегу Маклая. Сто лет назад хижины в деревне Бонгу стояли прямо на земле. В 1971 году мы увидели там только свайные дома. Высказывалось предположение, что бонгуанцы стали возводить жилища на сваях под влиянием европейцев. Это маловероятно, потому что еще задолго до проникновения в Бонгу заметного европейского влияния миссионер А. Ханке приводил в своей грамматике языка бонгу в качестве примера к какому-то правилу такую фразу: «Он пошел под дом и взял там корзину». Значит, еще в прошлом веке в Бонгу уже строили свайные жилища.

Новый тип жилого дома, появившийся на Эроманге в то время, когда там побывал Робертсон, отличался от прежнего тем, что у него теперь были «стены и столбы». Вот как описывает его М. Вудбэрн, посетившая Эромангу в 1940 году: «Туземная хижина незамысловата по конструкции. Два центральных столба (первый из них — более высокий) поддерживают коньковую балку, и крыша опускается с нее, не доходя фута три до земли и соединяясь там с низенькими стенами. Передний фасад дома открыт и представляет собой единственный вход в жилище. Это одновременно и парадный подъезд, и черный ход, и кухня, и столовая, и все остальное, потому что жизнь дома протекает именно у этого его конца». Это довольно точная характеристика эромангского жилища.

Действительно, основу дома составляет каркасно-столбовая конструкция. Эта черта свойственна традиционному жилищу и в Океании, и в Восточной и Юго-Восточной Азии. В отличие от русской крестьянской избы, в которой всю тяжесть кровли несет на себе сруб стен, в жилище этого типа главное не стены, а столбы каркаса. Постоянных стен, в сущности, вообще может

не быть: в полинезийском фале их заменяют циновки, прикрепленные к балкам и опускающиеся вниз лишь в непогоду. Однако для эромангского дома характерны постоянные стены. Их всего три — две боковые и одна задняя. Стены дома сплошные и не имеют окон. В крыше нет дымового отверстия, и поэтому свет проникает в жилище только через открытую переднюю часть.

Недалеко от хижины, где мы обосновались, строился новый дом, и это дало нам возможность детально познакомиться с его конструкцией.

Для постройки дома прежде всего расчищают площадку размером около 4×6 м. По углам этого прямоугольника в землю вертикально вкапывают специально выбранные в лесу стволы небольших деревьев с развилкой на конце (для этой цели чаще всего используется акация). Это — *боуш*, опорные столбы каркаса. Высотой они чуть больше человеческого роста. Затем по продольной оси будущего дома укрепляют *нетуртур* — опорные столбы крыши (их высота составляет примерно 2 метра). После этого в развилки столбов вкладывают продольные балки *мовор нванг*, а между столбами на расстоянии 1,5—2 метров один от другого закрепляют дополнительные опоры, лишенные развилки, — *недан боуш*. С помощью тонкой, гибкой лианы их привязывают к продольным балкам. В развилках *нетуртур* закрепляют коньковую балку *хэльниви*. Поверх нее в развилки опорных столбов каркаса кладут наклонные слепи *нороп*, образующие основу ската крыши. На слегах крепятся дополнительные продольные балки *мовор синэ*, и каркас дома готов. Остается только соорудить стены и крышу.

Для возведения стен необходима решетка, которую плетут из расщепленного бамбука и тростника. К этой решетке с внешней стороны привязывают пучки листьев сахарного тростника. Эти блочные конструкции закрепляют так, чтобы верхняя их часть доходила до продольных балок, а нижняя — до земли. Крыша *нельпониу* также представляет собой решетку (здесь в дело идет тот же расщепленный бамбук). Поверх нее в несколько слоев кладут пучки листьев пандануса или стеблей сахарного тростника.

Следовательно, специфика традиционной строительной техники на Эроманге состоит в возведении хижин прямо на земле, а не на сваях, использовании столбов с естественными развилками *немсонг*, креплении эле-

ментов конструкции с помощью эластичных лиан *ноас*, широком применении плетеных деталей.

Простота конструкции дома делает ненужной кооперацию строителей. Глава семьи строит его сам. Для этого используется единственный инструмент — железный топор. Примерно неделя уходит на то, чтобы выбрать и заготовить в лесу все необходимые деревянные детали. Их доставляют к месту строительства, а затем в течение нескольких дней производят «сборку» дома.

Преимущество железных орудий оказывается здесь вполне очевидным. В начале нашего века, когда в ходу были еще каменные топоры, производительность труда намного уступала современной. Но любопытно, что применение новых орудий не привело к качественным сдвигам в технологическом процессе. В свое время Кук писал, что на острове Танна каменные топоры, по форме напоминающие колун, вставлялись в отверстие рукоятки и обвязывались тонкой лианой; спустя сто лет после этого Робертсон видел, как у одного эромангца железный топор соскочил с топорница и тот, вместо того чтобы закрепить его клином, как сделали бы это мы с вами, взял кусок лианы и перевязал топор крест-накрест. Сила традиции!

Все необходимое для постройки дома делает мужчина. Единственное исключение — плетение решеток для стен и крыши. Плетением на Эроманге занимаются только женщины.

Это не мужское дело

На Новой Гвинее мужчины, вернувшиеся с охоты и испытывающие чувство голода, бьют в большой деревянный барабан, напоминая задержавшимся на огороде женам, что пора ужинать. Через некоторое время на тропинке, ведущей к деревне, одна за другой появляются женщины. Они идут согнувшись, наклонив голову вперед. На лбу у них лямка от висящего за спиной мешка. В нем — таро, ямс, кокосовые орехи. Нередко там же поверх провизии лежит грудной младенец, так что вес иного мешка достигает 1,5—2 пудов. Переноска тяжестей — это не мужское дело. Тяжести должны носить женщины. Зато жевать бетель — занятие мужчины. Если человек появился в порядочном обществе без пачки листьев бетеля и бамбукового пенала с известью, до-

бавляемой к жвачке, его засмеют: «Он — словно женщина, его губы не окрашены бетелем!»

У нас все иначе. Красить губы у нас — удел женщин. Но мужчину, нагруженного авоськами, так же как и на Новой Гвинее, порой провожают насмешливым взглядом: мужчина — кормилец, глава семьи, его ли дело стоять в магазине за картошкой! Все-таки великая вещь — семейное разделение труда.

Не чуждо оно и жителям Эроманги. На этом острове нередко можно видеть мужчину, принимающего участие в приготовлении пищи, но и здесь есть занятия, считающиеся исключительно женскими. В их числе — плетение.

Плетение — одно из самых распространенных ремесел в Океании. Пальма первенства здесь принадлежит, несомненно, полинезийцам, а вершина полинезийского искусства плетения — это циновки. Тонкие и эластичные, украшенные орнаментом, они ценятся на Самоа и Тонга очень высоко. Умение плести циновки — главное достоинство полинезийской девушки, а приобретается оно усидчивостью и наставлениями бабушек, через руки которых прошла не одна тысяча этих изящных предметов.

Упоминание о полинезийских циновках вызывает у меня, однако, чувство горькой досады. Началось все с того, что на атолле Фунафути мне подарили великолепную циновку, сплетенную из шелковистых листьев пандануса. Я очень гордился ею и, вернувшись в Москву, никак не мог решить, положить ли ее на пол или повесить на стену. Пока вопрос оставался открытым, циновка ждала своей участи за шкафом. Тем временем моему сыну подарили кролика, который стал жить на кухне, но почему-то то и дело бегал в комнату и забирался под шкаф. Страшное предчувствие заставило меня однажды извлечь оттуда мою драгоценность. Пораженный, я тотчас же выронил ее из рук. На пол упали бесформенные объедки некогда прекрасного произведения искусства. Мог ли я предполагать, что заокеанский панданус покажется лакомством кролику, рожденному в средних широтах!

Ни на Новой Гвинее, ни в Меланезии (за исключением восточномеланезийского архипелага Фиджи) нет ничего подобного полинезийским шедеврам. Тем не менее и в этих местах невозможно представить себе повседневный быт без различного рода плетеных изделий. Па-

пуасские женщины плетут заплечные мешки и сумки, циновки и браслеты. Плетеные украшения из листьев пандануса ценятся и на Эроманге. Их носят как женщины, так и мужчины. Маленькие раковины, прикрепленные к браслету, оберегают от опасности. Это, в сущности, единственные украшения, распространенные на острове, если не считать почти вышедшей из моды татуировки. На Эроманге, как и на Новой Гвинее, татуировкой украшали себя только женщины. Узор на лице накалывали острой бамбуковой палочкой. Кусок дерева, называемого *нангай*, нагревали на углях до тех пор, пока из него не начинал капать сок, который собирали в специальный сосуд. Когда накапливалось достаточное количество сока, его смешивали с водой и помещали в скорлупу кокосового ореха. Этой смесью мазали лицо и оставляли на две-три недели, а когда смывали, на коже были отчетливо видны узоры темного цвета.

Важное место среди незамысловатых предметов домашнего обихода занимают на Эроманге циновки *наном*. Они совсем не похожи на полинезийские, но зато их почти невозможно отличить от бонгуанских. Как и на Берегу Маклая, их плетут из пальмовых листьев. Точнее, для одной циновки используется один лист пальмы, по форме напоминающий веер. Можно увидеть также циновки, сплетенные из двух листьев, — это *наном оронго*, или большие циновки. Для эромангца *наном* — то же, что ковер для узбека. На циновках, растеленных на земляном полу, сидят вечером у очага, на *наном* мать кладет новорожденного ребенка, *наном* заменяет одновременно и тюфяк и простыню. Не буду утверждать, что мне хорошо спалось на нарах, застеленных такой циновкой. Мы вообще, видимо, не привыкли спать на твердом ложе. Если же под тобой еще нечто сплетенное из жестких пальмовых листьев, оставляющих на спине вдавленный орнамент, то засыпаешь не сразу. Спутник Тура Хейердала, шведский этнограф Бенгт Даниельсон, писал, что во время своего пребывания на одном из атоллов архипелага Туамоту он, отнюдь не склонный к ностальгии, все же нет-нет да и вспоминал о ванне, полной душистой пены. Должен признаться, что эромангскими ночами мне иной раз снился пружинный поролоновый матрас.

Но самая необходимая вещь в домашнем хозяйстве эромангцев — это корзина. Жители Эроманги не знают ни мешков, ни тем более чемоданов, в их домах нет

сундуков и шкатулок. Универсальным контейнером, рассчитанным на любой случай жизни, является корзина.

Корзины, разумеется, тоже бывают разные. В круглых *набивью* держат домашний скарб, подвешивая их под кровлей. Плоские *ульёки* служат для хранения пищи. Их же используют для переноски тяжестей. Собираясь по делам в соседнюю деревню, женщина из пальмового листа делает себе корзину, которую берет в дорогу. Такие корзины носят в руке или на палке через плечо. Существуют также специальные корзины *нокотэ*, которые используются для складывания мусора и удаления его с территории деревни.

Когда утром мы вышли из своей хижины на площадку посредине деревни, несколько пожилых женщин плели там корзины. Пальмовые листья — единственный материал, применяемый на Эроманге для плетения и корзин и циновок. Материал этот очень непрактичен, потому что, высохнув, лист утрачивает эластичность, быстро ломается и все изделие вскоре приходит в негодность, а время, потраченное на его изготовление, пропадает зря. Тем не менее плести что-либо (исключая упоминавшиеся выше украшения) из более прочных и долговечных материалов эромангские женщины не привыкли. Они предпочитают традиционное сырье, требующее непрерывного обновления домашней утвари.

На первый взгляд может показаться, что способ плетения, применяемый местными мастерицами, не сложен. Однако Вудбэрн, пытавшаяся им подражать, убедилась в обратном. Наиболее простые предметы удавались ей, но каждый раз проворные коричневые пальцы оказывались искуснее белых.

Свои представления о прекрасном женщины Эроманги воплощают в плетеных изделиях, украшающих их дома. Еще Робертсон отмечал среди конструктивных деталей жилища «покрытие, красиво сплетенное из стеблей камыша». Действительно, плетеные решетки, составляющие основу крыши и стен, придают дому тот привлекательный вид, о котором пишут все исследователи материальной культуры Эроманги.

Настроение у нас было прекрасное, мы совсем не чувствовали усталости после вчерашнего перехода, а свежий утренний воздух и чистое небо над головой приятно бодрили. Нам не терпелось тотчас же приступить к делу, но ни Чарли, ни Луи не было видно, и мы ока-

зались предоставленными самим себе. Чтобы не терять времени даром, мы решили для начала зафиксировать на фотопленку различные способы переплетения, используемые в решетках для крыш (лишь значительно позднее нам удалось записать и соответствующую терминологию).

Чаще всего можно было видеть ровные прямые квадраты типа *нелевен* или ромбы *уврок*, образованные бамбуковыми планками, которые затем оплетались тростником. Принцип плетения решеток для стен был иным. «Основу» их составляют горизонтальные пучки тонко расщепленного бамбука (*нивау*), «уток» — вертикальные тростинки (*сеснин*). Последние не прилегают здесь вплотную друг к другу, как в решетках для крыши, а образуют ажурное кружево. В зависимости от способа переплетения различаются *неври* (сеснин располагаются в этом случае крест-накрест), *навлёнгон* (с симметричными вертикальными сеснин), более сложный вариант — *тайман* и т. д.

Нередко различные способы переплетения применяются поочередно при сооружении одной и той же стены. Поэтому хижины в Хэппилэнде, на первый взгляд кажущиеся близнецами, в действительности никогда не представляют собой точных копий друг друга: в каждой из них есть что-то индивидуальное, и эти отступления от «типового проекта» приятно радуют глаз.

О достоинствах и недостатках пиджина

Наше появление в деревне не привлекло к себе слишком большого внимания местных жителей, может быть потому, что «Счастливая земля» вообще казалась почти необитаемой. Этнографы очень высоко ценят возможность наблюдать жизнь, не нарушая ее естественного течения. Но сейчас, предоставленные самим себе, мы убедились, что без помощи наших проводников-переводчиков нам не удастся поговорить с жителями деревни. И пожилые женщины, и девушки, к которым мы пытались обратиться с тем или иным вопросом, с улыбкой выслушивали нас, но было вполне очевидно, что ни пиджина, ни тем более английского никто из них толком не знает.

Язык межэтнического общения! В полной мере важность этой проблемы начинаешь понимать только в

Океании. Мой коллега Сергей Александрович Арутюнов неизменно поражает своих знакомых тем, что без затруднений переводит с немецкого на грузинский и с японского на французский. Но на Новой Гвинее Сергей Александрович тоже, пожалуй, спасовал бы. Ведь там порой что ни деревня, то свой язык. Эроманга, конечно, не может идти в сравнение с Новой Гвинеей — масштабы не те. Но и на Эроманге проблема языка непроста.

Кстати, об истории изучения языка Эроманги. Она насчитывает почти полтора столетия.

Уже ранние исследователи обратили внимание на то, что на Эроманге существуют различные диалекты. Дж. Гордон, автор первой грамматики языка эроманга, обнаружил пять таких диалектов: ёку (или энью), сие, ура, утаха и новуламлег. Энью, между прочим, означает «мой» — так называл свой родной диалект информатор Гордона.

Дж. Гордон не указывает, в каких частях острова были распространены эти пять диалектов. Однако на основании косвенных данных можно предположить, что на ура говорили на севере острова, на утаха — в его южной части, а энью был характерен для западного побережья. Занимая ведущее положение среди других диалектов, энью был в то же время общеупотребителен в масштабах всего острова.

Исследователи приводят следующие примеры расхождения в этих трех диалектах:

Значение слова	Энью	Ура	Утаха
Земля	непам	дена	юмуп
Луна	итаис	умова	ириис
Солнце	нирминен	ниминукум	нимнинукум
Человек	нетеме	ирема	?
Женщина	насивен	яревин	?
Отец	итемен	римен	тимен
Три	десель	гехели	кихили
Четыре	деват	лемелу	лемелу

По мнению К. Хэмфриса, на Эроманге существуют шесть, а может быть, и семь диалектов: энью, этио, адиау, сорунг, сеимо, танемпенум (название седьмого диалекта, о котором Хэмфрису говорили старики, осталось неизвестным). Вначале у него сложилось впечатление, что население Эроманги делится на три группы: оуима — на восточном берегу, нуруэлонгас — на западном, элевате — в северной части. Но затем Хэмфрис пришел к выводу, что это деление носит чисто геогра-

фический, а не этнолингвистический характер. Не прослеживается ли языковое родство между жителями северной оконечности острова — Элевате и населением соседнего Эфате? Этот вопрос остался для Хэмфриса открытым.

А. Кэппел, большой знаток океанийских языков, рисует иную картину диалектов на Эроманге. По его мнению, сейчас на острове существуют три диалекта: ура — на севере, ёку — на западе, ифо — на юге. Диалект ура наиболее существенно отличается от других, и его, возможно, следует считать самостоятельным языком. Предложение «Я встану, пойду к своему отцу и скажу ему об этом» на диалекте ёку звучит так: «Иа ндандак мемба бохнги ндера мамели понги», а на ура — «Иа гонтур манге понги нате мануви понги». В этих двух диалектах около 35 процентов лексики различно, а слова, восходящие к общим корням, отличаются по произношению. Например, слово «женщина» на ёку — «насивен», а на ура — «наревин». Впрочем, на ура говорит сейчас, по словам Кэппела, очень мало людей, и исследователи называют его «умирающим диалектом».

Языковая мозаичность сравнительно небольшого острова Эроманга объясняет нам, почему здесь, как и на Новой Гвинее, столь широкую популярность получил пиджин-инглиш, или, как его называют здесь, ток-писин.

Что ни говорите, а это очень странный язык. Такое впечатление, что почти все грамматические отношения между словами выражаются в нем с помощью билонг (английское *belong*). Ученые не устают спорить о том, каково будущее этого языка-гибрида. Николай Александрович Бутинов относится к пиджину очень критически. По его мнению, этот язык не способен в полной мере выразить многие понятия, касающиеся местной материальной культуры, хозяйства, мировоззрения; он не имеет также и лексики, связанной с некоторыми явлениями современной западной культуры. «Пусть так, — говорят „сторонники“ пиджина, — но все это можно восполнить путем заимствования, например, из английского». Николай Александрович не согласен: «А не проще ли в таком случае перейти на английский язык?» Для его оппонентов этот довод, однако, не кажется убедительным: в том же японском огромное число заимствований из английского, но отказываться от своего родного языка японцы пока вроде бы не собираются.

Нет, пиджин, видимо, имеет право на жизнь. Беда

только в том, что жители деревни Хэпилэнд его не знали, а наших проводников мы нигде не могли найти. Было, правда, одно обстоятельство, несколько облегчавшее наше положение. Меланезийцы вообще и жители Новых Гебрид в частности гораздо чаще, чем мы, используют различного рода жесты и мимику. Робертсон, а вслед за ним Хэмфрис утверждали, что «житель Эроманги никогда не будет прибегать к словесному выражению своей мысли, которую он может передать кивком или движением мускулов лица». На первых порах это кажется очень непривычным. Задаешь собеседнику какой-нибудь вопрос, а тот молчит и только поднимает вверх брови. Этим он хочет сказать: «Вы совершенно правы, дело обстоит именно так!» Но если, напротив, житель Эроманги хочет решительно опровергнуть какой-либо ваш тезис, он произносит короткое «эй» так, что ни один мускул на его лице не дрогнет. Жесты и мимика очень помогают поддерживать в эромангском обществе светскую беседу, но, для того чтобы объясниться с информатором, их все-таки недостаточно.

Ну наконец-то! На другом конце деревни появился сладко потягивающийся Луи, и мы с Михаилом Александровичем сразу засыпаем его вопросами. Его познания в английском с примесью пиджина сегодня кажутся нам великолепными. Рассказ Луи существенно дополняет наши наблюдения, касающиеся домашних животных на Эроманге.

Собака для верховой езды

Как утверждают археологи, примерно в середине второго тысячелетия до нашей эры на многих островах Западной Меланезии появились люди, оставившие памятники так называемой культуры лапита. Так вот оказывается, что носители культуры лапита наряду с рыболовством занимались разведением домашних животных. Но не ламы и не морской свинки, которых человек одомашнил в Америке, а свиньи, собаки и кур — древнейших животных в Восточной и Юго-Восточной Азии.

И на Новой Гвинее, и в Меланезии главное домашнее животное — это, безусловно, свинья. У многих новогвинейских племен отношение к свинье совершенно не похоже на наше. Женщины, на плечи которых ложится основной труд по уходу за поросятами, окружают их не

меньшими заботами, чем собственных детей. Их постоянно носят с собой, а иногда даже выкармливают грудью, что с удивлением констатировал еще Миклухо-Маклай. Подрастая, хрюшки настолько привыкают к своим благодетельницам, что ни на шаг не отстают от них: идет, к примеру, папуаска на огород, а за ней с визгом движется целое стадо свиней.

В то же время весьма характерно, что на Новой Гвинее никто никогда не режет своих свиней, чтобы самому полакомиться мясом. «Папуасы закалывают свиней только в торжественных случаях, — писал Н. Н. Миклухо-Маклай, — причем одной свиньи должно хватить не только на всю деревню, но еще и на гостей из двух-трех деревень». Один из таких особых случаев нам довелось наблюдать на острове Фила: играли свадьбу, и родители жениха закололи свинью для угощения гостей. Куски свинины, аккуратно завернутые в банановые листья, были разложены на земле перед домом, и каждый, почтивший своим присутствием это торжество, получал всю долю.

Важную роль на Новой Гвинее свиньи играют в сфере ритуального обмена, а в некоторых районах этого острова они выступают даже в качестве эквивалента стоимости и выполняют тем самым функцию денег. Известен случай, когда жители нескольких соседних деревень причисляли себя к единой этнической общности на том основании, что все они совместно участвуют в приготовлении особого блюда из свинины для общего праздника.

Но на Эроманге, как выяснилось, свинья все-таки не играет такой исключительной роли в жизни местного населения, как в других частях Меланезии.

Жители Эроманги называют свинью словом *нэмпрахи* и различают домашнюю ее разновидность — *нэмпрахи нэмлю* («нэмлю» означает «спокойный») и дикую — *нэмпрахи нангон*. Впрочем, это противопоставление в условиях Эроманги весьма условно: диких поросят ловят в джунглях и откармливают в течение нескольких месяцев, отнюдь не заботясь о том, чтобы они со временем принесли потомство.

Естественно, что свиньи, которых лишь с большими оговорками можно назвать домашними, представляют собой постоянную угрозу для огородов. Проблема эта решается по-разному. На острове Танна, например, местные жители предпочитают обносить огороды забо-

рами. Сооружают их там из самого разнообразного подручного материала — камней, бамбука или веток. Подобные изгороди настолько высоки, что человек с трудом перелезает через них. Хэмфрису, путешествовавшему по острову Танна верхом на лошади, приходилось постоянно спешиваться, чтобы делать проходы в заборах, ограждавших огороды. К счастью, он никогда не забывал тут же восстанавливать их первоначальный вид: жители Танны тщательно следят за состоянием изгородей и любое проявление небрежности в этом отношении грозило возникновением конфликта.

Жители Эроманги пошли по иному пути. Диких поросят здесь держат в специальных загонах, которые называются *нэмбаи*. Это небольшие срубы в виде усеченной пирамиды; наклонные стены не дают свинье возможности выйти на волю. Такие загоны можно видеть в Хэпилэнде почти у каждого дома. В отличие от свиной куры здесь постоянно разгуливают на свободе. Они ночуют на деревьях, а несутся в траве: услышав кудахтање, хозяйка отправляется на поиски только что снесенного яйца.

Особое место среди домашних животных на Эроманге занимает собака. Как и в других частях Океании (а также и в Юго-Восточной Азии), мясо собаки, употребляемое в пищу, ценят высоко. Собака, без сомнения, была главным спутником человека во время его расселения по островам Меланезии. Но здешние собаки, толстые и изможденные, производят удручающее впечатление. Живут они впроголодь: в деревне им, в сущности, нечем поживиться. Поэтому во время отлива собаки забегают далеко на рифы в надежде найти в расщелинах что-нибудь более калорийное, чем овощные очистки. Кто знает, может быть, именно из-за этой совершенно несвойственной нормальному собачьему рациону пищи местные жучки и шарики совсем разучились лаять.

Мы с удивлением узнали, что словом «кури» жители Эроманги называют не только собак, но и многих других животных, ранее островитянам неизвестных. Крупный рогатый скот был завезен сюда европейцами. Эромангцы, никогда не видевшие до того времени коровы, назвали ее *кури матау*, что в буквальном переводе означает «большая собака». Потом им довелось познакомиться еще с одним неведомым животным — лошастью. Подумав, жители острова дали ей название по аналогии с коровой — *кури ивох*, или «собака, на которой

можно ездить верхом». Сейчас, впрочем, ни коров, ни лошадей на Эроманге не увидишь, и уже смирившиеся со своей собачьей долей псы с поджатыми хвостами и выступающими ребрами, могут, пожалуй, гордиться тем, что на этом острове они по праву являются единственными представителями достославного семейства кури, оказавшего так много исторических услуг человеческому роду.

День четвертый

О ЖЕЛЕЗНОМ ТОПОРЕ И ПАЛКЕ-КОПАЛКЕ

Распалась дней связующая нить,
Как мне обрывки их соединить?

У. Шекспир. Гамлет

Приглашение на огород

«Жил на Эроманге у горы Пономаласи человек по имени Вота. Посмотрел он однажды вдаль и увидел остров, которого раньше никогда не замечал, и захотелось ему побывать там.

Взял Вота две остроги и, придя на берег, положил их рядышком одну возле другой остриями в сторону неизвестного острова. Встал на них, произнес заклинание и перенесся на остров Эфате, в Эрентапао, где жили люди воракау. А вождя их звали Тапулапа.

У Тапулапы была дочь, и она полюбила Воту, и стали они жить в одной хижине. Но Вота был человек моря, и он не привык работать на огороде, как все в Эрентапао. Поэтому получал Тапулапа в подарок от своей дочери одну только рыбу.

И вот однажды вождь людей воракау сказал своему зятю:

— Итак, вы двое едите только рыбу. Значит ли это, что вы вовсе не употребляете в пищу ямса?

— Нет, — отвечал Вота. — У нас и огорода-то нет никакого.

На следующий день Тапулапа сказал своей дочери:

— Если бы я знал, что Вота не умеет работать на огороде, ни за что не отдал бы тебя ему.

И эти слова женщина передала своему мужу.

— Ну что же, — отвечал Вота, — в таком случае будет и у нас огород.

Расчистил Вота маленький участок земли в лесу, а на следующее утро он стал таким большим, что не видно было его конца. Потом зажег Вота крошечный огонь в одном углу огорода, а на другой день весь участок был выжжен. Посадил Вота пять клубней ямса, а через

несколько дней его огород был полон ямса, и сахарного тростника, и бананов...

И тогда люди воракау сказали:

— Пусть нашим вождем будет Вота. Он все может, и у него все есть.

Так Вота стал большим человеком в Эрентапао и завел себе много жен...»

В этой легенде, записанной французским исследователем Б. Эбером на Эфате, но имеющей прямое отношение к Эроманге, содержится немало интересного с этнографической точки зрения, например недвусмысленное указание на то, что по крайней мере какая-то часть населения Эроманги была «людьми моря», вовсе не занимавшимися земледелием. Немаловажна и другая деталь: стоило Воте только захотеть, и он не только сразу овладел технологией сельскохозяйственного производства, но и добился его рекордной рентабельности.

Отзвук этих же идей мы находим и в предании о поселении Эроманги, записанном К. Хэмфрисом. Как уже говорилось, первыми на остров пришли светлокожие номпо. Они добывали себе пропитание тем, что возделывали огороды. Новопоселенцы лосорву, напротив, понятия не имели о том, что это такое. Они поначалу никак не могли взять в толк, зачем женщины номпо втыкают в землю деревянные колья. Когда же им объяснили, в чем дело, лосорву сразу сообразили, что это очень хорошее занятие. «Дайте нам одну из ваших женщин!» — попросили они, и их просьба была удовлетворена. Поэтому, хотя между лосорву и номпо то и дело вспыхивали военные столкновения, приведшие в конце концов к поражению светлокожих и к переселению их в глубь острова, темнокожие победители научились у побежденных возделывать таро и ямс. Они, если верить преданию, в свою очередь, научили этому современных жителей Эроманги.

Читателю теперь будет понятно, почему, едва освоившись в деревне, мы стали просить Луи и Чарли показать нам, как здесь выглядят огороды и что на них выращивается.

Авуи Чарли предложил сходить на огород, принадлежащий его родственникам. Там мы можем, дескать, не только увидеть все, что нас интересует, но заодно и набрать всего необходимого на обед. До огорода минут тридцать ходьбы, так что мы успеем вернуться вовремя.

Разговор этот происходил недалеко от дома, где жил

брат Чарли, хромоногий Джон; вокруг нас стояла группа ребятшек и несколько молодых девушек, некоторых мы уже знали по именам. Сначала они явно дичились незнакомцев, но вскоре мы с Михаилом Александровичем стали замечать, что они с интересом наблюдают за нами и даже не прочь как бы невзначай одарить нас своей чарующей улыбкой.

Полагая, что было бы невежливым прервать только что завязавшуюся беседу, я предложил всем присутствующим вместе пойти на огород. Ребята немедленно согласились, но девушек мои слова почему-то привели в смущение. По их лицам было видно, что они вовсе не прочь пойти с нами, но что-то удерживает их. В это время из хижины раздался недовольный женский голос, и юные красавицы, окончательно смешавшись, тотчас же разбежались кто куда.

Лишь много времени спустя я совершенно случайно узнал, что позвать молодую девушку на огород означает на Эроманге нечто большее, чем у нас пригласить знакомую на последний сеанс в кино. Это означает предложить ей руку и сердце, потребовав немедленной взаимности. Делать это во всеуслышание было с моей стороны, согласитесь, опрометчиво.

Связь времен

«Можно с полным основанием благоприятно отзываться о здешних почвах, — писал Дж. Кук после посещения Эроманги, — так как только немногие места на острове пустынно, поля же видны повсеместно».

Поля или, точнее, огороды разбиваются на Эроманге далеко за пределами деревни. Частной собственности на землю здесь и поныне практически не существует, поэтому каждый житель может расчистить в лесу место под огород. При этом любой односельчанин имеет право зайти на огород соседа и полакомиться там всем, чем ему заблагорассудится, нельзя лишь уносить что-либо с собой.

Огород существует на одном и том же участке не более двух-трех лет, после чего его забрасывают. Теоретически каждый может вновь разбить огород на только что оставленном месте, которое до этого обрабатывал сосед. Однако на практике этого не бывает, потому что почвы здесь быстро истощаются.

Фруктовые деревья, посаженные тем, кто выкорчевал и обработал участок, остаются в его собственности и переходят по наследству к родственникам. В отношении этих деревьев, впрочем, действует то же правило, что и в отношении созревшего урожая на огороде: можно рвать фрукты, но нельзя уносить их домой.

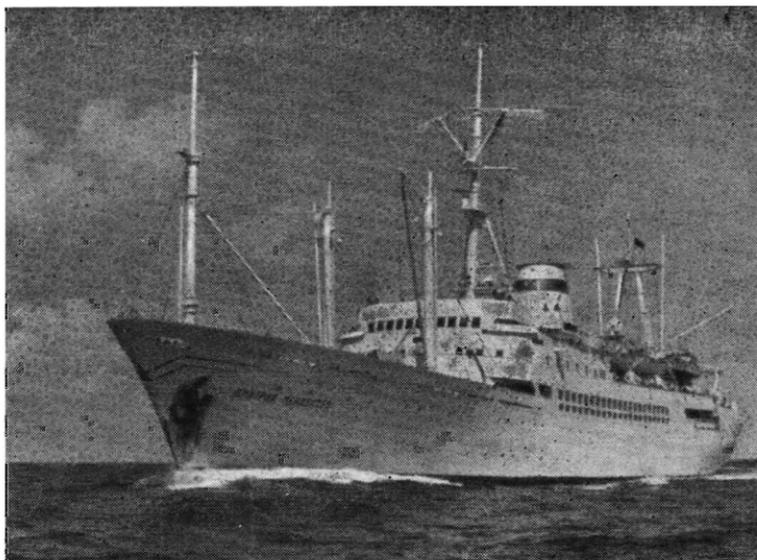
Работы по расчистке участков леса под огороды начинаются в июле—августе.

«Расчистка клочка земли под поле, — читаем мы в дневнике Кука, — требует, видимо, большого труда, учитывая, что орудия, которыми располагают местные жители, такие же, как и на островах Общества, и даже еще более несовершенные. Однако способ расчистки, применяемый ими, разумный и наиболее быстрый. Они обрубают мелкие ветви у больших деревьев, подкапывают у них корни и сжигают ветви, мелкий кустарник и разные растения, вырванные из земли, уничтожая, таким образом, корни и ветви».

И в наши дни жители Эроманги поступают именно так. Сначала на выбранном участке срубают самые крупные деревья, которые оставляют на месте для прошки. Затем стволы разрубают на части и убирают, а более мелкие деревья и кустарник поджигают. После этого начинается корчевка пней и выравнивание участка. В закладке огорода принимают участие как мужчины, так и женщины. Первые рубят деревья и выносят стволы за пределы участка, вторые собирают в кучи ветви и корчуют пни.

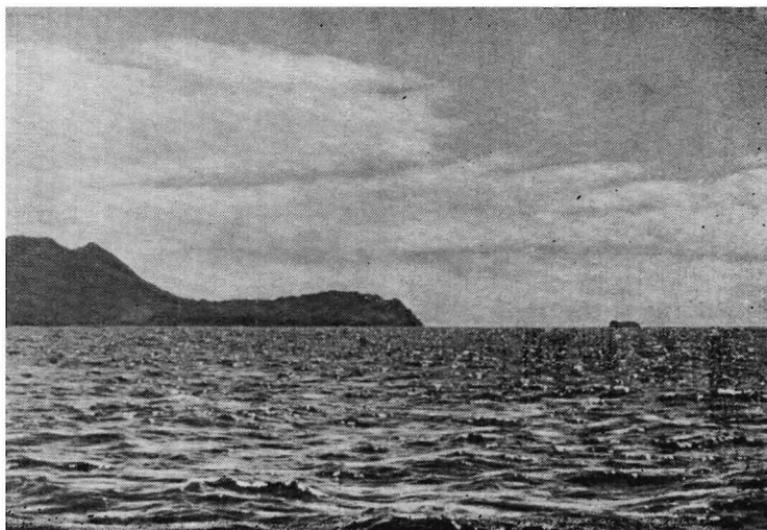
Подготовка места для огорода — самая трудоемкая часть земледельческого цикла. В дальнейшем, когда земля очищена от кустарника и выровнена, посадка и уход за растениями требуют сравнительно мало усилий. По некоторым наблюдениям, сделанным на острове Танна, глава семьи и его жена могут тратить всего лишь около четырех часов в неделю для поддержания в должном порядке огорода средних размеров.

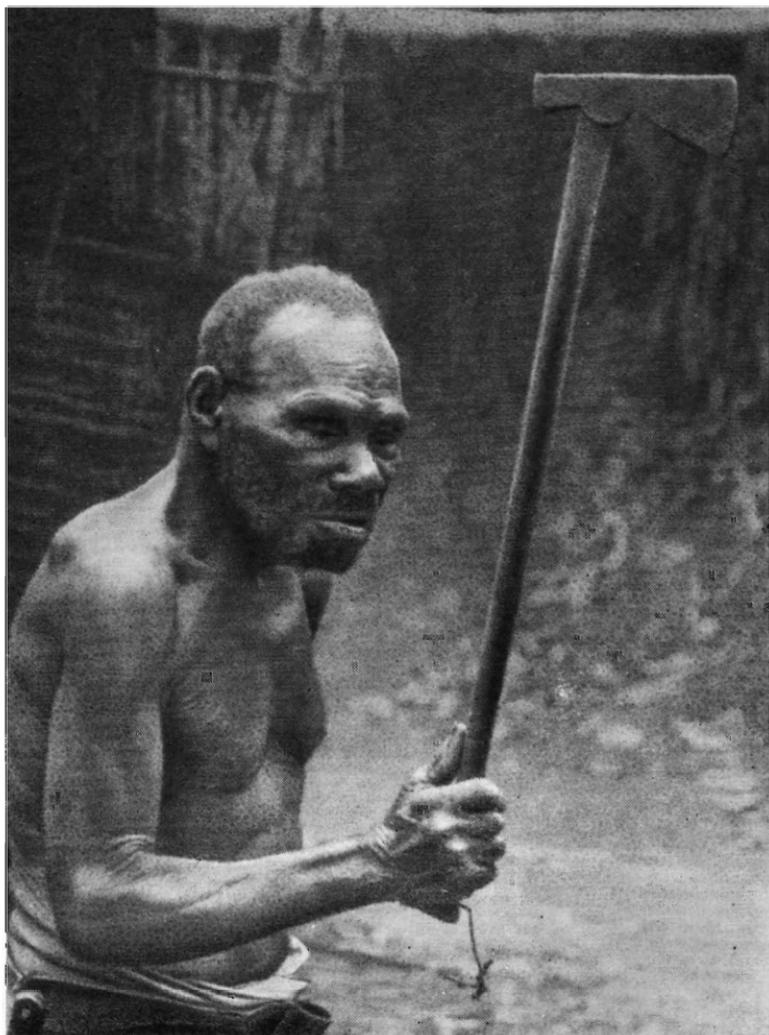
Правда, отправляясь на огород, не ожидайте увидеть чисто выполотые грядки и ровные ряды рассады на фоне основательно удобренной и разрыхленной почвы — картина, которая так поражает воображение, скажем, в японской деревне. Оказавшись на поле где-нибудь в глубине острова Эроманга, не сразу понимаешь, что ты не в лесу. На огородах повсюду буйно разросшаяся зелень. Только присмотревшись, обнаруживаешь, что в одном конце участка преобладают высоченные

Наш белоснежный красавец «Дмитрий Менделеев»

Эту оконечность острова Дж. Кук назвал мысом Предателей

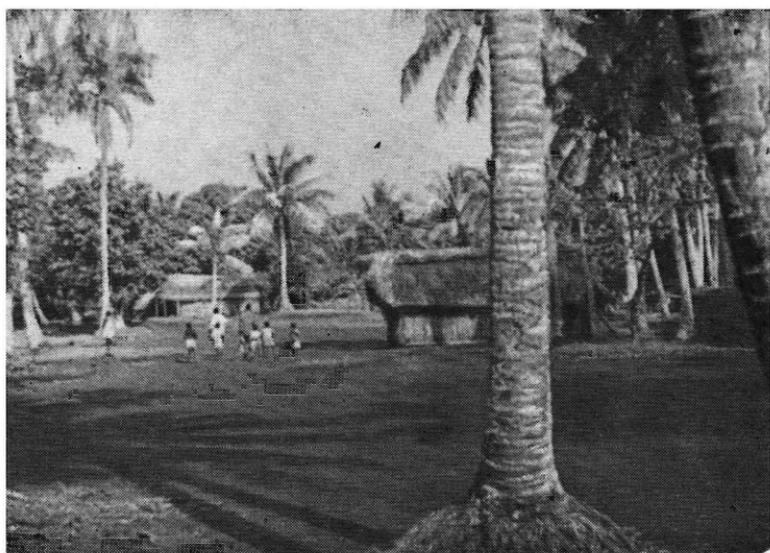

Старый Уили

Утро в деревне Хэппилэнд —→

Еще несколько минут — и кушать будет подано —→

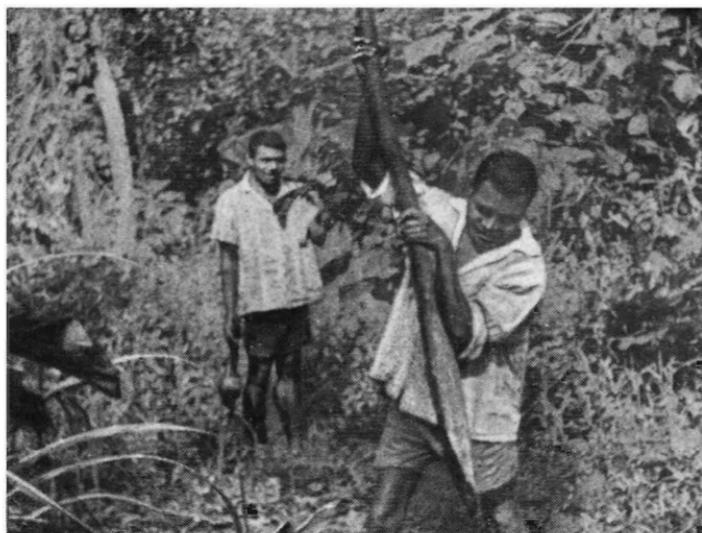

Плетение циновок

Скоро новоселье

Рохоль не изменилась со времен неолита

Навела

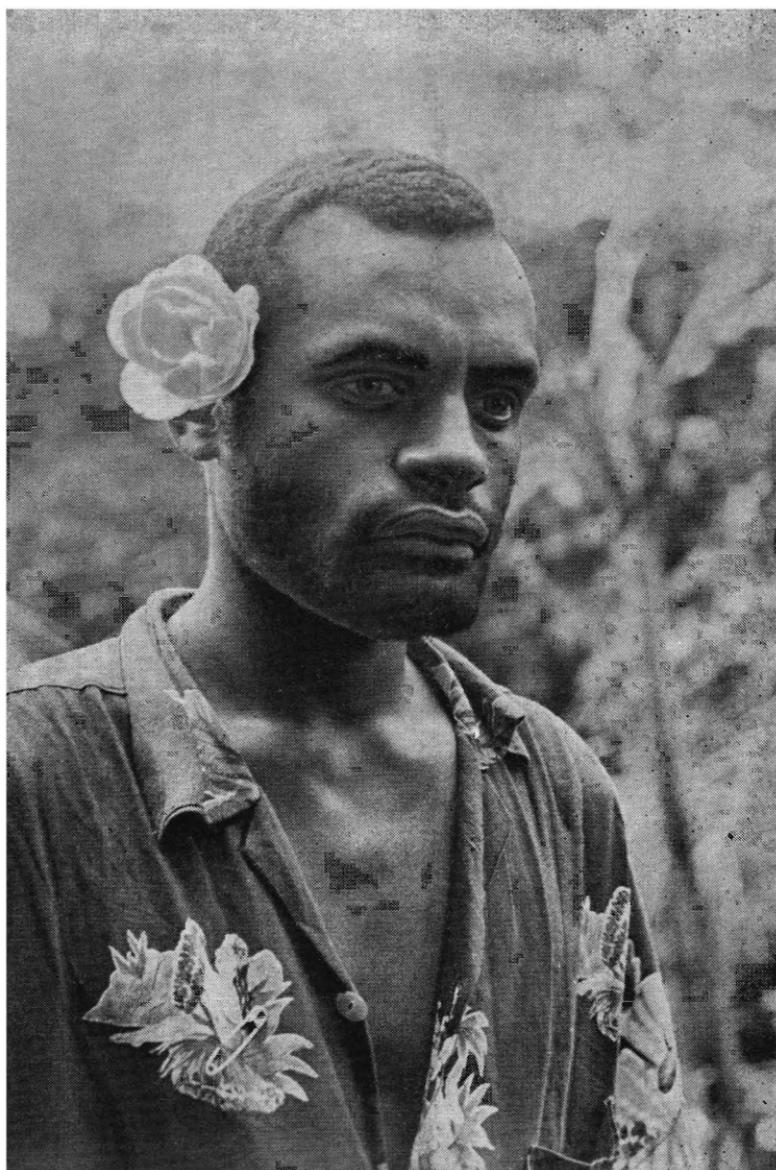

Кава уже разлита

Боевой танец

Авун Чарли

кусты ямса, в другом — похожие на лопухи листья таро.

Посадки ямса, не будь они такими бесформенными, были бы похожи на виноградник. Ямс — единственная культура, требующая предварительной разбивки некоего подобия грядок. На продолговатых возвышениях из вспаханной земли делают ямки, куда высаживают прошлогодние клубни. Когда молодой побег достигает 10—15 сантиметров, рядом с ним в землю втыкают тонкую и длинную палку, обвивая которую он тянется вверх. Через некоторое время стебель сгибают и присыпают землей, а затем вся процедура повторяется снова и снова.

Основными орудиями, применяемыми для разбивки огорода, являются сейчас железный нож-тесак *наутунго* и топор *накэ*. Когда участок подготовлен и можно приступать к посадке, на сцене появляется знаменитое орудие, известное каждому, кто хоть когда-нибудь держал в руках учебник по общей этнографии, — легендарная палка-копалка. На языке эроманга это просто палка — *рохоль*, как любой деревянный кол, независимо от того, для чего он применяется.

Рохоль, используемая в качестве сельскохозяйственного орудия, — палка из твердой породы дерева метра полтора длиной, заостренная с одного конца. С помощью рохоль местные жители поднимают «целину», причем делают они это довольно своеобразно. Крепко ухватив палку двумя руками и размахнувшись, мужчина всаживает ее в почву, затем откидывается назад, выворачивая при этом большую глыбу дерна и земли. Та же палка применяется и для рыхания огорода, и для выкапывания клубней (ямки для посадки растений делают руками, причем это сугубо мужская работа).

Чем же объяснить то обстоятельство, что одно из самых древних земледельческих орудий, применявшееся еще в неолите, сосуществует на Эроманге с железным топором?

Причина проста. Для мягких почв, постоянно увлажняемых обильными дождями, палка-копалка достаточно эффективное и к тому же почти универсальное орудие, предельно простое по своей конструкции и не требующее значительных усилий для изготовления. В условиях Эроманги нет никакой необходимости использовать какие-то более совершенные и специализированные орудия. А человек, когда его не побуждают к тому серьезные обстоятельства, не изобретает ничего нового.

Так на огороде, принадлежавшем родственникам авуна Чарли, вдруг «распалась связь времен», и мы, казалось, совершили путешествие в далекое прошлое, когда в тропических и субтропических районах Восточного полушария только-только начинало зарождаться земледелие.

— Вот это — *нуп*, — говорит Чарли, указывая на ямс, — а это — *тельневве* (так на острове называют таро).

Как и тысячи лет тому назад, эти клубнеплоды остаются главными сельскохозяйственными культурами на Эроманге. Распространена сейчас и маниока, но она появилась здесь сравнительно недавно, и для нее в местном языке нет специального названия, тогда как для каждого из двадцати шести выращиваемых на острове разновидностей ямса есть особый термин.

Выращивание клубнеплодов существенно отличается от возделывания хлебных злаков. Пшеницу или рожь сеют и убирают в строго определенное время года; таро и ямс не признают жесткого графика в своем вегетационном цикле. Чаще всего их сажают в сентябре—октябре, но с этим вполне можно повременить и до января, лишь бы в почве было достаточно влаги.

Период созревания клубней зависит от времени посадки. Сбор урожая никогда не приобретает здесь характера столь привычной для нас страды. Таро — не хлеб, оно не поляжет и не осыплется. Это и не картошка, которая, не убери ее вовремя, замерзнет в поле. Уж что-то, а это-то меньше всего угрожает на Эроманге созревшим клубням.

Поэтому, строго говоря, урожай здесь вообще можно не убирать. В Хэппилэнде рядом с жилыми хижинами сооружают хозяйственные навесы, но, так же как на Новой Гвинее и в Полинезии, на меланезийских островах обычно не строят амбаров. Продукты хранятся прямо на корню в огороде: хозяйка отправляется туда утром и возвращается домой, неся в корзине ровно столько, сколько нужно для приготовления обеда на всю семью.

В остальном же таро и ямс играют в жизни островитян такую же роль, что хлебные злаки — в нашей. Слово «хлеб», как мы знаем, имеет в русском языке несколько значений. Это не только кислое печеное тесто, но и пища вообще, и недаром говорят: «зарабатывать себе на хлеб», «остаться без куска хлеба». По-китайски

то же значение имеет слово «фань». Буквально оно означает «вареный рис», но «разбить чашку для риса» означает для китайца разориться. Русскому хлебу и китайскому фань полностью соответствует в этом значении эромангское *нванг*.

Кушать подано

Четверть века тому назад в Институте этнографии Академии наук СССР заместителем директора по хозяйственной части работал один весьма почтенный человек, утверждавший, что «этнография — это пища, жилище и одёжа». При всем несовершенстве данной формулировки в ней, несомненно, содержится некое рациональное зерно. Этнографы действительно тратят немало времени и усилий на изучение этих сторон материальной культуры, потому что именно в них наглядно проявляются этнические особенности разных народов.

Пищевые стереотипы чрезвычайно устойчивы. Человек, с детства привыкший к определенной пище, лишь с большим трудом меняет ее на что-то другое. Однажды я спросил знакомого японца, много путешествовавшего по странам Азии и Европы: «Сато-сан, а все-таки какое кушанье на свете самое вкусное?» — «Конечно, о-сасими!» — почти не задумываясь ответил тот. Он имел в виду традиционное японское блюдо — кусочки сырой рыбы, которые едят, обмакивая в соевый соус. Я несколько раз бывал в Японии и со временем даже пристрастился к о-сасими, но когда вы впервые оказываетесь перед необходимостью полакомиться этим деликатесом, мурашки пробегают у вас по спине. Есть рыбу в сыром виде? Нет уж, пожалуйста, увольте!

Китаец в этом отношении гораздо более принципиален, чем русский. Он вообще не представляет себе, что можно употреблять в пищу нечто не вареное или не жареное. Поэтому наша селедка, политая подсолнечным маслом и украшенная колечками лука, при одном виде которой у нас слюнки текут, у китайца вызывает отвращение. С его точки зрения, это такая же сырая рыба, как и японское о-сасими, раз она не подвергнута термической обработке.

Помните, как отчаянно заголосила героиня романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» Аниська, сноха Донецковых, когда выяснилось, что по милости деда Шу-

каря она съела лягушку: «Ить я зараз в тягостях! А ежели вот скину через тебя, подлюшного?» Но в китайской, как, кстати, и во французской, кухне лягушка — это деликатес, и в начале 50-х годов Китай импортировал лягушек с Кубы.

Совершенно очевидно, что понятия «съедобное» и «вкусное» относительны. Они складываются в определенной этнической среде, и их изучение помогает этнографу понять особенности этой среды. Но, задавшись такой целью, исследователь порой оказывается в весьма трудном положении, будучи вынужден преодолевать свой собственный стереотип да при этом не только не голосить, подобно Аниське, но и по возможности объективно анализировать изучаемое им явление. На Новой Гвинее, например, муж, вернувшись с охоты, в знак особого расположения к своей молодой жене кладет ей в рот гусениц, собранных по дороге домой. Никто из советских этнографов, побывавших в Бонгу, не мог удостоиться, конечно, подобной чести, но однажды юноша Какаль, с которым я подружился, предложил мне пожевать бетеля. Отказаться было невозможно. Поверьте, это было одно из самых трудных испытаний в моей жизни.

Итак, этнографа интересует, из чего и как готовят себе пищу разные народы. Но если бы он ограничивался только этим, то этнографические монографии не отличались бы от поваренных книг. Этнограф, в сущности, изучает не столько пищу как таковую, сколько ее социальные и этнические функции.

Пища нужна человеку, чтобы пополнить запас калорий в организме. Но хотя гостей принято встречать угощением, мы ходим в гости не только для того, чтобы сытно поужинать. Гораздо важнее для нас общение в процессе еды, а в этом как раз и проявляются социальные функции пищи.

Одна из них — укрепление и стабилизация связей, существующих внутри определенного коллектива. Когда глава семьи где-нибудь в Бирмингеме или Ньюкасле торжественно разрезает на части рождественскую индейку, он поступает подобно вождю палеолитической локальной группы, после удачной охоты делящему добычу между всеми своими сородичами. Получивший свой кусок признается полноправным членом коллектива; посторонние к ритуалу не допускаются. Не случайно об одном европейце, посетившем деревню Бонгу пос-

ле Миклухо-Маклая, папуасы говорили: «Он хороший человек, но он чужой. Он не ел вместе с нами».

Совместная трапеза призвана укреплять связи внутри группы, но она может и создавать их. У папуасов есть особое понятие «нгама», или «братство по еде». Да и звучащий ныне все реже сакраментальный вопрос: «Ты меня уважаешь?» — содержит в этом отношении глубокий теоретический смысл: между людьми, разделившими друг с другом порцию питья, должны установиться новые, особые, уважительные отношения.

Объединяя, еда в то же время разъединяет людей, подчеркивает различия в их статусе. Священнодействие вокруг блюда с бишбармаком — строго разработанный ритуал, и дети не допускаются к нему, они стоят поодаль и внимательно наблюдают за пиршеством в ожидании того, что кто-нибудь из участников протянет им через плечо кусок мяса. Традиция требует, чтобы бишбармак ели только взрослые мужчины; женщины утоляют голод отдельно.

В деревне Хэппилэнд мы стали свидетелями обычаев, связанных с едой. Главный прием пищи здесь происходит на вечер (помните версию о происхождении старого названия деревни?). Когда солнце начинает клониться к закату, женщины берутся за стряпню. Затем на центральной площадке собираются мужчины. Они рассаживаются прямо на земле и ждут, пока женщины приготовят *нванг*. Для этого клубень ямса натирают на куске древесного папоротника, кора которого покрыта острыми шипами (это подобие нашей жестяной терки на Эроманге называется *найо*). Полученную таким способом массу кладут на лист банана, а на нее — толстым слоем натертую мякоть кокосового ореха. Операция повторяется несколько раз. Затем все это заворачивают в лист банана и кладут в кучу камней, заблаговременно нагретых на костре. Минут через двадцать-тридцать кушанье, напоминающее многослойный пудинг, готово. Теперь нужно только разгрести камни и, пользуясь специальной деревянной вилкой *норови*, снять оболочку с «голубца». Но эта последняя операция выполняется только мужчиной. На Эроманге человек не может подносить пищу ко рту рукой, он всегда предварительно обертывает ее свежесорванным листом: от прикосновения к женщине руки мужчины становятся нечистыми.

На огороде у Воты кроме ямса и таро росло много

бананов и сахарного тростника. На огороде у Чарли — тоже.

Когда-то очень давно, еще в детстве, я читал, помню, воспоминания одной аргентинской певицы о невзгодах, которые ей пришлось пережить, прежде чем пришел первый успех. Будущая знаменитость не сомневалась в правильности избранного ею пути: «Даже если бы мне каждый день пришлось питаться одними бананами, я все равно не отказалась бы от своей мечты!» «Не так уж плохо каждый день есть бананы», — подумал я. Лишь позже я узнал, что бананы, в нашем представлении ассоциирующиеся только с самыми изысканными фруктами, бывают разные и во многих странах выращивают бананы, относящиеся к категории овощей: есть их можно только в вареном или жареном виде.

В Океании, где встречаются, между прочим, и дикие разновидности бананов, их употребляют в пищу и как овощи, и как фрукты. На Эроманге возделывают более десяти сортов бананов.

Жители Эроманги всегда выращивают на своих огородах много сахарного тростника, который здесь называется *борьбе*. Отправляясь в соседнюю деревню, меланезиец отрубает ножом кусок созревшего стебля и берет его с собой в дорогу. Отделяя зубами верхний слой волокон и откусывая сладковатую сердцевину, путник успевает сжевать по дороге весь свой посох.

По словам очевидцев, на Эроманге практикуется весьма своеобразный способ консервирования продуктов, главным образом плодов хлебного дерева. Их разрезают на четыре части и складывают в специальную яму глубиной около полутора метров и примерно того же диаметра. Стенки ямы выстилаются пальмовыми листьями, ими же прикрывают сверху плоды, после чего яму засыпают землей. Ее содержимое ферментируется и в таком виде может храниться три-четыре месяца. По мере надобности плоды вынимают из ямы, сминают в небольшие буханки и запекают в куче раскаленных камней. Мне не довелось отведать этого лакомства, отличающегося, как говорят, весьма характерным запахом. Но ведь, как учит нас этнография, о вкусе и запахе не спорят.

Зачем человеку кокосовая пальма?

Страны различаются не только национальными костюмами или особенностями традиционной архитектуры. Многие из них можно ощутить даже с закрытыми глазами. Раньше это нередко можно было сделать, прислушавшись к звучащим вокруг народным мелодиям. Сейчас, когда и в Рио-де-Жанейро, и в Амстердаме увлекаются брейком, а в Тамбове иной ценитель музыки оглушает соседей магнитофонными руладами Билли Джоэла, это становится уже почти невозможным. Но остается еще одна сфера человеческих ощущений, которая приходит на помощь. Страны различаются по запаху.

Известная исследовательница истории Китая Э. П. Стужина утверждала, что средневековый китайский город пахнет имбирем. Кубу сразу узнаешь по специфическому запаху перепревшего сахарного тростника. В Океании же человека повсюду преследует запах копры.

Копра — сушеная мякоть кокосового ореха. Содержащиеся в ней масла представляют собой ценнейшее сырье для химической, парфюмерной и пищевой промышленности. Возможность вывозить большое количество дешевой копры и привлекала европейских предпринимателей в страны Океании в конце XIX — начале XX века. Успехи современной химии снизили спрос на кокосовое масло, хотя, как утверждают, оно идет сейчас на производство не только маргарина и питательных кремов для лица и рук, но и напалма.

Зрелые кокосовые орехи освобождают от внешней оболочки и разрубают пополам. Затем их сушат на солнце или в специальном сарае, где под решетками с разложенным на них полуфабрикатом тлеют сырые дрова. Подсыхая, мякоть ореха отделяется от внутренней оболочки и начинает испускать тот неповторимый и удивительно стойкий запах, которым насквозь пропитано все вокруг.

Эроманга не исключение. Раньше сюда постоянно наезжали скупщики копры. Но с уменьшением численности населения острова производство ее резко сократилось. Вывоз копры с Эроманги стал нерентабельным. Сейчас Эроманга — один из немногих островов Океании, где прогорклый маслянистый запах почти исчез, вытесненный дыханием цветущего тропического леса.

Копра уходит, кокосовая пальма остается. Удивительное все-таки это дерево. Влюбленное в бескрайнюю ширь океана, оно не может без него жить. Вот и старается придвинуться как можно ближе к его ласкающему прибою. Вечером, когда луна серебрит океанские дали, прислушайтесь к тому, как листья пальмы шепчутся с мягко набегающими на песок волнами, — и вы услышите робкие укору, и трепет признания, и еще что-то, такое понятное, близкое, вечное. Налетает ветер, и, встрепенувшись, роняет пальма в воду свои светло-коричневые, словно отполированные плоды. Пройдет неделя, месяц, год, и где-нибудь волны осторожно вынесут на берег набухший от влаги и мечтающий о встрече с землей орех. Лопнет блестящая оболочка, и изумрудный росток, нежный и стойкий, пробьет себе дорогу к солнцу. Вот почему не найти в Океании ни одного большого или малого острова, который не опоясывало бы кольцо красавиц пальм, покачивающихся над самой водой.

Но пальма не только приносит вдохновение поэтам, она еще кормит и поит островитян. Зеленый орех, кожура которого не успела затвердеть, полон почти прозрачной жидкости, которую называют кокосовым молоком, хотя на молоко она не похожа ни по виду, ни на вкус. Даже в самую сильную жару содержимое ореха остается прохладным. В полуденный час не может быть ничего приятнее нескольких глотков этого освежающего напитка, заботливо приготовленного для человека самой природой. Поэтому островитянин прежде всего поднесет гостю только что надрезанный молодой кокосовый орех.

Когда орех созревает, жидкость внутри его постепенно высыхает, превращаясь в нежную белую мякоть, которая идет на приготовление различных блюд. Едят ее и сырую. На Фуафути нам показали, как лучше всего это делать. Подобрал на берегу орех, разбейте его камнем, выковыряйте мякоть и промойте ее в морской воде. Легкий привкус соли придаст ей особую пикантность.

В домашних условиях оболочку кокосового ореха островитяне снимают с помощью специального приспособления. Когда-то это была укрепленная на рукоятке створка гигантской раковины тридакны, имеющая чрезвычайно твердый и острый зубчатый край, теперь — железная скоба. В Бонгу она называется *дьярур*, на Эроманге — *норле*. Рукоятку ставят вертикально, прикладывая к зубцам орех и нажимают на него, вскрывая

как консервную банку. *Норле* — единственное орудие производства, связанное с кокосовой пальмой, которая растет и плодоносит без вмешательства человека. В этом смысле можно сказать, что пальма может жить без человека, он же без нее — нет.

На атолле Фунафути, население которого давно уже приобщилось к европейской цивилизации (в иной хижине можно увидеть транзисторный радиоприемник, а около нее даже мотоцикл), местный вождь Тапу Ливи расспрашивал нас об СССР и о том, хорошо ли там живут люди. Когда мы сказали ему, что в Советском Союзе более двухсот пятидесяти миллионов человек, он сделал вид, что поверил нам, хотя в душе, несомненно, укорил за столь явное преувеличение (на его родном атолле живет почти в триста тысяч раз меньше). Потом он спросил, по скольку кокосовых пальм приходится в СССР на душу населения, и, узнав, что в нашей стране нет кокосовых пальм, в изумлении воскликнул: «Как же вы существуете?» Беседа эта имела неожиданное для нас продолжение. Перед отплытием «Дмитрия Менделеева» Тапу Ливи прислал нам несколько сот отборных кокосов. «Посадите их на своем острове — и вы никогда не будете ни в чем нуждаться!» — сказал он.

Жизнь бедуина немислима без верблюда — это животное перевозит с места на место своего хозяина и его домашний скарб, а тот питается мясом верблюда, пьет верблюжье молоко, ночью укрывается накидкой из верблюжьей шерсти, а при простуде лечится верблюжьей мочой. Поэтому то, что мы обозначаем одним-единственным словом «верблюд», араб называет несколькими десятками различных слов — в зависимости от возраста животного, его пола, масти и тому подобного.

Эскимос не может представить свою жизнь без снега. Лучшее средство передвижения для него — нарты, легко скользящие по снегу; из снега он строит свое жилище; пьет воду, растапливая снег на огне. И в эскимосском языке существуют специальные слова, обозначающие только что выпавший снег, слежавшийся снег, а также наст, покрытый корочкой льда, и т. д.

В Океании люди не могут жить без кокосовой пальмы. Поэтому они различают множество видов пальм, о которых житель средней полосы России и понятия не имеет. Самое большее, на что он способен, так это добавить, характеризуя кокосовый орех, один-два эпитета: «молодой», «зрелый». А в языке эроманга для этого су-

ществует добрая дюжина слов: *новуанале* — «зеленый орех, наполненный молоком», *несерук* — «молодой орех с мякотью», *нтомон* — «созревший орех», *нэвре* — «орех, упавший с пальмы» и т. д.

Островитяне хорошо знают цену всему, что дает им кокосовая пальма. Они пьют кокосовое молоко, из мякоти кокосового ореха готовят пищу. Внешняя оболочка используется в качестве топлива, а волокно, находящееся в ней, идет на изготовление бечевок. Из внутренней оболочки ореха делают чашечки для питья кавы.

Каву пьют настоящие мужчины

Есть одно чрезвычайно важное культурное растение, без которого немислим, пожалуй, ни один огород в окрестностях Хэппилэнда. Это *нараве*, или кавы, а говоря научным языком, *Piper methysticum*. Но разговор о кавы следует начать издали.

В первые века нашей эры население северных районов Китая весьма неодобительно относилось к распространению среди южан обычая жевать *биньлан*. Название это указывает на иноэтническое происхождение и самого растения, и обычая как такового: достаточно вспомнить, что в малайском языке *pinang* — это название арековой пальмы. По свидетельству одного древнекитайского источника, «сначала кладут в рот плод биньлана, затем берут лист бетеля длиной в один цунь, немного извести и жуют все это вместе». Это одно из ранних упоминаний о жевании бетеля, заимствованном южными китайцами в результате межэтнических контактов и чрезвычайно популярном в наше время среди многих народов Юго-Восточной Азии. Жевание бетеля выполняло в этом регионе ту же функцию, что и курение табака у аборигенов Центральной Америки; по сообщению указанного источника, в то время существовала поговорка: «Дай мне плод биньлана и лист бетеля, и я забуду свои печали».

Из Юго-Восточной Азии бетель распространился не только на север — в пределы Китая, но и на юго-восток — в Океанию. Но там сложилась и иная традиция. Корни перечного растения растирают и смешивают с водой, получается слегка пьянящий напиток, известный в разных местах под различными названиями, но чаще всего именуемый кавы.

Любопытно, что оба обычая — жевание бетеля и питье кавы — имеют в Океании четко очерченные ареалы: бетель на западе, кава на востоке. Народы, увлекающиеся жвачкой, не пьют каву, и наоборот. Единственное известное мне исключение — Берег Маклая на Новой Гвинее. Там местные жители в равной мере привержены как к *нгау* (бетелю), так и к *кэу* (каве). На основании альтернативного употребления в Океании одного из этих двух стимуляторов известный исследователь Меланезии У. Риверс выдвинул гипотезу о том, что в заселении этого района приняли участие совершенно различные этнические группы — «люди бетеля» и «люди кавы».

К числу типичных «людей кавы» принадлежат полинезийцы. Изготовление и питье кавы в Полинезии — не просто процесс производства и потребления популярного продукта. Это тщательно разработанный ритуал, являющийся важным элементом образа жизни. Не будет преувеличением сказать, что все связанное с кавой составляет здесь особый, ни на что не похожий синкретический вид высокого искусства. Нам посчастливилось участвовать в церемонии распития кавы на Самоа — в одном из центров традиционной культуры полинезийцев. Нужно было видеть, с каким неподражаемым мастерством молодой самоонец передавал чашу с кавой очередному участнику священнодействия: вращая сосуд с драгоценной жидкостью одной рукой над головой, он, подобно жонглеру, совершал замысловатые пируэты.

Все исследователи полинезийской культуры единодушны в том, что правила приготовления кавы в своем первоначальном виде предусматривали одну немаловажную деталь: высушенные корни разжевывались юными красавицами, чья непорочность должна была придать напитку особый аромат. В Меланезии эти функции обычно выполняли юноши, еще не испытывшие прикосновения своих избранниц. Впрочем, К. Хэмфрис с его холодным аналитическим умом стремился дать рациональное объяснение этим романтическим подробностям: часами жевать твердые, как любой другой кусок дерева, корни — работа, которая по зубам только молодым. Так или иначе, но к распитию кавы ни в Полинезии, ни на Новых Гебридах несовершеннолетние ни под каким видом не допускались.

Но вернемся на огород авуна Чарли. Видя, что мы с Михаилом Александровичем Ростарчуком тщательно

записываем местные названия всех культурных растений, произраставших на изрядно запущенных грядках, Чарли взял инициативу в свои руки и стал водить нас от одного куста к другому. Пока речь шла о знакомых нам таро и ямсе, все было хорошо. Но вот мы оказались около небольшого кустика, который наш гид называл *нараве*. Моих ботанических познаний оказалось явно недостаточно, чтобы опознать его, а Чарли, начав по-английски, сразу же переходил на свой родной язык, и его пространные комментарии тоже, естественно, делу помогали мало.

— Ну ладно, Чарли, — попытался подойти к делу с другого конца Ростарчук. — А для чего эта штука может сгодиться? Ее что — варят или едят сырую?

Такое предположение было, очевидно, совершенно неуместным, и авун категорически отверг его. Постепенно мы начали понимать, что он старается растолковать нам, как осторожно следует действовать, извлекая растение из земли. Его ни в коем случае нельзя дергать за стебель: корень оторвется и уйдет в землю. Нужно не торопясь, потихоньку отгрести землю от растения, приговаривая при этом что-то скороговоркой. Когда корень будет уже почти оголен, нужно обеими руками быстро извлечь куст из грядки. Чарли показал нам, как это делается, и, увидев его сидящим на корточках с *нараве* в вытянутых руках, я невольно вспомнил поверье, бытующее у китайцев — сборщиков жэньшэня: обнаружив цветущий куст, нужно уговорить его, отвлечь внимание, а иначе он выскользнет из рук — и поминай как звали. И мне стало ясно, что перед нами особое растение. Может быть, *нараве* — это и есть *кава*?

Однако это предположение подтвердилось лишь поздно вечером, когда Чарли сам пригласил нас снова отправиться в лес. Минут десять шли мы сквозь заросли, пока перед нами не открылась небольшая полянка, а на ней хижина вроде тех, в которых жили обитатели Хэппилэнда. На этот раз с нами был еще и Джэрри, учитель местной начальной школы, с которым мы познакомились в тот день. Он сносно говорил по-английски, и вот тут-то наконец все стало на свои места.

Да, *нараве* — это действительно *Piper methysticum*. Все операции по его выращиванию требуют особой тщательности и осторожности. Для посадки берут стебель растения, разрезают на части и кладут горизонтально в заранее приготовленные ямки, после чего их присыпают

землей. Вскоре нараве дает побеги и укореняется. Ровно через год можно выкопать корневище, называемое *нговатни*, и приступить к приготовлению из него напитка. Чарли и Джэрри для того и привели нас сюда, чтобы показать все это на месте и угостить нас.

Интересно, кто же в данном случае будет жевать корень — каждый свою порцию или кто-то один на всех? Этнограф не имеет права быть брезгливым. Но все-таки чувствует себя как-то более уверенным, когда сам жуешь и сам сплевываешь в свою чашку.

Но тут выяснилось, что наши дилетантские страхи были абсолютно напрасными. На Эроманге нараве вообще никто не жует. Свежий корень натирают на куске коры древовидного папоротника. Да здравствуют прекрасные эромангские обычаи! И да не обидятся на меня мои самоанские друзья, но я всегда буду рекомендовать всем своим знакомым: «Пейте каву по-эромангски!» Тем более что этот экзотический напиток практически можно причислить к категории безалкогольных.

Тем временем Джэрри продолжал рассказывать нам о том, что пить каву нужно в специальном доме, который строится, как правило, в лесу поблизости от деревни. Участвуют только мужчины — кава не для женщин. Из большой чаши зачерпывают маленькими чашечками *нэвэноки уромонги нараве*, сделанными из скорлупы кокосового ореха (в Бонгу их называют *кеу гамба*).

— Послушай, авун, ведь каву могут пить только фанло, не так ли? (эту информацию я почерпнул из книги Хэмфриса).

— О да, — задумчиво отвечает Джэрри, — старики говорят, что, когда они были молодыми, никто, кроме фанло, не имел права пить нараве. Но это было раньше. А сейчас вот видишь — мы же пьем, и ничего.

Ответ был вполне убедителен, и я перестал приставать к Джэрри с расспросами. Мне хотелось сфотографировать наших хозяев с чашками нараве в руках, а затем уже отведать этого волшебного питья.

И пусть оно выглядит подозрительно мутным и на поверку оказывается почти безвкусным и слегка горьковатым, всё равно невольно испытываешь внутреннее удовлетворение. Ты удостоился чести принять участие в распитии кавы! А ведь каву пьют только настоящие мужчины.

День пятый

НЕЗРИМЫЕ УЗЫ

Дни проходят, а мое изучение туземного языка продвигается очень туго вперед... Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным...

Из дневника Н. Н. Миклухо-Маклая

Почему им было бы не смешно

Читатель, я уверен, помнит подробности трагедии, разыгравшейся некогда в штате Пенсильвания и описанной позднее Марком Твенем.

«Один филаделфийский обыватель покончил жизнь самоубийством, оставив следующую записку:

Я женился на вдове, у которой была взрослая дочь. Мой отец влюбился в мою падчерицу и женился на ней. Таким образом он стал моим зятем, а моя падчерица стала моей матерью, как жена моего отца.

Жена моя родила сына, который является шурином моему отцу и дядей мне, как брат моей падчерицы.

Жена моего отца тоже родила сына, который, конечно, является моим братом, а также внуком, как сын моей дочери.

Следовательно, жена моя стала моей бабушкой, как мать моей матери, — я же являюсь мужем своей жены и ее внуком в одно и то же время. А так как муж бабушки какого-то лица является дедушкой этого же лица, то значит, что я являюсь дедушкой самому себе...»

Можно понять несчастного. Но обратим внимание на другое.

Этот рассказ был написан Марком Твенем по-английски. Переведенный на русский язык, он звучал когда-то на наших концертных подмостках в исполнении Эммануила Каминки и имел большой успех. Однако представим себе на минуту, что Н. Н. Миклухо-Маклай, современник Марка Твена, решил позабавить этой юмористической историей своих друзей — папуасов Новой Гвинеи. Если бы Маклай рассказал ее жителям деревни Бонгу на их родном языке, можно быть совершенно

уверенным в том, что она не произвела бы на них абсолютно никакого впечатления. Папуасы попросту не поняли бы соли, кульминации сюжета, заключенной в последней строчке рассказа.

Все дело в том, что в бонгуанском языке вообще нет слов, соответствующих нашим «внук» и «дед» или английским «grandson» и «grandfather»: словом «вау» жители Берега Маклая называют и того и другого. Иначе говоря, для папуаса вполне нормальна и совершенно лишена какого-либо комизма ситуация, при которой «я являюсь дедушкой самому себе».

Из сказанного следуют по крайней мере два важных вывода. Во-первых, термины для обозначения родственных отношений — это не просто слова, в своей совокупности они составляют некую систему со строго определенной структурой. Во-вторых, системы терминов родства различных народов могут совпадать между собой, хотя сами термины и не имеют между собой ничего общего (Марк Твен написал свой рассказ «Трагическое родство» по-английски, а мы читаем его по-русски и улыбаемся), а могут и не совпадать (вы растолковываете суть дела папуасам, а те только плечами пожимают: «А что, собственно, в этом смешного?»).

В науке нередко приходится заново открывать старые истины, некогда уже известные людям, но недостаточно осмысленные ими и потому преданные впоследствии забвению.

В I веке до нашей эры грек Николай из Дамаска писал о племени галактофагов, что они «отличаются справедливостью, имеют имущество и жен сообща; поэтому называют они всех пожилых отцами, молодых сыновьями, а сверстников братьями». Это было поистине гениальное открытие: древнегреческий писатель не только прямо указывал на несоответствие иноземных терминов родства их греческим эквивалентам, но и попытался все это объяснить.

Прошло более семнадцати столетий. В 20-х годах XVIII века японский ученый Дадзай Сюндай заканчивал работу о конфуцианских нормах траура по усопшим родственникам, в которой он, помимо всего прочего, намеревался перечислить китайские термины родства и дать их японский перевод. Дадзай был прекрасным знатоком китайского языка. Но тут совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что многие китайские термины не имеют точных соответствий в его родном

языке. Например, по-китайски старший брат отца — бо-бо, младший — шушу, но в японском языке для этих двух категорий родственников существует только один-единственный термин — «о-дзи-сан». Потрясенный этим невольным открытием, ревностный приверженец конфуцианских идей горько сетует в своей книге на то, что Япония — это «поистине варварская страна, раз в ней нет даже правильных терминов родства!».

Примерно в то же время в Париже увидела свет книга Ж. Лафито, много лет жившего среди североамериканских индейцев и описавшего их быт и нравы. Лафито, в частности, упоминает о том, что ирокезы и гуроны весьма странно называют родственников: например, «матерью они называют не только свою мать, но и своих сестер».

В 50-х годах XIX века американский этнограф Г. Л. Морган независимо от своих предшественников (он не знал работы Лафито и уж тем более сочинения Дадзая) повторил их открытие: терминология родства одного народа подчас не может быть адекватно переведена словами другого языка. Морган убедился в этом, записывая термины родства ирокезов. Вначале он отнес к данному факту лишь как к лингвистическому курьезу и не придавал ему серьезного научного значения. Но его поразило, что системы родства ирокезов и оджибве, говорящих на разных языках, оказались идентичными. Морган начинает преследовать мысль о том, что это нельзя объяснить простым совпадением. А не указывают ли эти факты на общность происхождения всех американских индейцев?

Вопрос о происхождении индейцев Америки оставался в ту пору предметом споров. Морган придерживался теории переселения их из Азии. И поэтому, когда в одно прекрасное утро ему удалось познакомиться с терминами родства тамилы Южной Индии, он, охваченный радостным возбуждением, записал в своем дневнике: «Невозможно выразить, каково было мое изумление, когда я убедился, что системы родства тамилы и американских индейцев в целом совпадают между собой. Это ли не убедительнейшее доказательство азиатского происхождения индейцев!»

И Морган приступает к сбору материалов по терминологии родства народов мира для своей будущей книги «Системы родства и свойства человеческой семьи». Для этого он не только совершил несколько этнографиче-

ских экспедиций к различным группам индейцев, но и разослал своим зарубежным друзьям письма с просьбой сообщить ему термины родства возможно большего числа народов мира. Эта переписка оказалась довольно плодотворной. Но Моргану приходилось получать и такие ответы: «Дорогой сэръ! Я намеревался выполнить Вашу просьбу — сообщить Вам систему родства жителей этого острова. Но, исследовав суть дела, я обнаружил, что у крайне невежественных туземцев вообще не существует правильной системы родства. Они настолько далеки от цивилизации, что не знают, как им следует именовать своих родственников. Например, один старик сообщил мне, что сына сестры своего отца он называет сыном! Поэтому я и решил не тратить на это попусту Ваше и свое время».

Легенда

Впрочем, когда рукопись книги Моргана была уже почти закончена, он вдруг совершенно неожиданно отказался от своей первоначальной точки зрения и предположил, что сходство систем родства разных народов может быть объяснено иначе: не общностью их происхождения, а сходством существующих у них социальных институтов. Вторая гипотеза Моргана получила впоследствии всеобщее признание, первая же была не вполне заслуженно забыта.

То, что население острова Филадельфия в бухте Вилла, откуда начался наш путь на Эромангу, говорит на полинезийском языке, является давно установленным и бесспорным фактом. Язык филадельфиан изучен сравнительно неплохо — им специально занимался один из крупнейших авторитетов в области океанической лингвистики А. Кэппел. Он, между прочим, убежденный сторонник концепции, согласно которой этот остров был заселен в процессе начальной миграции протополинезийцев на восток.

Совершенно иную версию истории заселения острова мы услышали из уст доктора Джона Кальсакау, отца Йохана, который в то время был занят подготовкой к свадьбе. Собственно, началось с того, что мы попросили доктора рассказать немного об острове Филадельфия и его жителях.

— Ifenua Efira tenuku ue nofo ganei tenuku kekela,—

начал доктор на фила, своем родном языке. — Фила, на котором мы находимся, — маленький остров. Люди, обитающие здесь, имеют черный цвет лица. Они аборигены этих мест.

— Значит ли это, что ваши предки всегда жили здесь? — спрашиваем мы.

— О нет, я просто хотел сказать, что мы жили здесь задолго до прихода европейцев.

— А если так, то откуда же пришли на Филу ваши предки?

Джон Кальсакау улыбается. Он с удовольствием расскажет нам об этом.

Когда-то остров Фила был необитаемым. Первыми людьми, появившимися на нем, были некий Тиамуа и его спутники. Все они умещались в одной лодке, которая называлась «Самараруа», и приплыла она с Самоа. У Тиамуа было два сына — Тафакисема и Карисупума. Они принадлежали к одному из матарау, поныне существующих на Филе.

— Матарау?

— Да, так у нас называют группу родственников, потомков какой-то одной женщины.

— И человек всегда принадлежит к тому же матарау, что его мать?

— Конечно.

Сам Джон Кальсакау был из другого матарау. Его предок Тарипакоа приплыл с Самоа на лодке, называвшейся «Факаитонга». Впоследствии его родственники разделились на два матарау. Оба они почитали в качестве символов своих первопредков одних и тех же животных — осьминогов (*феке*), но для одного матарау таковым был *феке талана*, который охотится ночью, для второго — *феке маури*, ведущий дневной образ жизни.

— Значит, у каждого матарау есть свой символ?

— Разумеется. Два других матарау на Филе почитают ямс (*уфи*) двух видов, еще два — дикий ямс (*малу веро* и *малу сари*), другие два — кокос (*ниу*) двух разновидностей, еще два — сахарный тростник (обычный — *торо* и длиннолистный — *торо караму*) и т. д. Всего на Филе двенадцать матарау.

Членам матарау категорически запрещается употреблять в пищу растение или животное, являющееся общим символом их родственной группы.

Оказывается, матарау — экзогамная группа. Человек не может взять себе в жены девушку из того же матарау.

рау, что и он сам. Нарушение этого правила раньше каралось смертью — виновных убивали, а тела их бросали в чащу леса. И еще одна особенность: матарау — это нелокализованная группа. Человек может встретить члена своего матарау где-нибудь далеко от своих родных мест. Смысл существования матарау в том, что люди могут найти защиту и помощь на чужбине.

Матриллинейность, экзогамия, тотемный символ — все это говорит о глубокой архаичности системы матарау на Филе. Логично предположить, что она была принесена на остров его первопоселенцами. Но такому выводу противоречит общеизвестный факт: ни на Самоа, откуда якобы пришли предки современных жителей Филы, ни у других полинезийцев треугольника подобная организация неизвестна. Зато в Меланезии, и в частности на Новых Гебридах, она широко распространена. На островах Мау, Момо, Лелепа ее называют *накаи-нанга*, на Эфате — *нафлак*. Более того, у меланезийцев существует даже предание, повествующее о том, как система экзогамных тотемных групп была создана неким Роимата.

Рассказывают, что Роимата однажды решил навсегда покончить с войнами между жителями окрестных островов. Размышляя над тем, как положить конец кровопролитию, он подумал, что лучше всего устроить великое *натамвате* — пиршество в честь заключения мира, на которое люди приходят безоружными. Роимата послал приглашение на острова Эфате, Нгуна и Мау. Каждый участник пир должен был принести с собой какой-либо подарок, но обязательно отличающийся от всех других. Наступил назначенный день, и люди стали приходить со своими дарами. Роимата встречал прибывающих, принимал их подарки и каждый клал отдельно. Когда все собрались, Роимата сказал: «Я устроил этот пир, чтобы научить вас быть друзьями. Отныне пусть ямс связывает тех, кто пришел с ямсом, а таро — тех, кто пришел с таро. И если кто-нибудь попадет в беду, пусть он пойдет и найдет своих братьев по ямсу и таро в других деревнях».

Итак, не была ли система матарау заимствована полинезийцами, переселившимися на Филу, у их новых соседей — меланезийцев? Или же она представляет собой пережиток весьма древней протополинезийской социальной структуры, имевшей общие корни с аналогичной меланезийской системой?

Наверное, в будущем завесу, скрывающую прошлое острова Филадельфия, приоткроют археологические исследования. У археологов есть надежные современные методы датировок. Но пока археология молчит — на острове до сих пор не проводилось раскопок.

Многое можно ждать от лингвистов. У них на вооружении свой метод — глоттохронологический. Сравнивая лексику родственных между собой языков и вычисляя процент общих слов в них, исследователь-лингвист устанавливает, когда произошло их разделение. Этот метод открывает заманчивые перспективы для изучения этногенеза народов мира. Однако, для того чтобы принять его как вполне надежный, необходимо доказать, что лексика всех без исключения языков на разных этапах их истории изменяется и обновляется приблизительно в одном и том же темпе. А это-то как раз и остается недоказанным.

Тем не менее, изучая степень близости лексики в отдельных полинезийских языках, ученые за последние 20—25 лет заложили солидную основу для этнолингвистической классификации народов Полинезии. Все данные свидетельствуют о том, что язык Филадельфии обнаруживает наибольшую близость, с одной стороны, «внешне-полинезийским» языкам, с другой — самоанскому. Это обстоятельство — серьезный довод в пользу достоверности легенды, рассказанной нам Джоном Кальсакау.

...Свадебная церемония на острове Филадельфия началась в церкви, где по этому поводу собрались почти все местные жители. После проповеди процессия под звуки укулеле отправилась к дому жениха, у входа в который на больших банановых листьях были уже разложены горки печеного таро и прочая снедь — подарки родственникам невесты. Наоми, миловидная шестнадцатилетняя сестра Йохана, сносно изъяснявшаяся по-французски, по ходу дела вполголоса давала нам пояснения, кто из них кем и кому приходится.

Странно, но среди многочисленных названий степеней родства ухо не улавливало знакомых самоанских терминов. Почему же жители Филадельфии, которые говорят на языке, очень близком самоанскому, пользуются иными, чем самоанцы, терминами родства?

Я плохо запомнил детали второй половины свадебной церемонии, потому что, вынужден записывать, стал записывать со слов Наоми Кальсакау всю систему родства, существующую на острове Филадельфия.

Сомнений быть не могло: ни принципы группировки родственников, ни конкретные наименования последних в системах родства Самоа и Фила не совпадают между собой. Но, может быть, и здесь мы имеем дело с заимствованием из языка местного меланезийского населения? Мне уже не терпелось поскорее вернуться в свою каюту на «Дмитрии Менделееве», чтобы просмотреть записи терминологий родства, сделанных на Новых Гебридах французским этнографом Ж. Гиаром.

И вот я снова и снова перелистываю его исследование, но прямых параллелей терминам родства, существующим на Филе, нет ни в одном из языков, распространенных в наши дни на Эфате и соседних островах. Это заставляет усомниться в «самоанской версии» заселения острова Фила. Вполне возможно, что предки Джона Кальсакау действительно приплыли сюда с Самоа на лодке, называвшейся «Факантонга». Но приемлемое объяснение поразительной несхожести терминов родства на Филе с современными самоанскими и меланезийскими может быть найдено лишь в том случае, если предположить, что Тиамуа и Тарипакоа вовсе не были первыми людьми, высадившимися на Филе. До них на острове жил еще кто-то. Имеет ли этот некто отношение к гипотетическим протополинезийцам, оставившим во Внешней Полинезии следы своего продвижения с запада на восток? Окончательного ответа пока нет. Но ясно одно — изучение терминов родства вполне может дать пищу для размышлений по поводу не только социальной, но и этнической истории человечества, хотя и не совсем так, как предполагал Морган.

Убежденность и сомнения Генри Льюиса Моргана

Чем же в самом деле можно объяснить эти странные расхождения в принципах именования родственников у разных народов мира? Ведь у ирокезов и японцев, англичан или папуасов человек может не знать своего отца, но свою мать он не знать не может, точно так же как и мать, за редчайшими исключениями, не может не знать своего ребенка. Почему же гуроны называют матерью не только свою мать, но и ее сестер, а старик островитянин не делает различий между своим сыном и ребенком своей тетки? Или, наконец, эти «внуко-деды» у папуасов!

Однако давайте не будем, подобно Дадзаю Сюндаю или незадачливому корреспонденту Моргана, считать «правильной» какую-то одну систему родства, а попытаемся разобраться в логике каждой из них. Для начала возьмем какую-нибудь терминологию родства, максимально отличающуюся от привычной нам с вами. Например, систему родства эроманга — в том виде, в котором ее записал К. Хэмфрис в 1926 году.

Запутанная и непонятная эта система. Для того чтобы как-то приблизиться к пониманию ее сущности, необходимо прибегнуть к записи сложных сочетаний условных обозначений и символов, которые английский этнограф Б. Малиновский называл «алгеброй родства». В самом деле, родственники, которых мы называем разными терминами, у эроманга не различаются, но зато у них зримо и недвусмысленно противопоставлены те отношения родства, которые в русской системе объединены под одним термином. Например, эроманга, подобно ирокезам, не знают термина, соответствующего русскому «дядя»: брат матери называется у них *метанг*, а брат отца — *нате*. Но этим последним термином обозначается не только брат отца, но и отец. Есть у эроманга и еще более загадочные термины, например «*алуванъяо*». Это одновременно и сын сестры отца, и сын брата матери, и муж сестры, и брат жены. Что связывает между собой родственников всех этих четырех категорий?

И все же простая и понятная система родства у эроманга! Всех родственников эромангцы различают по трем признакам: пол, поколение и принадлежность к группе отца или группе матери. Поэтому родственники оказываются сгруппированными в несколько классов, по четыре в каждом поколении. При этом в каждом поколении мужчины группы отца — потенциальные мужья женщин группы матери и наоборот. Отвечая на вопрос этнографа о том, кто такой *алуванъяо*, житель Эроманги не скажет: «Он — брат моей жены» или «Он — сын сестры моего отца». Для него *алуванъяо* — это просто «мужчина моего поколения из группы моей матери». Таким образом, в отличие от нашей системы родства каждый эромангский термин обозначает не какое-то лицо, связанное с говорящим специфическим отношением родства, а целую группу лиц, занимающих определенную позицию в структуре родственных отношений.

Система родства эроманга запутанна и непонятна, если подходить к ней с мерками «правильных» отноше-

ний, существующих в европейской семье. Эта система логична и проста, если понять, что возникла она в обществе, где основной социальной ячейкой являются два рода (Джон Кальсакау сказал бы «два матарау»), связанные правилом обязательного брака: человек не может брать себе жену в своем роде и обязан искать избранницу в другой, строго определенной родовой группе. Этим регламентируется вся жизнь общества, в котором семья еще не стала самостоятельной социальной и хозяйственной ячейкой.

Социальная обусловленность систем родства — второе и главное открытие Моргана. К сожалению, не все составные части этой его теории выдержали испытание временем. Как показали этнографические материалы, накопленные позднее, Морган допустил ряд серьезных ошибок, неправильно установив историческое соотношение отдельных выделенных им типов систем родства.

Виной тому был метод, примененный Морганом. Стремясь проникнуть в закономерность эволюции общества, американский ученый анализировал термины родства современных ему народов, находившихся, как он полагал, на разных ступенях общественного развития. Эти «горизонтальные срезы» Морган располагал в определенной хронологической последовательности, исходя из своего представления о достигнутом ими уровне социального прогресса. Вот тут-то им и были допущены существенные ошибки. Например, Морган считал систему родства гавайцев самой примитивной: ему казалось, что жители Гавайских островов находятся на «средней ступени дикости», хотя в действительности они были одним из самых высокоразвитых народов Океании.

Каким же образом можно установить истинное историческое соотношение между системами родства народов мира и тем самым найти закономерность их эволюции?

В 1867 году, когда моргановские «Системы родства и свойства» еще ожидали своей очереди в типографии, в Санкт-Петербурге увидело свет сочинение филолога-слависта П. Л. Лавровского «Коренное значение в названиях родства у славян». Книга эта давно стала библиографической редкостью, и о ней мало кто помнит. Между тем в истории науки о системах родства ей принадлежит немаловажное место.

Лавровский, в отличие от Моргана, об изысканиях которого он ровным счетом ничего не знал, не ограничился сопоставлением терминов родства в современных

(в данном случае славянских) языках. Он предпринял попытку реконструировать путь исторического развития этих терминов, опираясь на свидетельства древнерусских и других славянских письменных источников. «Я не только не чуждался указаний исторических, — писал Лавровский, — а, напротив, хватался за каждое свидетельство, какое только удавалось подметить мне, и сопоставлял его объяснениям лингвистическим».

Время показало, что именно на основе изучения реального исторического развития отдельно взятых систем родства за фрагментами общей исторической картины начинают отчетливо просматриваться закономерности смены основных типов систем родства.

Теперь, я думаю, вы поймете, почему еще по дороге в Хэпилэнд, в лесной хижине у бывшего фанло Уили, я поспешил воспользоваться представившейся мне возможностью записать, через полвека после Хэмфриса, эромангские термины родства и попытаться определить, что же изменилось в них за это время. И первые же расспросы подтвердили, что ожидание мое было ненеприятным.

Всех своих сверстников они называют братьями

В сущности, аналогичная возможность получить уникальный этнографический материал, который либо подтвердит, либо опровергнет сложившиеся в современной этнографии представления о том, каким образом происходит реальное развитие конкретных систем родства народов мира, появилась у нас еще на первом и главном по своему значению этапе экспедиции на «Дмитрии Менделееве». Я имею в виду посещение деревни Бонгу.

Можно представить себе, как трудно было Н. Н. Миклухо-Маклаю, первому европейцу, вступившему на северо-восточный берег Новой Гвинеи, усвоить значения основных терминов родства бонгуанцев! Термины родства, обозначающие не предметы или явления природы, а отношения между людьми, относятся к тому, на что «нельзя указать пальцем», — вот почему исследователь изучал их постепенно, по мере овладения папуасским языком.

Через месяц после высадки на мысе Гарагаси Миклухо-Маклай записал в дневнике, что при расставании папуасы кричат ему «э мем!». «Не знаю все еще, что

значит это слово», — отметил он. Лишь позднее Миклухо-Маклаю удалось установить, что эта фраза, служившая местным жителям одновременно и приветствием при встрече, и напутствием при расставании, включает слово «отец» (мем). Я вспомнил об этом в один из первых дней пребывания в Бонгу, когда мой юный спутник Какаль приветствовал пожилого мужчину, встреченного нами по дороге в деревню, возгласом «э мем!».

Немецкому миссионеру А. Ханке, который в 1896 году поселился на Берегу Маклая, было несравненно легче, чем его предшественнику. Ханке знал труды Миклухо-Маклая, и ему было, «от чего танцевать». К составленной им грамматике языка бонгу он приложил словарь, в котором зафиксировано более двадцати терминов родства.

Как выяснилось впоследствии, некоторые значения этих терминов были указаны не вполне точно, а иные вообще оставлены без перевода. Так, о слове «гхабаль» Ханке сообщает лишь, что это «название отношений родства». И неудивительно. Немецкий миссионер споткнулся как раз на том термине, который полностью соответствует эромангскому *алуванъяо* и, подобно ему, соединяет в себе отношения родства и свойства. Хотя переводя одну папуасскую сказку, Ханке отождествил термин «гхабаль» с немецким «Schwager», он, судя по всему, не был уверен, что это правильно, и поэтому включил термин «гхабаль» в свой словарь, не дав его толкования.

Наша задача заключалась не только в том, чтобы исправить неточности, допущенные Ханке. К счастью, нам удалось сделать нечто большее — обнаружить сдвиги в терминологии родства бонгуанцев и в то же время заглянуть в прошлое этого папуасского общества, составить представление о некоторых его чертах, утраченных задолго до того, как на мысе Гарагаси впервые высадились Миклухо-Маклай.

Что касается тенденции развития бонгуанской системы родства, то, пожалуй, самым важным из всех наших маленьких открытий было следующее: сегодня в языке бонгу есть два слова, означающих «отец». Прежде всего, это все тот же мем. Но если местный житель хочет сказать: «Это — мой отец», он говорит: «Анде адьим аб». Термин «аб» — нововведение, не зафиксированное ни у Миклухо-Маклая, ни у Ханке; он служил для обозначения только отца, и никого более. А мем — это то-

же отец, но одновременно и муж сестры матери. Следовательно, за несколько десятилетий в системе родства бонгу наметилось противопоставление отношений родства и свойства, которые раньше совпадали между собой. Соответственно произошла дифференциация братьев и детей брата отца, которые прежде обозначались одним термином «аба»; теперь же «аба» обозначает лишь родного брата, а так называемый параллельный кузен именуется «абатера».

Итак, в своем первоначальном виде принципы группировки родственников в системах родства бонгу и эроманга совпадали (иными словами, термины родства бонгу можно было без всяких затруднений переводить на язык эроманга и наоборот, не опасаясь, что для какого-нибудь из них не найдется точного соответствия). Но, еще беседуя с Уили о названиях родственников в его языке, я с удивлением обнаружил, что старик употребляет известный мне по книге К. Хэмфриса термин «авунхай» в необычном значении: он утверждал, что так на Эроманге называют своих родных братьев, а также родственников, которых, с моей точки зрения, следовало бы именовать «алуваньяо». Если все это не результат недоразумения из-за того, что мы в общем-то лишь с большим трудом изъяснялись друг с другом, то в традиционной системе родства эроманга произошел важный сдвиг. Притом сдвиг в сторону отождествления тех категорий родства, которые раньше четко разграничивались.

Важно было проверить все с самого начала. Я решил опросить по отдельности всех наших информаторов, тем более что их, к сожалению, было не так уж много. Думаю, и Чарли, и Луи, и Джэрри были удивлены, что я, записав в свою книжку полторы дюжины наименований родства, через некоторое время вновь начинал разговор о тсм, как зовут их ближайших родственников и кем они им приходятся. Скоро в моем поленом дневнике не осталось ни одной чистой страницы — весь он был испещрен схемами, которые я чертил, зачеркивал и восстанавливал, пытаясь с разных сторон подобраться к значению слова, которое каждый из них теперь употреблял в своей речи почти ежеминутно.

Все подтвердилось. Традиционный эромангский термин «авун» изменил свое исходное значение и действительно обозначает сейчас не только родного брата, но и всех двоюродных, независимо от того, по какой ли-

нии они приходится родственниками. Это же слово употребляется теперь и для обозначения друзей-сверстников. Совсем как у галактофагов, которые также не делали различий в наименовании мужчин своего поколения!

Но, в отличие от галактофагов, эромангцы в обозначениях родственников других поколений по-прежнему сохраняют различия по принципу принадлежности к линии отца или матери: брат отца, терминологически совпадающий с отцом, был прогивопоставлен брату матери, а сестра матери — сестре отца. Само по себе это наблюдение также давало пищу для размышлений. Хотя, признаюсь, времени размышлять у нас почти не было. Приближался срок, когда по договоренности с доктором Ли мы должны были вернуться в лагерь экспедиции. Правда, очень велико было искушение задержаться в Хэппилэнде еще на некоторое время. Но делать этого, увы, было нельзя. Связи с лагерем у нас не было, и наше отсутствие наверняка восприняли бы как сигнал бедствия.

Депопуляция как она есть

Прошла уже почти неделя нашего пребывания в Хэппилэнде, а нам удалось познакомиться лишь с несколькими ее обитателями. Вождь деревни Сэи, пастор, учитель, его помощник Джэрри да хромой брат авуна Чарли — вот и все взрослое население деревни. А где же остальные жители?

Многие из них, как нам объяснили, ушли на заработки, отправились в поисках счастья на Танну, Эфате или на другие острова архипелага. Там, говорят, можно получить хоть какую-нибудь работу, а значит, и деньги. На Эроманге это практически невозможно. Французская компания, занимающаяся разработкой древесины на острове, предпочитает не брать на работу местных. Иметь дело с законтрактованными рабочими, которых ничто не связывает с коренным населением, удобнее. Да и всего-то на острове — около 60 человек.

Катастрофическое уменьшение численности населения (такого рода процесс обычно называют депопуляцией) началось на Новых Гебридах еще в XIX веке. Эроманге суждено было стать, пожалуй, одной из наиболее типичных в этом отношении частей архипелага.

Вскоре после того как на острове истощились запасы сандалового дерева, туда нагрянули торговцы иного рода. Началась «охота на черных дроздов» — насильственная вербовка местных жителей для работы на плантациях далеко от их родных мест. По некоторым данным, лишь за десять лет — с 1868 по 1878 год — с Эроманги было увезено более 600 человек; две трети из них так и не смогли вернуться обратно.

Процесс прогрессирующего сокращения численности населения усугублялся пагубным воздействием болезней, завезенных на остров европейцами. Речь идет не только о кори, эпидемия которой уничтожила в 1861 году больше половины всех жителей Эроманги после захода туда корвета «Блю Белл». Даже самая незначительная хворь, на которую в Европе и внимания-то не обращали, в Океании могла наделать серьезных бед, потому что у островитян не было иммунитета к этим болезням.

Не последнюю роль сыграло и распространение христианства. Стремясь привить аборигенам представления о нравственности и стыде, миссионеры поспешили одеть свою новообращенную паству в европейское платье. Но это благодеяние обернулось для нее неожиданными, поистине трагическими последствиями. В исключительно влажном климате Новых Гебрид постоянно ходить в промокшей от дождя одежде — значит обречь себя на заболевание пневмонией или даже туберкулезом. Трудно подсчитать жертвы, невольно принесенные на алтарь всевышнего его преданными слугами.

Только после второй мировой войны кое-где на Новых Гебридах начинает наблюдаться некоторый прирост численности населения. Но это, увы, не относится к Эроманге. Жителей на острове становится все меньше. Результаты далеко зашедшего процесса депопуляции отчетливо видны сегодня и в Хэппилэнде и во всех других деревнях, которые нам довелось посетить, — Бунумбиа, Рампрунрунгу, Порт-Льюси.

И горькой иронией судьбы выглядит стародавний обычай эромангцев, говоря о живых существах, всегда явно преувеличивать их число. Еще Г. Робертсон писал «Если вы спросите местного жителя, например, где сейчас имярек, тот ответит не в единственном, а во множественном числе». Действительно, человек здесь может обращаться к полудюжине соседей, но называть их «нусиан нетевоконту» («большая толпа слушателей»).

Сообщая им что-то, он скажет: «Итак, все вы собрались здесь — вожди, почтенные старики, преисполненные силы мужчины, дети и женщины!» Робертсон объясняет это извечной склонностью язычников к преувеличению. Обычная курица оказывается в их устах величиной с индейку, свинья — с лодку, ямс на его огороде достигает порой размеров корзины, а если, скажем, на тропинке в лесу по лицу эромангца ударила маленькая веточка, то она может спокойно превратиться в огромный сук, сломать который не под силу одному человеку.

Депопуляция нанесла сокрушительный удар по традиционной социальной организации на Эроманге. Прежняя структура этого небольшого меланезийского общества оказалась в новых условиях неспособной к нормальному функционированию. Не случайно поэтому сегодня лишь с огромным трудом удастся обнаружить отдельные следы этих традиционных форм социальных институтов.

В Хэпилэнде до сих пор сохранились хижины, называемые *симанло*. Но об их прежнем назначении почти никто уже не помнит. Раньше здесь жили мужчины и неженатые юноши; представителям слабого пола категорически запрещалось не только заходить в симанло, но даже приближаться к ним. И если в деревне Бонгу аналогичные мужские дома все еще сохраняют свои былые функции (во время нашего пребывания на Берегу Маклая однажды даже едва не разыгрался настоящий скандал из-за того, что девушка-зоолог по неведению села на ступеньки мужского дома, чтобы разложить там свои коллекции), то в Хэпилэнде от симанло осталось лишь одно название. Теперь это нечто вроде дома для приезжающих, эдакой деревенской гостиницы. Постоянно в нем никто не живет. Днем здесь иногда готовят еду, а вечером юноши иной раз назначают в симанло свидания своим избранницам (не идти же в самом деле в крошечной тьме на огород, как было принято когда-то).

Все эти дни авун Луи жил в симанло рядом с домом, который был отведен для нас; коротать время до рассвета ему помогала юная Эни. Когда-то капитан Кук утверждал, что мужчины на Эроманге хорошо сложены и имеют приятные черты лица, но здешние женщины показались ему довольно уродливыми. Думаю, что знаменитому мореплавателю просто не повезло, и готов поспорить, что он наверняка изменил бы свое яв-

но скороспелое мнение, доведись ему познакомиться с Эни или ее соседкой Жанетт.

Так вот, приглушенные голоса, доносившиеся по ночам из глубины симанло, наводили меня на грустные размышления. Не подумайте только, что я ревновал к Луи или осуждал Эни за ее легкомыслие. Нет, меня занимала чисто научная, этнографическая сторона дела. Как много, думал я, должно было измениться в жизни меланезийцев, прежде чем симанло — святая святых мужского целомудрия — превратился в пристанище для влюбленных!

Кризисная демографическая ситуация на Эроманге сделала абсолютно невозможным нормальное осуществление прежних экзогамных запретов. Кто сейчас станет разбираться, из какого он и она нимоовро, если на несколько десятков достигших совершеннолетия девушек в Хэпилэнде едва удастся наскрести двух-трех неженатых мужчин? В сущности, перед всеми этими Эни и Жаннет стоит дилемма: либо вовсе отказаться от мысли о воспроизведении себе подобных, либо, не задумываясь, пренебречь традиционным табу на браки внутри своей родственной группы.

Именно катастрофическими последствиями депопуляции, разрушением рода, отсутствием условий для нормального функционирования экзогамных форм социальной организации объясняются и изменения в системе терминов родства на Эроманге. Символом этих кардинальных сдвигов является слово «авун» в его новом значении. На Эроманге складывается система родства гавайского типа, отражающая разрушение былых экзогамных запретов. Но, как правильно указал еще Морган, терминология родства гораздо более консервативна, чем порождающие ее социальные условия. Поэтому процесс изменения системы родства эроманга только начался, затронув, по сути дела, пока только термины поколения говорящего, тогда как терминология, относящаяся к другим поколениям, все еще хранит в себе следы господствовавшей некогда структуры двух экзогамных родов, связанных между собой незримыми узами обязательного перекрестного брака.

День шестой

ПУСТЬ ВРАЖЕСКИЕ СТРЕЛЫ ЛЕТЯТ МИМО

И бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.

Гомер. Одиссея

Остров Мучеников

Эромангу называют островом Мучеников. Первым из них стал Дж. Уильямс, посланный Лондонским миссионерским обществом на Самоа, основавший там миссию и в течение многих лет успешно обращавший в христианскую веру население островов Полинезии.

В ноябре 1839 года Уильямс покинул Самоа, намереваясь совершить поездку по Новым Гебридам. 16 ноября он записал в своем дневнике: «Будущую неделю я рассматриваю как самую важную в своей жизни». По всей вероятности, речь шла о возможном расширении сферы влияния миссии на Меланезию.

Через два дня Уильямс прибыл на остров Танна. Оставив здесь трех своих помощников, он в тот же вечер отплыл на Эромангу. Ночью судно бросило якорь в бухте Диллона. Утром 20 ноября Уильямс в сопровождении Дж. Харриса сошел на берег. Несмотря на то что местные жители подавали им знаки, свидетельствовавшие о нежелательности высадки, оба миссионера двинулись в глубь острова.

Позднее островитяне объясняли, что в то время они готовились к празднеству и примерно в миле от места, где остановилось судно, на земле для этой цели уже были сложены ямс и поросята. Вождь по имени Ауауи не хотел причинять вреда пришельцам, но не мог допустить, чтобы они стали свидетелями приготовлений к священнодействию. Поэтому он положил на опушке леса свою палицу в качестве знака, запрещающего углубляться в заросли. Уильямс и Харрис не обратили внимания на предупреждение. Через несколько минут они были убиты.

Через десять дней из Сиднея вышел фрегат «Фаво-

рит», капитану которого было приказано взять на борт тела убитых. 26 февраля 1840 года «Фаворит» бросил якорь близ Эроманги. Местные жители объяснили англичанам, что они давно уже съели своих врагов. В ответ на настойчивые требования капитана они выдали ему два черепа, немного обглоданных костей и кусок сургуча, лежавший в кармане Уильямса. Останки миссионеров были доставлены на Самоа и погребены там, на надгробном памятнике была выбита надпись: «Джон Вильямс, отец самсанской и других миссий, убитый жестокими жителями Эроманги в возрасте 43 лет и 5 месяцев от роду 20 октября 1839 года в то время, когда он нес им свет истинной веры». Правда, почти двадцать лет спустя удалось установить, что кости, полученные на Эроманге капитаном «Фаворита», не имели отношения к Уильямсу и Харрису. Местные жители не поняли, чего от них требовали. Они решили, что белые хотят выменять у них немного человеческих костей, и принесли им на выбор несколько штук, бывших в то время под рукой.

Руководители Лондонского миссионерского общества решили воздержаться от рискованных визитов на Эромангу, но им не хотелось оставлять островитян во мраке язычества. В том же, 1840 году туда было послано несколько тичеров-самоанцев, принявших христианство. Об их судьбе ничего не известно, как и о результатах их деятельности на острове.

17 июня 1857 года на судне «Джон Уильямс» на Эромангу прибыл Дж. Гордон с женой — первый европеец-миссионер, намеревавшийся поселиться на этом острове. Он выбрал себе место для жилья в бухте Диллона, недалеко от того места, где были убиты Уильямс и Харрис.

Спустя два года Гордона навестил представитель Лондонского миссионерского общества. Рядом с его хижинкой на прибрежном холме возвышалась небольшая часовня, где во время службы собиралось около полутора сотен местных жителей. Большую часть своего времени Гордон посвящал переводу евангелия на язык эроманга и по частям печатал его на самодельном станке. Казалось, ничто не предвещало бури.

Но в январе 1861 года на якорную стоянку близ Эроманги стал корабль «Блю Белл» под командованием капитана Бруса. А вскоре после того как сошедшие на берег матросы вернулись на борт судна, остров охва-

тила эпидемия страшной болезни. Деревни обезлюдели: за несколько месяцев погибло две трети населения Эроманги. В мае того же года Гордон записал в своем дневнике: «Эти люди действительно ненавидят нас. Болезнь косит их, а они обвиняют в случившемся меня и мою жену». 20 мая 1861 года местный вождь Уили в сопровождении нескольких островитян пришел в дом Гордона и убил его вместе с женой.

В Англии о смерти Дж. Гордона узнали лишь через четыре года, и вскоре капитан брига «Каракоеа» подверг остров усиленной бомбардировке. После того как почва для продолжения миссионерской деятельности на Эроманге была таким образом подготовлена, место Джорджа Гордона занял его брат Джеймс. Он построил себе хижину на восточном побережье острова. Там он написал книгу о брате, назвав ее «Последние мученики Эроманги». Через некоторое время выяснилось, что заглавие этого сочинения выбрано неудачно. 7 марта 1872 года Джеймс Гордон был убит местными жителями.

Что же произошло у мыса Предателей

Собственно говоря, первым мучеником Эроманги мог стать уже его первооткрыватель капитан Кук. Но в тот раз все кончилось для него благополучно. Он погиб пять лет спустя, в 1779 году, в стычке с гавайцами, вспыхнувшей из-за того, что, несмотря на свой огромный жизненный опыт, Дж. Кук плохо знал этнографию.

Задача исследователя, изучающего культуру другого народа, заключается в том, чтобы попытаться понять ее внутреннюю логику. Ведь то, что кажется странным европейцу, воспринимается представителем какого-то другого народа как естественное и привычное. Русская женщина вдевает нитку в иголку, а китаянка держит нитку неподвижно и надевает на нее иголку; в знак согласия мы киваем головой сверху вниз, а болгары — из стороны в сторону. Этнограф обязан не только знать, но и понимать это. Он должен оценивать необычное не с позиций привычного культурного автостереотипа, а с точки зрения тех условий и причин, которые породили изучаемое им явление. Поэтому пафос работы этнографа не в погоне за экзотикой, а в стремлении познать и объяснить многообразие и единство человеческой культуры.

Это многообразие имеет два измерения. Первое — этническая традиция. Уклад жизни, предметы материальной культуры и привычки, возникшие в процессе приспособления человека к особенностям внешней среды, затем утрачивают связь с породившими их условиями. Они становятся воплощением традиции. О таких вещах информатор говорит исследователю: «Мы делаем это, потому что так поступали наши деды и прадеды».

Второе измерение — уровень социально-экономического развития народов. Народы, имеющие совершенно различное происхождение, никогда не вступавшие в контакт между собой и даже существовавшие в различные исторические эпохи, нередко имеют сходные черты культуры. В середине XIX века один путешественник наблюдал, как на Фиджи совершались человеческие жертвоприношения: пленных сажали в ямы, предназначенные для столбов храма, заставляли их крепко обхватить эти тяжелые деревянные колонны руками, а затем живо засыпали их землей. Не верившему своим глазам европейцу объяснили, что это вполне обычное дело: «Столбы не будут стоять долго, если никто не будет держать их». Очевидец этого, по всей видимости, и не подозревал о том, что такой же обычай существовал, например, в Китае веков тридцать тому назад.

Первых исследователей Океании поражала одна особенность, которую они назвали «склонностью туземцев к воровству». Неоднократно случалось, что кто-нибудь из местных жителей, допущенных на борт европейского корабля, брал на палубе приглянувшуюся ему вещь и, не говоря ни слова, уносил с собой. Морякам, мыслящим категориями современного им европейского общества, и в голову не приходило, что они вторглись в мир, вообще не знавший частной собственности. Украсть можно лишь то, о чем другой говорит: «Это мое». Взяв в хижине соседа понравившийся ему предмет, островитянин знал, что завтра тот возьмет что-нибудь у него самого.

Капитан Кук не принадлежал к числу тех своих соотечественников, которые видели в туземцах человекообразных существ, людей низшей расы. Он отдавал должное сообразительности, находчивости и уму местных жителей, ценил многое в их культуре. Но Кук так и не смог освободиться от пут европоцентристского объяснения особенностей этой культуры. Он много раз

прощал островитянам их «кражи», но исчезновение корабельной шлюпки окончательно вывело его из себя. Капитан решил наказать преступников; это стоило ему жизни.

То, что произошло в 1779 году на Гавайях, лишь по счастливому стечению обстоятельств не случилось пятью годами раньше, 4 августа 1774 года на Эроманге.

Спустя сто лет после этого старик по имени Потнилоентомо рассказывал Робертсону, как, по слухам, было дело: белые боги приплыли на плавающей земле и поразили людей огнем. Многие были ранены. Погиб только один человек — вождь Наром. Никто не знал, почему пришельцы так жестоко поступили с ними: они не давали повода для гнева.

Не мог объяснить этого и капитан Кук, оставивший подробное описание того, что произошло.

«На рассвете я отправился с двумя шлюпками, чтобы обследовать берег и отыскать удобное место для высадки, а также пресную воду и дрова. В это время на берегу стали собираться туземцы. Знаками они приглашали нас высадиться. Когда туземцы увидели, что я решил пройти к другому месту, они побежали вдоль берега, причем число их возрастало с поразительной быстротой. Они все время держались вровень со шлюпками и в конце концов показали нам место — песчаный пляж, где я мог выйти из шлюпки, не замочив ног.

Встречен я был очень любезно, и когда они столпились у шлюпки, отошли по первому моему знаку. Один человек, которого я принял за вождя, сразу понял, чего я хочу, и построил островитян полукругом у кормы шлюпки; он бил каждого, кто пытался нарушить его приказ.

Раздав островитянам несколько безделушек, я знаком попросил принести пресной воды, надеясь увидеть источник, откуда они ее принесут. Вождь сразу же послал за ней человека, который побежал в один из домов и вскоре принес в бамбуковом стебле немного воды, так что мне не удалось получить нужные сведения.

Затем я тем же способом попросил дать мне еды, и туземцы с прежней готовностью принесли ямс и немного кокосовых орехов. Одним словом, я был очарован их поведением. Единственное обстоятельство внушало мне опасения — большинство туземцев было вооружено палочками, дротиками, луками со стрелами и камнями.

Поэтому я не спускал глаз с вождя и следил за его взорами и действиями.

Вождь знаками попросил меня вытащить шлюпку на берег, но я дал ему понять, что сперва возвращусь на борт, а затем уже сделаю так, как он того желает. Вождь скрылся в толпе, и я заметил, что он кое с кем ведет переговоры. Затем он вернулся ко мне и снова знаками попросил вытащить шлюпку. Он с минуту колебался, прежде чем принять несколько крупных гвоздей, которые я ему предложил.

Это внушило мне подозрение, и я тут же зашел в шлюпку и приказал отваливать. Однако туземцы не желали так скоро с нами расставаться и попытались силой добиться того, чего не могли осуществить более мягкими способами. К несчастью, матросы опустили сходни, чтобы облегчить мне посадку в шлюпку. Я говорю „к несчастью“, так как, если бы сходни не были спущены и если бы матросы оттолкнули шлюпку немного проворнее, туземцы не имели бы времени выполнить свой замысел и не состоялась бы последующая неприятная сцена.

Я навел на туземцев мушкет, и они на некоторое время отступили, но тотчас же вернулись с явной решимостью вытащить шлюпку на берег. Во главе толпы был вождь, а другие островитяне, которые не могли подойти к шлюпке, стояли наготове со своими дротиками, луками и стрелами, чтобы поддержать нападавших. Теперь нужно было думать только о нашей собственной безопасности. Однако я, совсем не желая стрелять по толпе, решил сделать одного вождя жертвой его собственного предательства. Кто мог знать, что в этот критический момент мой мушкет даст осечку! Я вынужден был скомандовать матросам „пли“, так как туземцы начали уже пускать в нас стрелы и метать дротики и камни.

У нас лишь один человек был ранен в щеку дротиком, наконечник которого толщиной в палец вошел в тело на два дюйма, что показывает, с какой силой был пущен этот дротик (хотя, правда, мы были на очень близком расстоянии).

Одна стрела попала в обнаженную грудь м-ра Гилберта, который находился на катере на расстоянии около 30 ярдов от берега, но лишь слегка оцарапала кожу, так как, вероятно, задела за что-то по дороге.

Наконечники стрел были из твердого дерева...»

Стороны понесли минимальные потери и разошлись,

недоумевая, что же все-таки явилось причиной столкновения. Как часто в истории человечества подобные конфликты вспыхивали лишь из-за взаимного непонимания мотивов поведения партнера, из-за укоренившегося в сознании людей стремления давать оценку чужих действий, исходя из своих собственных представлений о добре и зле!

«Вероломное поведение» жителей Эроманги было увековечено Куком в названии мыса Предателей, именовавшегося до того просто Ворантоп. Островитяне же были уверены, что появившиеся на плавающей земле белые существа — злые боги: люди пригласили их с миром войти в свой дом, а они поразили людей волшебным огнем.

К вопросу о творческом методе Гомера

Оружие греков гомеровского времени было очень похоже на то, которое капитан Кук увидел в 1774 году в руках жителей Эроманги: палицы, дротики, луки и стрелы.

Палица была широко распространена у многих океанийских народов. Как неотъемлемый предмет традиционной культуры, она наряду с барабаном и веером изображена на современных фиджийских монетах. Прекрасные образцы этого оружия, вывезенные русскими мореплавателями с островов Полинезии, посетитель может увидеть в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого в Ленинграде. Палица, которой был в 1839 году убит на Эроманге Джон Уильямс, хранится сейчас в Лондонском миссионерском обществе.

В прошлые времена палицы изготовлялись из самых твердых пород дерева. Это требовало огромного терпения и незаурядного мастерства. Недаром на Эроманге существовал культ палицы — она считалась священным предметом.

Эромангские палицы были трех типов. Первый и самый ценный из них назывался *телухомти*; ее набалдашник имел форму звезды с выступами-лучами. Эти палицы производились раньше на юге и юго-востоке острова, преимущественно в районе Нумпун-Норово. М. Вудбэрн писала, что хочется снять шляпу перед умением и настойчивостью мастера, изготовившего замечательное изделие; невольно представляешь его согну-

тым изо дня в день над заготовкой, в которой постепенно начинает угадываться контур священного предмета. На конце округлой полированной рукояти вырезалось изображение четырех листьев, имевших магическое значение. Да и сама палица *телугхомти*, ценившаяся чрезвычайно высоко, имела скорее церемониальное, чем практическое назначение. Она наследовалась вождям не как оружие, а как символ власти.

Второй тип палиц назывался *ноуван*. Он имел продолговатый набалдашник и углубление во всю длину рукояти. Палицы этого типа ценились меньше, чем телугхомти, и встречались чаще.

Отличительной особенностью *нетниври* — палиц третьего типа — было то, что его боевая часть представляла собой как бы несколько соединенных между собой дисков. Эта обычная боевая палица имела своеобразный цвет: заготовку подвешивали над огнем в *симанло*.

Сегодня на Эроманге не увидишь ни телугхомти, ни ноуван, ни даже нетниври. Мне нигде не удалось обнаружить и изображений этих палиц. Зато дротики, или метательные копья, именуемые *сау*, и в наше время можно постоянно видеть в руках жителей деревни Хэп-пилэнд. Правда, лишь в тех случаях, когда они отправляются на охоту.

Мастерство владения этим незамысловатым, но грозным оружием в свое время изумляло европейских путешественников. Вот что писал по этому поводу один из спутников капитана Кука: «Должен признаться, я часто склонялся к тому мнению, что искусство в обращении с копьем, которым Гомер наделяет своих героев, порой кажется слишком уж чудесным, так что подобное трудно допустить в героической поэме, и прямые подтверждения этому я находил у Аристотеля. Но когда я увидел, как эти туземцы применяют свои деревянные копья, плохо отточенные и не очень твердые, я понял, что нельзя сделать ни малейшего исключения ни из одного стиха великого поэта. Я даже думаю теперь, что он был слишком скуп в описании подробностей всего, связанного с метанием копья. Эта скупость не соответствует тому, что я видел, находясь среди здешних жителей. Я видел, как вращалось копье во время полета, как дрожало оно, воткнувшись в землю в момент падения, я слышал свист его, я ощущал замысел руки, которая его посылала, и силу, с которой она сжимала древко...»

В Москве я специально перечитал «Илиаду» и сравнил гомеровские описания с тем, что продемонстрировал нам авун Джэрри.

Однажды, возвращаясь с огорода, Джэрри срубил своим ножом молоденькое деревце со стройным и ровным стволом толщиной в большой палец. Заострив его с другой стороны, он протянул эту палку мне. Я решил, что Джэрри соорудил посох, чтобы раздвигать им высокую траву, с обеих сторон скрывавшую тропинку.

— Нет, это сау, его надо метать, — сказал он.

— Тогда научи меня, как это делать, — попросил я.

Явно польщенный моим предложением, Джэрри остановился и стал искать глазами подходящую цель. Долго ему не попадалось ничего путного. Наконец он увидел голубя, севшего на дерево метрах в двадцати от нас. Мгновенно оценив обстановку, он взял сау за один конец, занес его перед грудью и, резко замахнувшись, метнул. Просвистев в воздухе, сау воткнулось в ствол дерева. Голубь уцелел, лишившись лишь нескольких перьев из своего хвоста. Метатель явно был расстроен и тут же начал выбирать новую мишень. Но и эта первая, неудачная, с точки зрения Джэрри, попытка убедила меня в том, сколь грозно выглядит в руках меланезийца такое наскоро сделанное копьё. Признаюсь, что все мои попытки точно метнуть его в цель кончились безрезультатно, и я бесславно выбыл из соревнования.

По дороге Джэрри рассказывал, что сау бывают разные. Отправляясь на охоту, мужчина берет с собой копьё с наконечником, сделанным из твердой породы дерева, чаще всего из норсам (*Podocarpus neriifolius*). Такой наконечник придает копьё большую устойчивость в полете и наносит жертве глубокую рану. Поэтому сау с наконечниками применяются для охоты на кабанов. Разумеется, и техника метания в данном случае иная. И Джэрри тут же показывает, как это делается.

Если Гомер и преувеличивал, то разве самую малость.

А что же луки и стрелы? Об этом следует рассказать особо.

Подарок авуна Джэрри

Джэрри живо интересовался тем, что мы собираемся изучать на Эроманге. Он уже знал, что мы не коло-

ниальные чиновники и не лингвисты. Как представитель местной интеллигенции, он чувствовал себя ответственным за то, чтобы наша работа в Хэппилэнле прошла успешно.

Мы разъяснили нашему новому знакомому, что нас интересуют *old customs* *. Джэрри не знал этого слова, и мы потратили немало усилий, пока он понял, в чем дело.

Рассказав о метательных копьях и показав нам, как обращаться с ними, Джэрри заметил, что о луках и стрелах лучше всего расспросить Сэи Нэтвуней.

Сэи — вождь деревни. Он славится в округе как мастер по изготовлению луков. В его хижине мы увидели несколько десятков заготовок для древков и целые связки волокон луба баньяна, идущего на тетиву.

Конструкция эромангского лука чрезвычайно проста: он состоит из двух частей — древка и тетивы. Качество лука зависит прежде всего от его древка, которое имеет то же название, что и лук в целом, — *неване*. Оно должно быть прочным и умеренно гибким. Для этой цели больше всего подходит древесина акации (*мори*). Заготовку для древка вырезают из подходящего куска дерева, а затем тщательно полируют.

В свободном состоянии древко должно быть совершенно прямым. Его длина обычно 1,5—1,8 метра. В средней части оно плавно утолщается, а на концах имеет два отростка для закрепления тетивы: более короткий нижний называется *боднин*, верхний — *навлютнин*. В сечении древко полукруглое. Внешняя поверхность его, которая должна быть абсолютно гладкой, — это *дан*, внутренняя, плоская — *норлетнин*.

Тетива лука (*нэле*) изготавливается, как было сказано, из луба баньяна, который просушивается, а затем разминается и скручивается в прочную жилу толщиной 3—4 миллиметра. На одном конце тетивы делается петля *исэнтю*; она надевается на нижний отросток древка. После этого лук сгибают, а другой конец тетивы завязывают узлом на верхнем отростке. Своим свешивающимся вниз свободным кончиком тетивы эромангский неване напоминает древнекитайские луки, изображения которых известны нам по пиктограммам XII—XI веков до нашей эры. Различие между ними, однако, в том, что в древнем Китае применялись не простые, а сложные

---

* *Old customs* (англ.) — старинные обычаи.

луки, имевшие дополнительные роговые накладки. Это увеличивало силу лука и дальность полета стрелы.

— Далеко ли можно выстрелить из него? — спрашивает Михаил Александрович, показывая на одно из изделий Сэи.

Выясняется, что дикого кабана можно подстрелить на расстоянии около 50 метров, а предельная дальность полета стрелы раза в два больше. Эти данные что-то плохо согласуются со свидетельством капитана Кука, хотя Сэи уверен, что в старину на войне применяли точно такие же луки. Очевидно, дело в стрелах?

Стрелы *лангаль*, как и прежде, делаются на Эроманге из тростника, а наконечники *тэльоро* — из дерева. Для охоты на птиц применяются стрелы с тупым наконечником — он убивает или оглушает, тогда как острый наконечник может перебить птице горло, а это, по мнению местных жителей, портит добычу. В колчане охотника можно увидеть также и стрелы с *тэльоро айрон**, изготовленными из обыкновенного гвоздя.

Это, кстати, пример сравнительно многочисленных заимствований европейских слов в языке эроманга. Известно, что люди берут из чужого языка прежде всего те слова, которые служат для обозначения каких-то новых, ранее совершенно неизвестных понятий или предметов. В языки многих народов мира прочно вошли русские слова «совет», «колхоз», «спутник», а теперь еще и «перестройка». Папуасы бонгу не знают их, но в лексиконе обитателей Берега Маклая есть такие слова, как «схапор» («топор»), «абрус» («арбуз»), «бика» («бык») — свидетельства тех нововведений, с которыми папуасов познакомил Миклухо-Маклай. За сто лет, прошедших с тех пор, в язык бонгу проникло много английских слов — «тин» (tin — «консервная банка»), «сисос» (scissors — «ножницы»), «лам» (lamp — «лампа») и другие. Немало заимствований и в языке эроманга, но главным образом из полинезийских языков. Это, в частности, упоминавшаяся выше «собака» (кури), хотя «кошка» (буси) происходит от английского pussy. — до появления европейцев кошек на Новых Гебридах не было. Вообще изучение заимствованных слов может зачастую пролить свет на некоторые аспекты этнической истории народа. Известно, например, что до Маклая бонгуанцы не знали железных топоров. Но оказывается,

---

* Iron (англ.) — железо.

что и их каменные топоры назывались заимствованным словом *pat* (малае-полинезийское *pat* — «каменный топор»). На размышления о лексических заимствованиях навели меня и названия эромангских боевых наконечников стрел.

«Наконечники стрел были из твердого дерева», — записал в своем дневнике капитан Кук после стычки у мыса Предателей. Один такой наконечник мы увидели в коллекции художника Миштушкина. Он был выточен из куска древовидного папоротника и выглядел интригующе.

— А какие наконечники использовались в прежние времена не на охоте, а в бою? — спрашиваем мы у Сэи после того, как он рассказал нам об устройстве лука и подарил нам по одному экземпляру из числа лучших своих произведений.

Авун Джэрри, участвующий в разговоре в качестве переводчика, вдруг вскакивает с места и убегает куда-то. Минут через десять он вновь появляется в полумраке хижины, держа что-то в руках.

— Это — *custom, old custom*, — с удовольствием выговаривает он недавно выученное слово. В руках у него дюжины полторы потемневших от времени стрел.

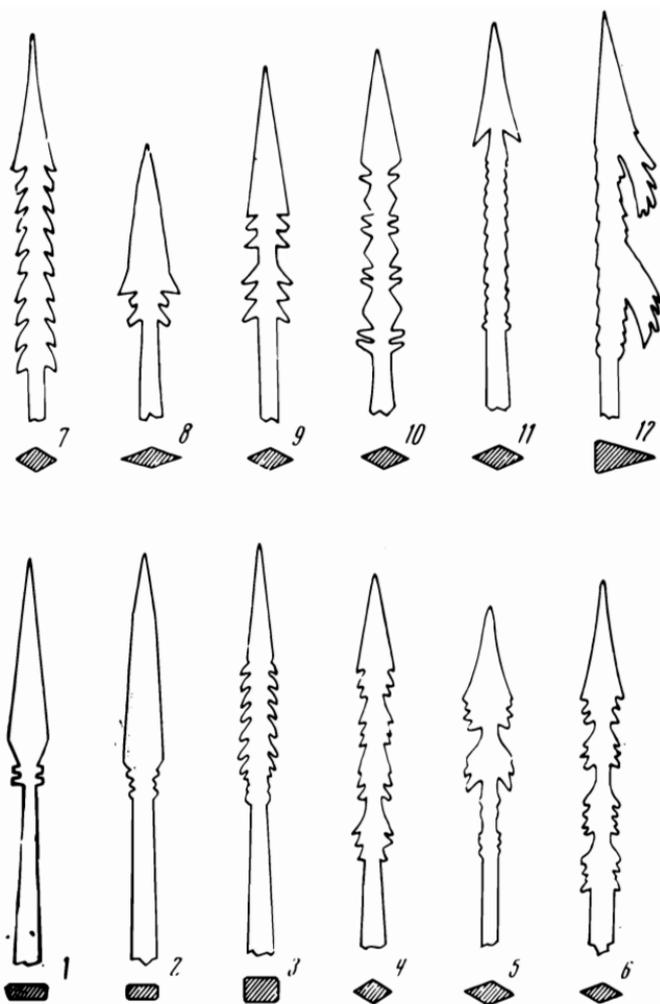
Так вот они какие, эти боевые стрелы воинственных эромангцев! Мы как замороженные смотрим на заостренные зубцы наконечников, а Сэи уже перечисляет названия каждого из них.

Боевые наконечники стрел (их общее наименование — *нангахату*) действительно делались на Эроманге из древовидного папоротника. Они вставлялись в тростинку и закреплялись в ней с помощью обвязки *нэиди* из волокон кокосового ореха. Аналогичная обвязка на противоположном конце стрелы называется *тайномбун*. Оперение отсутствует. В том месте, которым стрела прикасается к тетиве, на ней делается небольшое углубление.

Наконечник стрелы состоит из трех основных частей: передней в виде острого треугольника (*фанги*); основной, покрытой зубцами (*нэлилин*) и тыльной, вставляющейся в стрелу (*нэльбоне*).

— Чем больше на наконечнике зубцов, чем тверже его острие *номбунногум*, тем выше ценится боевая стрела, — объясняет нам Сэи Нэтвуней.

Особое впечатление на нас производит наконечник типа *нэвэльнгаляу* с его зловеще отогнутыми назад за-

Наконечники стрел: 1) нэлюмпун носом, 2) фазль, 3) торвуки, 4) ноуван нос, 5) нивус, 6) наланом-боль, 7) фанги торвуки, 8) потндитдит, 9) уаймбннз, 10) налинром, 11) нальвон нуп, 12) нэвэлынгаляу

зубренными бородками: холодок пробегает по спине, когда представляешь себе, что должен испытывать человек, пытающийся вытащить такую стрелу из раны.

Однако объяснить, каково происхождение этих названий, Сэи не может. Это указывает, по-видимому, либо на древность терминов, либо на их заимствованный характер. Надо будет попытаться выяснить, не существует ли им параллелей в языках соседних народов Океании.

Вдоволь налюбовавшись великолепными наконечниками, мы протягиваем их Джэрри. Но он возвращает их нам.

— Это подарок! — говорит он и, видя нашу нерешительность, добавляет: — Берите, берите. Это custom, очень древний custom.

Великий Натмахранмапе

А на следующий день авун Джэрри преподнес нам еще один подарок. Он сказал, что поведет нас в соседнюю деревню Рампунрунгу, где живут его родители, и попросит отца спеть нам старинные боевые песни, которых здесь уже почти никто не помнит.

— Армай вз, авун! — кричит в ответ Михаил Александрович Ростарчук, желая выразить Джэрри свое намерение отправляться немедленно.

Деревня Рампунрунгу затеряна в джунглях километрах в пяти от Хэппилэнда. Мы отправляемся туда рано утром, сразу после восхода солнца, когда лучи его еще с трудом пробиваются сквозь листву деревьев, но цветы уже раскрывают навстречу им свои яркие, мясистые лепестки.

Родственники Джэрри с любопытством смотрят на нас — европейцы здесь бывают не часто. Наш гид о чем-то долго и возбужденно рассказывает им, время от времени показывая глазами в нашу сторону. Моих познаний в эромангском языке, накопленных за время пребывания в Хэппилэнде, было, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы уловить хотя бы общий смысл сказанного. Однако мне послышалось знакомое «коске линтук кос», переводимое примерно как «я хорошо отношусь к ним, а они — ко мне». Да и без этого можно было легко догадаться, что Джэрри давал нам обстоятельную и безусловно положительную характеристику.

И вот уже отец Джэрри сидит у входа в хижину и вполголоса выводит своеобразную, непривычную для нашего слуха мелодию, в которой явно преобладают уныло-тревожные ноты. В руках у Ростарчука, как всегда, магнитофон.

Должен с удовольствием отметить, что записи, сделанные в Рампунрунгу, не пропали даром. По возвращении в Москву один из участников экспедиции на «Дмитрии Менделееве», Борис Николаевич Путилов, известный специалист по фольклору народов мира, решил обработать образцы песен, собранные им во время рейса на различных архипелагах Океании. В 1978 г. всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила серию из трех пластинок под общим названием «Ритмы и музыка островов Океании», куда вошли песни папуасов, меланезийцев, микронезийцев и полинезийцев. Есть среди них и две песни отца Джэрри. «Песни эти носят характер речитатива и общими своими особенностями напоминают древние эпические песни многих народов Азии и Дальнего Востока», — читаем в экспликации к пластинкам. К этому можно лишь добавить, что речь в них идет о могучем Нонла, славном воине и прекрасном стрелке из лука.

В тот день нас ждал еще один сюрприз. На площадке перед домом появились брат Джэрри, Луво Лорен, и один из соседей с длинными бамбуковыми шестами в руках. Специально для нас они исполнили древний боевой танец *нехувон*.

Оба танцора для этого случая поверх шортов надели *номблат* — юбочку из лубяного волокна с разноцветными полосами. В повседневной жизни такие юбки сейчас уже никто не носит, но когда-то они были одним из самых типичных предметов традиционной одежды эромангцев.

Однако самое любопытное заключается в том, что, согласно единодушным свидетельствам всех ранних путешественников, *номблат* носили только женщины. По словам Кука, изготавливали их «из пальмовых листьев». На самом же деле для этого использовались различные материалы — молодые листья не только кокосовой пальмы, но также пандануса и банана, а кроме того, шелковистый луб пандануса и стебли капустного дерева тамбеле.

На изготовление *номблат* женщина тратила много времени. Для того чтобы сделать юбку из пандануса,

она прежде всего собирала зеленые листья растения, затем связывала их в большие пучки. Возвращаясь с огорода, она несла на голове заготовки для нового наряда, развевающиеся словно перья.

Следующая операция — удаление колючих краев листьев с помощью небольшого кусочка бамбука, а центральной жилы — зубами. Выполняя ее, женщина болтала с соседками, за спиной у нее был малыш, а рядом в очаге готовился ужин. Затем следовала «кройка» — или твердым куском древовидного папоротника, или опять-таки зубами. После этого концы листьев подрезались бамбуковым ножом. Первая часть работы была закончена. Уложив младенца спать, женщина шла к морю: для того чтобы юбка была достаточно прочной, ее необходимо вымочить в соленой воде. Женщина опускала пучки листьев в воду на неглубоком месте возле берега и придавливала большим камнем. Через несколько дней вынимала и сушила их, после чего они становились идеально белыми и эластичными.

Почему же атрибут женского костюма мы увидели на мужчинах, исполняющих боевой танец? Этот вопрос, увы, так и остался без ответа. Ясно было только то, что боевой танец обычно исполнялся перед сражением. В песне, сопровождающей его, поется о духе земли Натмахранмапе, о великом Натмахранмапе, который может защитить воинов в бою и сделать так, чтобы стрелы врагов летели мимо...

Перемотав магнитофонную пленку со столь редкими записями, мы отправляемся в обратный путь, в Хэппилэнд. Погода прекрасная, и пройтись по тропическому лесу одно удовольствие, не то что в тот злополучный ливень.

— Хорошая погода! — говорю я авуну Чарли. Тот улыбается с достоинством человека, выполнившего свой долг. И вот тут-то обнаруживается нечто совершенно неожиданное. Оказывается, хорошая погода, которая стояла все эти дни, — дело рук нашего Чарли, а сам он — наследственный колдун и его узкая специализация — гром, молнии и прочие атмосферные явления.

День седьмой

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Ну, а теперь как рождаются молнии и могут столь сокрушительны быть, что способны разрушить ударом башни, дома развалить и вывертывать балки и бревна, насмерть людей убивать и стада поражать, где угодно, силой какой они производят и все остальное, я объясню и тебя не буду томить ожиданием.

Лукреций Кар. О природе вещей

Авун Чарли

Итак, к концу нашего пребывания в Хэппилэнде мы вдруг узнали, что авун Чарли — сын колдуна и сам колдун.

Я смотрю сейчас на его фотографию и удивляюсь, что мы не поняли этого сразу. Вглядываюсь в необычные черты его одухотворенного лица и ловлю себя на мысли, что настоящий волшебник всегда представлялся мне в образе Чарли (цветок за ухом не имеет к его профессии никакого отношения; в Океании его носят все мужчины: женатые — справа, холостяки — слева).

В Меланезии люди, подобные Чарли, всегда пользовались огромным уважением и непререкаемым авторитетом. В определенном смысле слова они были сильнее любого вождя, которому иной раз приходилось обращаться к ним за помощью.

На Танне такие люди называются *нурукер*, на Эроманге — *тавууа*. Считается, что сакральные предметы, с помощью которых эромангские маги выполняют свои функции, попали к ним от их коллег с Танны. Но по злему умыслу или по небрежности учителя не сообщили тавууа некоторых технических подробностей, и поэтому ни один маг с Эроманги не решался вступать в соревнование с нурукером. Рассказывают, что некогда на острове поселился выходец с Танны. Многие тавууа пытались причинить ему вред, но, исчерпав весь арсенал своих приемов, так и не смогли добиться желаемого. Пришелец оставался невредим и много лет спустя мирно скончался. Случай из ряда вон выходящий, потому что

жители Эроманги уверены: если человек умирает в своем доме, а не на поле брани, то, как правило, от злой магии.

Начинающий тавууа должен пройти курс специального обучения. Однако не всякий может стать тавууа. Колдун отличается от простых смертных тем, что от рождения обладает особой внутренней силой (*мана*). Это качество не благоприобретенное, а унаследованное, поэтому искусство магии передается только от отца к сыну. Женщина не может стать настоящей тавууа, хотя некоторые старухи якобы обладают способностью воздействовать на окружающих с помощью особых магических действий. Они могут, в частности, насыпать бесплодие. Эта операция совершается не вдруг, она требует длительной подготовки, которая начинается еще до того, как жертва достигла зрелости. В дом к девушке подкладывается палка, обладающая волшебными свойствами. Если ее случайно бросят в очаг, эти свойства исчезнут. Но если она пролежит там, куда ее подложила ворожея, в течение определенного срока, то по достижении девушкой совершеннолетия палку нужно любым способом извлечь и бросить в океан. После этого несчастная уже никогда не будет иметь детей.

Предсказанием будущего занимаются не маги, а особые люди, способные общаться с душами умерших. Раньше, когда во время столкновений между племенами человек пропадал без вести, шли к предсказателю и тот говорил, в чем дело. Будущую мать, если она хотела знать, кто родится у нее, предсказатель заставлял совершить несколько магических действий и затем ошибочно определял пол ребенка. Если же вместо мальчика на свет появлялась девочка или наоборот, все понимали, что виновата сама непонятливая женщина, не сумевшая правильно выполнить предписания специалиста.

Не входят в функции тавууа и поиски людей, совершивших дурной поступок. В прежние времена это делал фанло. Он откусывал маленький кусочек вареного ямса или еще чего-нибудь в этом роде, а остаток передавался по кругу: каждый из присутствующих должен был получить порцию. Когда очередь доходила до виновника, он выдавал себя тем, что кусок застревал у него в горле. К. Хэмфрису довелось как-то быть свидетелем такой сцены. У одного европейца, жившего на Эроманге, однажды пропали большие блестящие ножи-

цы. Хозяин их решил обратиться к вождю соседней деревни за помощью. Все жители, включая прислугу потерпевшего, были собраны на веранде его дома, и вождь, надкусив банан, пустил его по кругу. Когда очередь дошла до повара, тот наотрез отказался получить свою долю. Казалось, что никакая сила не заставит его проглотить даже маленький кусочек злосчастного банана. Кончилось тем, что повар залез под стол и достал оттуда ножницы. Он был убежден, что испытание бананом будет для него смертельным.

Собственно говоря, настоящий тавууа заведует болезнями и погодой. А основным орудием производства служит ему священный камень *натамас эваи*.

Этот камень обычно имеет форму какой-либо части человеческого тела, а иногда представляет собой миниатюрную фигуру человека. Название камня указывает на связь с потусторонним миром — натамас означает «злой дух». Для того чтобы наслать на кого-нибудь болезнь, кроме этого камня необходимо иметь любой предмет, бывший в употреблении у объекта магических усилий, будь то одежда, уголь из очага или кожура съеденного банана. Решив действовать, тавууа заворачивает полученный предмет вместе с камнем в лист дерева и кладет его в корзину, которую подвешивает где-нибудь в чаще леса. Место это сохраняется в тайне, хотя сам маг неоднократно посещает его. Скоро до ушей жертвы доходит слух, что против нее предпринимаются магические действия, но она не знает, где находится корзина, и поэтому не может помешать колдуну. Впрочем, даже если бы стечение обстоятельств и позволило человеку узнать это, страх наверняка не подпустил бы его даже близко к священному камню.

Приблизительно так же действует нурукер на Танне, но там украденный предмет должен быть истолчен в порошок или по крайней мере разорван на куски, после чего его, тщательно оберегая от воды, закапывают в землю вместе с листьями определенных деревьев. Через некоторое время все это извлекается из земли и подвергается дополнительным манипуляциям, после чего болезнь тотчас же поражает жертву.

Иногда магическая сила чудесного камня используется не во вред, а на пользу людям. Рассказывают, что однажды вождь племени обнаружил, что на огородах одной из деревень созревает слишком много плодов, а это значит, что в других деревнях будет неуро-

жай. Пригласив к себе тавууа, вождь попросил его насрать на огороды, на которых превышена средняя норма урожайности, небольшой ураган. Маг, взвалив на плечи корзину с дюжиной-другой камней, тотчас же отправился в лес. Ураган удался на славу, и жители соседних районов острова были избавлены от угрозы недорода.

Однако, отмечает К. Хэмфрис, все его попытки получить информацию о деталях этой магической практики каждый раз наталкивались на непреодолимые препятствия. Кое-кто из тавууа не решался рассказывать о подробностях из страха перед колониальной администрацией, запрещавшей убивать людей с помощью таинственных чар. Другие свято хранили завет предков — не посвящать в тайны магии посторонних.

Может быть, нам удастся узнать что-нибудь от авуна Чарли? Ведь он признался в порыве откровенности, что именно он вызвал тогда дождь, причинивший нам столько неприятностей. Впрочем, получилось это по недоразумению. Чарли почему-то принял нас за французов, о которых он был невысокого мнения, и ему очень не хотелось вести нас в свою родную деревню. Тогда-то он и решил пойти на маленькую хитрость и вызвать тропический ливень в расчете, что мы откажемся от своей затеи. Но мы все-таки продолжали путь, и уже на полдороге он понял, что ошибся и что оба Майкла, в сущности, неплохие ребята. Поэтому, придя в деревню, он сразу же занялся всем необходимым для того, чтобы была хорошая погода. Времени у мага тогда было в обрез: уже начинало светать.

Этнография и нумизматика

— Послушай, ты же этнограф, ты должен знать, что это такое!

С такими словами обратился как-то ко мне один из матросов нашего экспедиционного судна «Дмитрий Менделеев». Мы только что пересекли южный тропик и держали курс на зюйд-зюйд-вест. Впереди нас ждали заходы на острова Полинезии.

То, что протянул мне мой собеседник, оказалось маленькой медной монеткой. Раньше мне никогда не приходилось видеть такие, но определить принадлежность монеты было нетрудно: надпись, или «легенда», как говорят нумизматы, была сделана по-английски.

— Это фиджийская монета в два цента, — отвечал я, возвращая ее владельцу.

Но мой ответ совершенно не удовлетворил матроса:

— Я не хуже тебя знаю, что фиджийская. Этой монетой мне дали сдачу в Суве три года назад. Но ты мне скажи, что на ней изображено и какое отношение эта штука имеет к английской королеве. Кого я ни спрашивал, никто не знает. Но ты-то ведь этнограф!

Ну что же, приятно слышать, что советские моряки столь высокого мнения о нашей профессии, на которую сверху вниз смотрит даже иной коллега-гуманитарий.

И вместе с тем сама постановка вопроса в данном случае была весьма неожиданной. Каждый из нас хорошо помнит дискуссии последних лет о том, каков предмет этнографической науки и как она соотносится со смежными областями человеческого знания. В этих спорах часто упоминались этнография и социология, этнография и история, а также социолингвистика, фольклористика и демография. Но о том, что этнография как самостоятельная научная дисциплина смыкается также и с нумизматикой, мне, признаться, раньше слышать не приходилось.

После долгих размышлений я убедился, что мой знакомый, в сущности, совершенно прав. На его вопрос мог ответить только этнограф или, во всяком случае, человек, интересующийся этнографией.

Когда через неделю с небольшим мы пришвартовались у пирса Сувы и получили разрешение провести день на берегу, я первым делом отправился на рынок и, купив первую попавшуюся безделушку, попросил дать мне сдачу монетами всех достоинств. Действительность превзошла самые смелые из моих ожиданий. Маленькая коллекция из пяти фиджийских монет оказалась чрезвычайно интересным этнографическим экспонатом. И поэтому на следующий день, отвечая на заданный мне вопрос, я чувствовал себя экскурсоводом, дающим пояснения перед экспозицией культуры и быта коренного населения архипелага Фиджи. Для читателей, которые не бывали на Фиджи, но интересуются этнографией Океании, я вкратце повторю все, что рассказал своему знакомому на борту «Дмитрия Менделеева».

Чаша для кавы (точнее, *янгоны*, как ее называют на Фиджи), изображенная на монете в один цент, вряд ли требует специальных комментариев после того, что уже было сказано о значении этого напитка и связанных с

ним ритуалов в жизни народов Океании. Стоит, впрочем, заметить, что через край чаши в ее фиджийском варианте (*ганоа*) непременно пропущена священная веревка — *уа табу*, которая должна быть обращена в сторону высшего вождя, возглавляющего церемонию; категорически запрещается переступить через нее. Сама чаша изготавливается, как правило, из очень твердого дерева *весу* (*Intsia bijuga leguminosae*).

На монете в два цента изображен веер (*и ири*). На первый взгляд он кажется вещью повседневной, предназначенной для сугубо утилитарного применения. Кому не хочется с помощью такого несложного приспособления хотя бы отчасти разрядить тяжкую духоту полдня? И тем не менее на Фиджи, как и в соседней Полинезии, веер играл особую роль в традиционной системе ценностей. Это был символ, указывающий на социальное положение человека в обществе. *Ири масеи*, сделанный из одного листа пальмы и отличавшийся по своей форме от обычного веера, мог держать в своих руках только вождь.

На монете в пять центов — деревянная колода, выдолбленная изнутри и снабженная двумя колотушками. Это *лали*. Такие «барабаны» мы видели и в деревне Бонгу. На Фиджи в каждой деревне есть по несколько лали разных размеров — от полутора до трех с лишним метров длиной. Раньше с помощью лали, заменявшего телефон и даже радио, из одной деревни в другую передавались различные сообщения. Для этого существовал набор определенных сигналов; среди них английский путешественник Т. Уильямс (однофамилец «мученика Эроманги») в середине XIX века отметил один, уведомлявший о том, что после удачно завершеного сражения тела убитых врагов уже разделаны и заложены в котел.

Мболи-мболи, представленная на монете в десять центов, — это метательная палица длиной около полутора метра, вырезанная из каузарины (*Causaripa podiflora*) — дерева с очень плотной древесиной (она тонет в воде). Фиджийцы некогда носили мболи-мболи под одеждой и всегда были готовы пустить их в дело, будь то нападение или самозащита. Воины шли в бой, имея по две такие палицы.

На монете в двадцать центов — *тамбуа*. Это — зуб кашалота, укрепленный на бечевке. Тамбуа преподносился в дар, причем особенно ценились экземпляры желто-

го цвета. Если отец девушки принимал от молодого человека тамбуа, это означало, что свадьба состоится в самом ближайшем будущем. Но подарок в виде зуба кашалота имел на Фиджи и другой смысл. Человек мог не взять тамбуа, предложенный ему кем-то; но если этот предмет принят, то его новый владелец обязан сделать для дароносца все, что тот попросит. «Если вы не в состоянии осуществить желаемое, дайте кому-нибудь тамбуа, и он приложит все свои силы, чтобы исполнить его за вас», — писал об этом довольно странном обычае один из европейских мореплавателей, побывавших на Фиджи в начале XIX века. Стоит ли удивляться, что в наше время кашалот уже занесен в Красную книгу! /

Конечно, этнонумизматы имеют дело не только с изображениями на современных монетах. Вспомните диковинные деньги с острова Яп, похожие на гигантские каменные жернова. Без предварительной гренировки иную из таких монет этнограф не сможет даже приподнять с земли. Но я начал разговор о проблемах нумизматики в связи с еще одним видом денег (весьма необычных!), некогда употреблявшихся на Эроманге.

Если вам доведется побывать в Кембридже, обратите внимание на камень, хранящийся в университетском музее и обозначенный на этикетке как «навэла с острова Эроманга». Из пояснения вы узнаете, что *навэла* служили для местных жителей деньгами. Исследователи, посещавшие Новые Гебриды, сообщают кое-какие подробности об этом. Дж. Брэнчли, побывавший здесь в 70-х годах прошлого века, пишет, что жених должен принести в дом невесты в качестве подарков копые, лук со стрелами и одну навэла.

Увлеченный поисками разного рода *old customs*, которые могли бы заинтересовать нас, авун Джэрри как-то раз протянул нам предмет белого цвета и неопределенной формы. Судя по всему, он был выточен либо из песчаника, либо из какого-то другого не слишком твердого камня.

— Навэла, — произнес Джэрри, указывая глазами на камень.

Из его разъяснений следовало, что навэла — это древний вид денег, некогда бывших в ходу на острове, а ныне представляющих исключительную ценность ввиду того, что их сохранилось очень мало. Именно данное обстоятельство удерживало авуна от соблазна подарить нам этот *old custom*. Мы же с Михаилом Александро-

вичем не располагали — увы! — средствами для того, чтобы купить или выменять его. Поэтому, хотя после возвращения экспедиции собрание одного из лучших этнографических музеев мира, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого в Ленинграде, пополнилось многими ценными экспонатами, навэла среди них нет.

Комментарии авуна Джэрри не очень удовлетворили меня. Из книги Хэмфриса я знал, что навэла — это не просто эквивалент стоимости, но и нечто большее. Однако наш информатор явно не был в состоянии сообщить на сей счет каких-либо дополнительных сведений.

А вот в изложении авуна Чарли история с навэла предстала перед нами в совершенно ином свете. Да, навэла — деньги, но это еще и совершенно особые предметы, которые люди не могут делать сами. Чарли решительно настаивал на том, что люди получают навэла от Нобу.

Но это значит, что перед нами не просто нумизматическая проблема. Может быть, изучение навэла относится к особой пограничной области знания — нумизматологии или чему-то в этом роде?

О великане Семсеме

Навэла, по словам Чарли, были созданы великим творцом всего сущего Нобу, как сам остров Эроманга и все на нем. А в этих белых камнях он сосредоточил свою волшебную силу, которую намеревался передать людям. Собственно говоря, предназначал он ее не для всех людей, а только для фанло. Получив навэла, те должны были спрятать их в земле, в потаенном месте, скрытом от посторонних глаз. И лишь своему наследнику вождь мог сообщить, где хранятся навэла. Если же смерть подстерегала фанло неожиданно, то вместилище магической силы оказывалось утраченным навсегда. Правда, тогда появлялись некие имитации, продолжавшие выполнять функции первоначальных священных предметов. Иногда по истечении длительного времени при случайных обстоятельствах находили подлинные навэла, которые, как говорили, можно было опознать по каким-то особым знакам на них.

Нобу, закончив свою деятельность на Эроманге, удалился на другой остров, может быть на соседний Танна. Там он тоже создал все как надо, в том числе и ог-

недышащую гору Лопеви. Время от времени она оживала и с ужасным грохотом выплевывала огонь и пепел. Последний раз это случилось почти сто лет тому назад, когда сильный ветер доносил золу даже на Эромангу (установлено, что это извержение вулкана Лопеви произошло 3 июня 1898 г.). Тем самым Нобу хотел узнать, используют ли люди по прямому назначению дарованную им магическую силу, заключенную в белоснежных навэла.

К сожалению, Нобу не был единственным существом, от которого зависели судьбы эромангцев. Зеркальным отражением творящего добро Нобу был великан Семсем, пожиравший людей и наводивший ужас на жителей Эроманги и соседних островов.

На Танне существует такая легенда. Однажды Семсем опустошил весь этот остров. В живых осталась лишь одна маленькая девочка, которую мать спрятала на огороде. Прошло время, и малютка стала молодой женщиной, единственной обитательницей острова. В его западной части есть пресный источник, а рядом с ним — большой камень. Если откусить от него кусочек, можно родить ребенка. Непкалам — так звали женщину — знала об этом, и она проглотила кусок камня. Вскоре на свет появились два близнеца, получившие имена Каса-саоу и Каниапнин.

Когда они стали юношами, мать научила их пользоваться луком и стрелами. Это было необходимо, потому что рано или поздно Семсем мог вернуться, и к этому следовало основательно подготовиться: мать и ее сыновья проводили большую часть времени за изготовлением стрел, вырезая их из железного дерева. И только после того как был сделан запас наконечников, Непкалам впервые за все это время решилась развести огонь в очаге.

— Мне казалось, что я съел всех, кто жил на этом острове, — воскликнул Семсем, увидев дым (убежищем великана в это время был остров Анейтьюм). Но, видно, я ошибся. Мне следует опять отправиться туда и все проверить на месте.

Он мгновенно переплыл море и вышел в южной части острова Танна. Но Семсем не застал женщину и ее сыновей врасплох. К этому времени они уже успели соорудить гигантскую аллею, втыкая в землю стрелы на равном расстоянии одна от другой; по ней можно было пройти от южного берега до северного.

Касаоу и Каниапнин предупредили Семсема, что, если он приблизится к ним, они убьют его.

— За что? Ведь я же ваш друг,— пытался усыпить бдительность людей Семсем.

Но те не поддались на эту уловку:

— Ты не друг нам. Мы тебя знаем. Ты злой великан Семсем, и ты пришел сюда, чтобы съесть нас!

И с этими словами они стали медленно отходить на север, время от времени пуская в Семсема стрелы из лука. Одна стрела попала в великана, и он со страшным ревом бросился вперед, обнаружив тем самым свои подлинные намерения. Но его встречали стрелы. Некоторые пролетали мимо, их и сегодня можно видеть — вот они, те гигантские деревья! Однако немало стрел достигало цели, и вскоре Семсем ослабел от ран.

Тогда близнецы приблизились к нему и ударом копья рассекли злодею живот. У Семсема вывалилась печень, которая мгновенно превратилась в камень (жители Танны с удовольствием покажут вам место, где он лежит). Касаоу и Каниапнин отсекали Семсему еще какую-то часть тела и разрубили ее на маленькие кусочки — и тотчас плоть великана превратилась в людей, которых он съел когда-то.

По словам Чарли, злодей Семсем бывал и на Эроманге: в одной из пещер можно видеть отпечатки его рук и ног. К нашему огорчению, пещера эта находилась в другой части острова, и мы не смогли побывать там. Нам так и не удалось выяснить, та ли эта пещера, о которой писал Хэмфрис.

По словам исследователя, он сам побывал в пещере и своими глазами видел в полутьме таинственные отпечатки человеческих рук, кисти которых достигали 12 дюймов (30 см!) в длину. Два обстоятельства привлекли внимание Хэмфриса. Во-первых, жители Эроманги категорически отказывались сопровождать его, и добраться до пещеры он смог лишь благодаря тому, что проводником ему стал выходец с Танны. Во-вторых, некоторые оттиски довольно точно воспроизводили очертания пальцев, другие же имели форму, напоминающую силуэт каменных навэла.

В 40-х годах XX века М. Вудбэрн удалось уговорить местного вождя Офай показать ей эту пещеру. Но, кроме нескольких скелетов (в пещере в давние времена хоронили людей), там не было ничего примечательного. Невероятно, чтобы загадочные отпечатки рук могли

столь непонятным образом исчезнуть. Судя по всему, это была какая-то другая пещера, решила Вудбэрн.

Неясным остается и то, почему руки злого великана имели форму магических предметов, являвшихся средоточием благой силы, ниспосылаемой Нобу. Все это, конечно, требовало специального и более основательного исследования, для которого у нас уже не оставалось времени. Может быть, нам еще доведется побывать на этом затеряншемся в морских просторах острове и мы сможем получить какие-то новые данные на этот счет?

Пока же мы сочли более целесообразным использовать оставшееся у нас время для того, чтобы поговорить с авуном Чарли о его семейном ремесле.

Секрет фирмы

Что и говорить, мы допустили в свое время большую ошибку, поспешив покинуть лагерь экспедиции и тронуться в путь, не объяснив толком Чарли и Луи, кто мы такие и зачем идем в Хэппилэнд. Нужно было срочно наверстывать упущенное.

Узнав, что мы из России, авун Чарли понимающе закивал головой. Да, да, раньше он уже слышал такое название:

— Уж не тот ли это остров, где воевали с дурными людьми из племени гитлер?

Человек всегда мыслит привычными для себя категориями. Неведомое предстает перед его взором в образах, с которыми он сталкивается повседневно. В русских народных сказках богатство и роскошь волшебных стран выражаются в том, что люди носят там «онучи шелковые». Узнав, что во Франции даже крестьяне говорят по-французски, русский обыватель XVIII—XIX веков поражался образованности французов. В современных научно-фантастических фильмах пришельцы из других миров поразительно похожи на людей, хотя у разумных существ вполне может быть не два глаза, а дюжина, причем не только спереди, но и на затылке. И инопланетянки оказываются по-человечески милы, и почти всегда дело заканчивается тем, что земляне начинают испытывать к ним чисто человеческие чувства, которые, как известно, можно питать только к представителям того же биологического вида.

Если даже фантасты не могут вырваться из сетей привычки и меряют все своим аршином, то так же, ко-

нечно, поступают и люди, не обладающие научными знаниями. Папуасы, убедившись в земном, а не божественном происхождении Миклухо-Маклая, поняли, что он приехал откуда-то издалека. Николай Николаевич объяснил им, что он русский, и его стали называть тамо рус подобно тому, как жителей деревни Горенду, находившейся в двадцати минутах ходьбы от Бонгу, называли тамо Горенду.

Вполне понятно поэтому, что и авуну Чарли наша страна представлялась далеким островом, плыть до которого нужно гораздо дольше, чем до Танны и даже Эфате. А вот его познания в истории заслуживают самой высокой оценки

Дело в том, что в Океании (как, впрочем, и в островной части Юго-Восточной Азии) вторая мировая война ассоциируется прежде всего с борьбой против японцев. И это вполне объяснимо. В Сингапуре об ужасах японской оккупации, когда почти все европейцы были зверски уничтожены в отместку за отказ англичан сдать город без боя, напоминает огромный белый обелиск на берегу океана. На многих островах до сих пор громоздятся остовы японских бомбардировщиков, сбитых во время войны. Но Чарли знал и о том, что происходило во время войны так далеко от его родных краев!

Мы начинаем рассказывать о нашей стране, о Великой Отечественной войне, стараясь, конечно, не злоупотреблять специальной терминологией. Чарли слушает с неподдельным интересом и лишь изредка причмокивает и присвистывает (так меланезийцы обычно проявляют свои наиболее сильные эмоции).

Особое впечатление производит на Чарли та часть нашей импровизированной лекции, где речь идет о вероломстве неприятеля, напавшего на нас неожиданно, и о тех трудностях, с которыми нам из-за этого пришлось столкнуться в начале войны. Тут Чарли оборачивается к Луи и начинает что-то с жаром объяснять ему. Оказывается, он популярно излагает ему суть услышанного. А суть эта в том, что люди, напавшие на Россию, были дурными людьми: они стремились причинить зло другим, а это нехорошо. Никогда не следует пользоваться силой, чтобы вредить людям. Сам Чарли хоть и обладает способностью вызывать молнию, но никогда не направляет ее на хижину хорошего человека. Другое дело, если нужно наказать кого-то за дурной поступок. Тогда Чарли тверд и беспощаден.

Вот теперь, кажется, настало время расспросить Чарли о том, как это делается. Правда, он уже говорил нам, что его профессия передается только по наследству — от отца к сыну. Посторонний человек, посвященный в детали колдовского ремесла, может заболеть или даже умереть. Но соблазн слишком велик, поэтому мы все-таки решили рискнуть и узнать у мага хотя бы некоторые из его профессиональных тайн:

— Авун, а как один человек может убить другого молнией?

Чарли колеблется, ему очень не хочется подвергать нас опасности. Но вместе с тем ему неловко перед нами за то, что тогда по его вине мы промокли с головы до ног. К тому же мы рассказали столько интересных и поучительных вещей, что Чарли просто неудобно остаться неблагодарным. Поэтому он наконец решается, и мы записываем на магнитофон его рассказ..

Умение заговаривать дождь и вызывать ветер — это прирожденная способность таких людей, как Чарли. Но помимо этого совершенно необходимо точно помнить и неукоснительно соблюдать всю последовательность тщательно разработанного «технологического» процесса. Например, все дело может в последний момент сорваться из-за того, что маг, проснувшись поутру, по забывчивости тут же справит малую нужду. Делать этого ни в коем случае нельзя. Следует немедленно начать необходимые приготовления к священнодействию.

В хижине колдуна всегда хранится волшебный камень. Чтобы, например, вызвать молнию, Чарли берет этот камень и в тайне от всех жителей деревни несет его в лес. Горе тому, кто увидит камень в его руках. В лесу Чарли собирает листья с нескольких строго определенных деревьев и, произнося заклинание, кладет их на камень, который после этого тотчас же оживает и начинает двигаться. Чарли внимательно наблюдает за ним и, продолжая произносить заклинания, идет следом. Случается, что камень подпрыгивает и иногда даже оказывается где-нибудь высоко на дереве; своей внутренней силой колдун должен заставить его вернуться на землю. Если камень не подчиняется сразу, не следует терять времени даром, все равно ни грома, ни молнии не будет, ибо этому препятствует нечто, находящееся вне компетенции мага. Если же камень повинуется, Чарли берет его в руки и произносит еще одно — самое главное — заклинание, после чего и дости-

гает желаемого. Вызывать ветер, дождь или, напротив, солнечную погоду можно в принципе тем же способом, но по несколько измененной программе.

Мне вспомнилось тихое солнечное утро, встретившее нас в Хэппилэнде, когда мы наконец пробудились от сна после того изнурительного перехода через джунгли под тропическим дождем. И слова Луи о том, что авун Чарли позаботится о хорошей погоде: «Чарли сделает это. Чарли это может!» Видимо, Чарли потрудился не зря: всю неделю нашего пребывания в деревне была прекрасная погода и ничто не напоминало о том страшном потопе.

И все-таки, может быть, нам не стоило столь настойчиво расспрашивать авуна Чарли обо всем этом. Не оттого ли один из двух Майклов, узнавших тайны колдовского ремесла, по возвращении из Океании несколько лет страдал от тропической лихорадки?

Впрочем, многие утверждают, что это просто случайное совпадение.

Бунтарь-одиночка

Так уж, наверное, устроен человек, что он снова и снова открывает для себя вполне очевидные истины. Н. Н. Миклухо-Маклай, отправляясь на Новую Гвинею, хотел доказать, что волосы папуасов растут не пучками, а так же, как и у всех остальных людей. Полстолетия спустя К. Хэмфрис счел необходимым отметить в своей книге о Новых Гебридах: «Длительное пребывание среди жителей южной части архипелага убедило автора в том, что туземцы гораздо больше похожи на нас, чем обычно думают». Неужели и в наши дни этот тезис по-прежнему нуждается в доказательствах?

Путешественника невольно поражает поведенческий стереотип меланезийцев: любое отклонение от привычного воспринимается им как нечто экзотическое и странное. В гневе мы кричим, стучим кулаками по столу, хлопаем дверью; рассерженный меланезиец, напротив, молчит. Еще Г. Робертсон совершенно правильно подметил эту черту: «Если только он что-то говорит, не бойтесь его; но если он опустил голову и не произносит ни слова, будьте начеку — теперь он опасен». Упорное молчание Чарли по пути в Хэппилэнд было, оказывается, куда страшнее занесенного над головой топора старого Уили.

Меланезиец никогда не выражает словами чувство благодарности или признательности: поблагодарить за подарок — значит обидеть хорошего человека, сказать ему: «Я понимаю, на какую жертву ты идешь, отдавая мне последнее». Авун Чарли принял от нас подарки молча, хотя до нас не сразу дошло, что это значит.

Мы уже вернулись в поселок Ипота, куда по предварительной договоренности должен был зайти «Дмитрий Менделеев», чтобы взять нас на борт. Назначенный срок приближался, нашего судна не было видно, и где-то в глубине души впервые за эти дни я вдруг ощутил страх: что же мы будем делать, если в мире что-то произойдет и наш «Дмитрий Менделеев» не придет за нами?

Чтобы исключить случайности, мы отправились на радиостанцию, откуда неделю назад я давал радиogramму Дику Шатлеру, и попросили связаться с кораблем. Вечером того же дня радист сообщил, что сделать это ему не удалось. Оставалось ждать, и, чтобы скоротать время, которое вдруг стало тянуться невероятно медленно, я решил вместе с Чарли сплавать на каноэ в деревню, расположенную на противоположном берегу залива Кука. Была почти безветренная погода, и мы рассчитывали вернуться после обеда.

Некоторый опыт управления каноэ я приобрел еще на Берегу Маклая. Но тогда мы не рисковали удаляться от песчаной кромки пляжа; теперь же, оказавшись в полукилометре от земли, я понял, что сохранять равновесие и в то же время двигаться вперед в действительности не так просто, как нам раньше казалось. К тому же ветер свежел, и волны уже белели барашками. Когда мы наконец добрались до берега, руки у меня ныли, а поясницу ломало. Решено было дойти до деревни и немного отдохнуть там. И в этот самый момент прямо перед нами, словно вынырнув из-за мыса Предателей, появился наш долгожданный белоснежный красавец — «лонг лонг шип билонг Русия», как назвал его Чарли. «Дмитрий Менделеев» медленно и торжественно проплывал мимо нас, направляясь в сторону Ипоты. О посещении деревни теперь не могло быть и речи. Мы ментально столкнули каноэ в воду и, не ощущая усталости, стали грести вслед за «лонг лонг шип».

И капитан, и начальник экспедиции, естественно, беспокоились о нас, потому что попытки связаться с Эромангой по радиации скончились неудачей. Встреча на

борту была волнующей и трогательной. После долгого отсутствия дом всегда кажется особенно уютным и приветливым. Но прежде чем выспаться на чистых простынях, положив под голову настоящую подушку, нам нужно было подготовиться к расставанию с нашим авуном Чарли. Хотелось подарить ему что-то на память. Нехитрые сувениры были извлечены из чемоданов, но тут нам пришла в голову мысль, что кроме них неплохо было бы вручить доброму колдуну и полдюжины буханок русского хлеба. Сказано — сделано, и вот уже мешок с хлебом в руках у авуна. Он принял подарки с истинно мужским достоинством. А на следующий день сделал нам ответный дар — спел песню, сложенную им самим, о двух Майклах, приехавших издалека, с острова добрых людей.

Накануне отплытия с Эроманги мы узнали новые подробности биографии Чарли. Наш авун, оказывается, некоторое время работал в Ипоте механиком на складе пиломатериалов. Возмущенный тем, что француз-конторщик беззастенчиво обсчитывает рабочих, Чарли попытался организовать забастовку. Но в последний момент выяснилось, что рабочий класс Эроманги еще не созрел для классовых битв. Стачка сорвалась, а ее зачинщик был уволен без выплаты выходного пособия. Немало ударов судьбы пришлось перенести после этого могущественному магу — повелителю молний. Не потому ли так остро и глубоко почувствовал он доброе отношение к себе и ответил на него бескорыстной дружбой? А ведь, в сущности, он знал о нас лишь то, что мы приехали с далекого острова, где не растет ни таро, ни капустное дерево тамбеле. Когда, тихонько поглаживая меня по руке, он снова и снова повторял свое прощальное «кик-э-бау», я заметил в глазах его слезы. И у меня самого вдруг почему-то запершило в горле.

Отсалютовав сигнальной сиреной, «Дмитрий Менделеев» разворачивается и ложится на курс. Справа по борту тает в сумерках остров авуна Чарли. Не о нем ли писал Омар Хайям:

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не прожил и дня,
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!

Ночью неожиданно потеплело и выпал снег. Он плотно укутал Зюзинский лес, черневший вчера голыми стволами осин, и Лысую гору, теперь ослепительно белую, еще не исчерченную штрихами свежей лыжни. Резкий, порывистый ветер, дувший несколько дней подряд, стих. Танцующие в воздухе снежинки вспыхивают на солнце бриллиантовыми искрами.

Я сижу у окна за своим письменным столом, на котором разложены старые фотографии. Хижины, едва различимые в глубине пальмовых рощ, и веер брызг на прибрежных коралловых рифах. И мне начинает казаться, что я вновь слышу шум прибоя на берегу Эроманги — острова, приоткрывшего перед нами лишь краешек завесы, которая скрывает от постороннего взора тайны его истории.

С тех пор в Океании произошло немало изменений. Над портом Вила давно уже спущены флаги англо-французского кондоминиума, и на смену им взвился государственный стяг независимого государства — Республики Вануату. А что нового сегодня в Хэппилэнде? Что стало с нашими друзьями, с которыми мы познакомились на таинственном острове Эроманга?

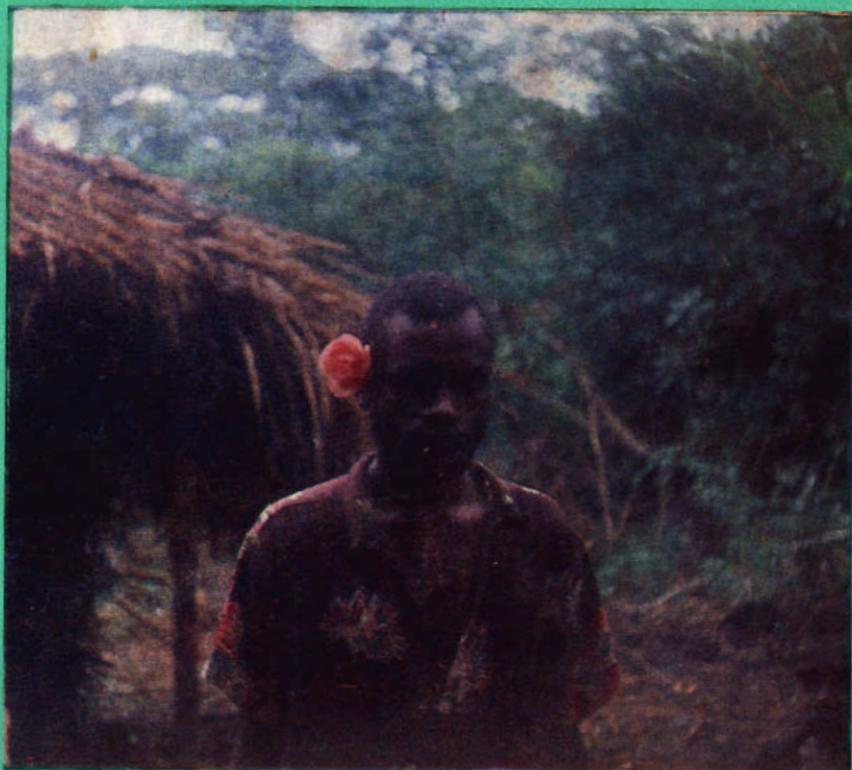
Совсем недавно на международном этнографическом конгрессе в Ванкувере я встретился с Диком Шатлером и был у него в гостях. Мы вспоминали об Эроманге, сожалая, что в тот раз нам так и не довелось увидеться.

Потом я неожиданно получил открытку от Йохана Кальсакау: «Дорогой Майкл! Все мы помним о тебе. Ждем в гости».

Художник Мишутушкин, приезжавший в СССР со своей выставкой сокровищ традиционной культуры Океании, говорил мне, что несколько лет тому назад встречался с эромангцем по имени Чарли. Но тот ли это Чарли, о котором я рассказал вам, он сказать не может.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Д. Тумаркин. Путешествие в островной мир</i>	3
День первый. Почти у цели	8
Из дневника капитана Кука	8
Неожиданное затруднение	10
Кондоминиум	13
На грани двух миров	17
Остров таинственный и зловещий	21
День второй. Ливень в джунглях	27
Проводники	27
Сандал и агатис	30
Последний фанло	35
В лесной хижине	37
Когда кругом еще не было воды	40
День третий. Счастливая земля	45
Деревня, где пищу готовят вечером	45
Это не мужское дело	50
О достоинствах и недостатках пиджина	54
Собака для верховой езды	57
День четвертый. О железном топоре и палке-копалке	61
Приглашение на огород	61
Связь времен	63
Кушать подано	67
Зачем человеку кокосовая пальма?	71
Каву пьют настоящие мужчины	74
День пятый. Незримые узы	78
Почему им было бы не смешно	78
Легенда	81
Убежденность и сомнения Генри Льюиса Моргана	85
Всех своих сверстников они называют братьями	88
Депопуляция как она есть	91
День шестой. Пусть вражеские стрелы летят мимо	95
Остров Мучеников	95
Что же произошло у мыса Предателей	97
К вопросу о творческом методе Гомера	101
Подарок авуна Джэрри	103
Великий Натмахранмапе	108
День седьмой. Как это делается	111
Авун Чарли	111
Этнография и нумизматика	114
О великане Семсеме	118
Секрет фирмы	121
Бунтарь-одиночка	124
Вместо эпилога	127

Немало неожиданностей было уготовано группе советских ученых, оказавшихся на Эроманга летом 1971 года. Один из участников экспедиции, этнограф М. В. Крюков, рассказывает читателю о своих встречах с жителями этого острова, где до той поры не довелось побывать ни одному нашему соотечественнику.